

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Б.П. Захарченя*,
академик *Ю.А. Золотов*, докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*,
академик *Ю.А. Израэль*, канд. ист. наук *С.С. Илизаров*,
докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*, академик *С.К. Коровин*,
канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. хим. наук *Ю.И. Соловьёв*, докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

В.И. Оноприенко

**Владимир
Иванович
ЛУЧИЦКИЙ**
1877 – 1949

Ответственный редактор
доктор философских наук
И.И. МОЧАЛОВ



МОСКВА
НАУКА
2004

УДК 574
ББК 28.082
О-31

Рецензенты:

кандидат г.-м. наук А.И. ЛУЧИЦКАЯ,
доктор исторических наук С.П. РУДАЯ,
академик РАН К.В. СИМАКОВ

Онопrienко В.И.

Владимир Иванович Лучицкий, 1877–1949 / В.И. Оноприенко. – М.: Наука, 2004. – 283 с. – (Науч.-биограф. лит.). – ISBN 5-02-033214-3

В книге на основе большого фактического материала рассказывается о жизни, научной и организационной деятельности крупного отечественного геолога-петрографа академика АН Украины Владимира Ивановича Лучицкого (1877–1949). В.И. Лучицкий принял активное участие в организации геологических учреждений на Украине, стал инициатором исследований природных богатств СССР, многое сделал для расширения минерально-сырьевой базы страны, написал первые отечественные учебники по петрографии. Раскрывается вклад В.И. Лучицкого в развитие науки, анализируются основные его работы, рассматривается педагогическая деятельность в Киевском и Таврическом университетах, Варшавском политехническом и Московском геологоразведочном институтах, Московской горной академии. Вводятся в научный оборот архивные и редкие литературные источники. Приведена переписка ученого с В.И. Вернадским и Б.Л. Личковым.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-033214-3

2005(1) и 132

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Научно-биографическая литература” (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2004
© Оноприенко В.И., 2004

*Друзьям по геологическому факультету МГУ,
задавшим шкалу ценностей
на всю жизнь*

От автора

Имя Владимира Ивановича Лучицкого широко известно поколениям советских геологов прежде всего потому, что многие из них вплоть до 1960-х годов учились по его учебникам петрографии. Поэтому у большинства оно ассоциируется с развитием этой отрасли геологических знаний в нашей стране. Действительно, возглавляя на протяжении двух десятилетий кафедры петрографии в Московской горной академии и Московском геологоразведочном институте, Владимир Иванович многое сделал для качественной подготовки кадров геологов в области петрографии, не только как лектор и автор многократно переиздававшихся учебников, но и как инициатор издания в нашей стране и редактор отличных зарубежных руководств Х. Смита, Н. Боуэна, Э. Вейншенка.

В.И. Лучицкий – среди тех геологов, которые внесли неопределимый вклад в расширение минерально-сырьевой базы страны в 1920–1930-е годы. Возглавляя горнотехнический отдел Института прикладной минералогии, работая позднее во Всесоюзном институте минерального сырья, Владимир Иванович на практике содействовал обеспечению минеральным сырьем ряда быстро развивавшихся отраслей промышленности. В годы Великой Отечественной войны В.И. Лучицкий – геолог-консультант “Союзалюминзавода” Наркомата цветной металлургии в Каменск-Уральском – многое сделал для обеспечения военной промышленности стратегическим сырьем.

Особенно дорого имя В.И. Лучицкого для украинского читателя. Владимир Иванович – сын замечательного историка, профессора Киевского университета И.В. Лучицкого. Его мать М.В. Лучицкая – известный

литератор, переводчик на русский язык многих классических произведений западноевропейской литературы. Семья Лучицких внесла особенный вклад в культурную и общественно-политическую жизнь Киева второй половины XIX – начала XX вв.

Сам Владимир Иванович, будучи профессором Киевского университета, уже в дореволюционный период многое сделал для геологического изучения территории Украины. Его деятельность активизировалась в трудные годы Первой мировой войны и революции, когда по его инициативе и под его руководством начали работать Отдел сырья Киевского комитета военно-технической помощи и Украинский Геологический комитет, которому суждено было стать первичной ячейкой государственной геологической службы Украины. В.И. Лучицкий, его ученики и соратники по Украинскому Геологическому комитету образовали высокоэффективный творческий коллектив – подлинную школу украинских геологов.

В.И. Лучицкий был среди тех ученых, которые способствовали формированию первых учреждений Украинской академии наук. Он особенно много сделал для становления деятельности академической Комиссии по изучению природных богатств Украины.

Избранный в 1945 г. действительным членом Академии наук УССР и возглавивший вскоре Институт геологических наук АН УССР, В.И. Лучицкий предложил перспективную концепцию развития фундаментальных и прикладных исследований в области геологических наук, оказавшуюся программным документом на многие годы.

Научная биография В.И. Лучицкого – это рассказ об истории высших учебных заведений, в которых ему пришлось преподавать: Киевского и Таврического университетов, Варшавского политехнического и Московского геологоразведочного институтов, Московской горной академии; это история Украинского Геологического комитета, Института прикладной минералогии, академических институтов Москвы и Киева, многочисленных научных обществ. В общем это

сложная и противоречивая история отечественной науки.

Создание научной биографии В.И. Лучицкого оказалось нелегкой задачей. Ни в одном из архивов Украины и России не оказалось личных фондов ученого, как, впрочем, и фондов его отца – И.В. Лучицкого. Крайне скудными оказались документы 1930–1940-х годов. На этом фоне неудач в поисках документальных материалов счастливым случаем выглядит находка в личном фонде Б.Л. Личкова в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (СПб АРАН) комплекта писем В.И. Лучицкого Б.Л. Личкову и в Архиве РАН в Москве (АРАН) его писем к В.И. Вернадскому, часть из которых публикуется в книге. Эти письма, несомненно, многое прибавят к сложившимся представлениям о личности Владимира Ивановича – бескорыстного подвижника науки.

Кроме указанных архивов, документальные материалы о деятельности В.И. Лучицкого были обнаружены в Государственном архиве города Киева (ГАГК), Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУ), Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР, ныне Российский государственный архив экономики), Архиве Президиума НАН Украины (АП НАН Украины). Некоторые фотографии удалось получить в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Украины (ЦГАКФФД).

По этим материалам в 1991 г. в издательстве “Наукова думка” в Киеве была издана на украинском языке моя книга о В.И. Лучицком. При ее подготовке ценную помощь в поиске материалов и фотографий оказали внуки Владимира Ивановича – Александр Игоревич, Светлана Игоревна, Нора Олеговна Лучицкие, профессора [М.С. Нагибина], И.И. Мочалов, член-корреспондент АН СССР [В.В. Тихомиров]. Им, а также сотрудникам Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва АН УССР Т.А. Щербань, В.В. Селезневой, А.Г. Луговско-

му, Л.И. Еременко, И.А. Бабий я выражаю искреннюю признательность за помощь.

В настоящей книге материал о В.И. Лучицком и его семье существенно переработан и дополнен, включено большое количество иллюстраций. Основным моим помощником в подготовке данного издания, а также рецензентом стала внучка Владимира Ивановича – кандидат геолого-минералогических наук Александра Игоревна Лучицкая, моя однокашница по геологическому факультету Московского университета. Ей моя сердечная благодарность за помощь и сопереживание. Благодарю также моего многолетнего друга Инара Ивановича Мочалова, взявшего на себя труд ответственного редактора книги, рецензентов академика РАН К.В. Симакова, доктора исторических наук С.П. Рудую, оказавшую мне техническую помощь Л.И. Еременко и постоянного моего компьютерного помощника – сына Михаила.

Семья

Отец Иван Васильевич Лучицкий

Владимир Иванович Лучицкий родился 2 мая (20 апреля) 1877 г.¹ в Киеве в семье известнейшего ученого-историка, профессора Университета св. Владимира Ивана Васильевича Лучицкого. Его мать Мария Викторовна Лучицкая – известный литератор, переводчик художественной и научной литературы с европейских языков. Лучицкие внесли заметный вклад в формирование культурной среды в Киеве в конце XIX – начале XX вв.

Говоря о формировании личности Владимира Ивановича, о становлении у него исследовательских устремлений, нельзя обойтись без рассказа о личности его отца, оказавшего, несомненно, сильнейшее влияние на жизненные, нравственные и мировоззренческие установки сына.

Иван Васильевич Лучицкий (2.06.1845 – 22.08.1918) родился в Каменец-Подольском в семье преподавателя семинарии (впоследствии гимназии) Василия Ивановича Лучицкого, выпускника знаменитой 1-й Киевской гимназии. Семья была из древних на Волыни. Иван Васильевич отыскал в архивах, что один из его предков в XVI в. служил наборщиком первой в здешнем крае типографии.

После продолжительного домашнего обучения И.В. Лучицкий, единственный ребенок в семье, поступил в Каменец-Подольскую гимназию. Жестокие нравы, господствовавшие в провинциальном учебном заведении, вызвали нервное заболевание у впечатлительного мальчика. Светлым лучом в детских воспоминаниях И.В. Лучицкого стало посещение гимназии знаменитым хирургом Н.И. Пироговым, в те годы попечителя Киевского учебного округа, способствовавшего установлению в учебных заведениях новых гуманистических порядков.

Почти весь гимназический курс Иван Васильевич увлекался математикой и мечтал поступить в университет на физико-математический факультет. История в гимназии преподавалась весьма примитивно по тенденциозным и схематическим учебникам.

¹ Все остальные даты до 1 января 1918 г. даются по старому стилю.

Лишь в седьмом классе ему в руки попали книги Ф.П.Г. Гизо “История цивилизации в Европе” и Ф.Х. Шлоссера “История XVIII века”, совершившие подлинный переворот в сознании юного гимназиста. “Особенно сильно на него подействовал нравственный ригоризм Шлоссера, суровая честность его мысли, его ненависть к увлечениям и фантазиям. Влиянию Шлоссера И.В. приписывает окончательное формирование своих этических взглядов и, в частности, укрепление ненависти ко всякому насилию. Шлоссер закончил то, что начато было влиянием отца и некоторыми особыми впечатлениями детства”². Иван Васильевич вспоминал в зрелые годы: “Вообще о национальной исключительности, о человеконенавистнических тенденциях тогда не было и помину, и семья, и гимназия воспитывали меня в иных чувствах, – и в книге Шлоссера я находил отзвук того же, его история учила тому же”³.

Иван Васильевич набросился на книги по истории, философии и политэкономии. В 1861 г. он перевелся в седьмой класс первой Киевской гимназии и начал усиленно готовиться к поступлению в университет, уже на историко-филологический факультет. Одновременно начал посещать в университете лекции профессора В.Л. Шульгина, подробно и интересно излагавшего историю античных политических учений. Лекции произвели на гимназиста большое впечатление и полностью переориентировали его интересы в область истории.

В 1862 г. И.В. Лучицкий стал студентом историко-филологического факультета киевского Университета св. Владимира. К этому времени в университете не осталось преподавателей, которые могли бы заинтересовать молодежь, В. Шульгин уже покинул университет. Студенческая сходка решила бойкотировать низкий уровень лекций преподавателя, присланного из Петербурга, а рассмотрение его магистерской диссертации поручила И.В. Лучицкому. Этот анализ диссертации был опубликован в газете “Киевлянин” в июне 1863 г. в виде двух критических фельетонов. Это была первая публикация Ивана Васильевича, тогда 18-летнего студента.

Так как историко-филологический факультет Киевского университета не блистал кадрами преподавателей, И.В. Лучицкому с самого начала пришлось заниматься самостоятельно. Благо была хорошо укомплектована и доступна университетская библиотека, основанная еще по инициативе Н.И. Пирогова.

² Тарле Е.В. И.В. Лучицкий: К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности, 1863–1913 // Тарле Е.В. Собр. соч. М., 1961. Т. 11. С. 380.

³ Там же. С. 381.

Иван Васильевич с жаром принялся за книги по всеобщей, новой и русской истории, философии, литературе, политической экономии. Большое значение для него имело знакомство с полузапрещенными тогда работами Бюхнера, Молешотта, Л. Фейербаха и запрещенным “Колоколом” А.И. Герцена.

Масса книг, прочитанных И.В. Лучицким в первый год учебы в университете, обнаруживает отсутствие научного руководства в поиске литературы и исследовательской тематики. Он стал инициатором сходки студентов-историков, предложившей факультету избрать на кафедру русской истории Н.И. Костомарова.

Н.И. Костомаров был избран, но его кандидатуру не утвердило министерство. Так и пришлось Ивану Васильевичу до окончания университета работать без какого-либо руководителя. Совершенно случайно, готовясь к экзамену по философии, он натолкнулся на “Курс позитивной философии” неизвестного ему тогда О. Конта, который на всю жизнь стал подлинным его руководителем в методологических подходах к осмыслению исторических фактов. Считая, вслед за О. Контом, движущей силой исторического развития умственный прогресс человечества, И.В. Лучицкий избрал для своих исследований проблемы идеологической борьбы и развития человеческой мысли. Позднее он посвятил О. Конту специальную работу “Огюст Конт и его историческая система”.

Работы О. Конта и Г. Спенсера, как никакие другие, сильнее всего повлияли на формирование научного мировоззрения И.В. Лучицкого и определили ориентацию его исканий и пристрастий в исторической науке. С первых шагов в науке у него сформировался глубокий интерес к изучению истории политической мысли и истории религиозных движений.

Дипломная работа И.В. Лучицкого о влиянии Византии на развитие идейной жизни Европы не получила медали, поскольку работу сочли неблагонадежной, но она привела автора к изучению религиозных движений в Европе, в особенности в XVI в. Остав-



Иван Васильевич Лучицкий – студент

ленный после окончания в 1866 г. университета стипендиатом для подготовки к профессорскому званию, Иван Васильевич все более погружался в историю кальвинизма во Франции в XVI в., проработав не только все печатные источники по этой проблеме, найденные в Киеве, но и некоторые рукописи в Петербургской публичной библиотеке, на которые ему указал Н.И. Костомаров. Продолжали интересовать И.В. Лучицкого и вопросы методологии исторического исследования. Под влиянием О. Конта им была написана работа “Адам Фергюсон и его историческая школа”, опубликованная в 1868–1869 гг. В итоге своей научной специальностью он избрал историю Франции. Выдержав магистерские экзамены в 1868 г., И.В. Лучицкий начал работать над трехтомником “История феодальной реакции во Франции в XVI–XVII веках”.

В результате кропотливой четырехлетней работы в библиотеке Киевского университета и Отделе рукописей Петербургской публичной библиотеки в 1871 г. вышли отдельными изданиями его труды: “Гугенотская аристократия и буржуазия на юге Франции после Варфоломеевской ночи” – приват-доцентская работа, защищенная им в Киевском университете в 1870 г., две монографии, серия небольших работ и магистерская диссертация “Феодальная реакция во Франции XVI в.” Первые же работы И.В. Лучицкого получили высокую оценку французских историков. В сентябре-октябре 1871 г. он прочитал на историко-филологическом факультете две пробные лекции “М. Лопиталь и отношение его к религиозным партиям во Франции” и “Генерал Монк” и был утвержден в звании приват-доцента кафедры всеобщей истории.

После защиты диссертации Иван Васильевич получил право на заграничную командировку на два года (затем продленную) и уехал во Францию. Он решил продолжить изучение истории религиозных войн, в основном сосредоточившись на отношениях кальвинизма и политических сил Франции. При работе в Национальном архиве и отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже у И.В. Лучицкого возникло предположение, что история кальвинизма носит территориально-региональный характер, поэтому многие документальные материалы можно найти в архивах южных провинциальных центров. Он направился в Гренобль, Ним, Тулузу, Монтобан, архивы которых оправдали его надежды. Им были найдены неизвестные французским историкам уникальные документы по истории политического влияния кальвинизма на историю Франции: протоколы политических съездов пасторов, заседаний церковных консисторий, ассамблей представителей реформистской церкви, которые собирались в Лангедоке, Гаре, Дофине, Монтобане и других городах; письма короля Генриха III и

его матери Екатерины Медичи, декларации и инструкции тайным агентам Генриха Ш, Филиппа II, Карла V, папы римского, мемуары титулованных особ и другие материалы периода Реформации и религиозных войн. Многие из найденных И.В. Лучицким документов были опубликованы во французских исторических изданиях и принесли ему славу первоклассного историка.

Зарубежная командировка И.В. Лучицкого совпала с периодом Парижской коммуны, которой он был необычайно увлечен. Он познакомился с множеством политических и культурных деятелей Франции и Европы, литераторами, учеными, а историю Коммуны изучил буквально по часам, так что русские студенты, учившиеся в Париже, попросили Ивана Васильевича прочесть специальный курс по новейшей истории Франции, пользовавшийся необыкновенным успехом. И.С. Тургенев и П.Л. Лавров ввели его в состав сотрудников журнала “Знание”, в котором И.В. Лучицкий опубликовал серию статей под названием “История скептической мысли в Западной Европе” (1873).

Длительное время пребывая во Франции, И.В. Лучицкий живо интересовался ее политической жизнью и культурой, полюбил ее, приобрел там многочисленных друзей. В своих письмах отцу, значительная часть которых хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, он ярко и эмоционально описывает события, очевидцем которых он был, например, – кровавую расправу Тьера над Парижской Коммуной: “Вчера я отправился осматривать катакомбы, где погибло свыше 2000 чел. голодной смертью. Защитники коммуны бежали туда, ища спасения от зверств солдат Версаля, запутались в лабиринте и погибли все до единого человека. Тяжкое впечатление производят эти катакомбы. Кости погибших голодною смертью не видны. В конце коридора, говорят, сложены кости этих несчастных. Их уложили “защитники” цивилизации. И, хороши эти защитники! Нужно исписать много листов бумаги, чтобы рассказать их подвиги, хоть даже в течение последней недели. Только тот, кто живет, кто слушает разговор их, их речи, кто следит за журналисткой, сможет понять это отвратительное впечатление”⁴.

С презрением и гневом описывает И.В. Лучицкий суд версальцев над коммунарами, который он называет “насмешкой над юстицией и правосудием”: “Французское правительство продолжает дело отвратительной мести и убийств, которое позорным и неизгладимым пятном легло на него. Еще вчера расстреляли трех обви-

⁴ Брусиловська Ф.А. Огляд фонду Лучицького Івана Васильовича (2.06.1845–22.08.1918 гг. // Фонди Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки АН УССР. Київ, 1982. С. 39.

ненных по суду, по какому? По суду, который все, что угодно, но не суд. Это насмешка над юстицией и правосудием, это балаганное представление, но с кровавым концом. Вы входите в залу с железными решетками на окнах. Для публики поставлено пять скамей, которые отделены перегородкой от места, где идет суд. На возвышении под распятьем поставлен стол, крытый зеленым сукном. Тут сидят судьи. Но, боже, какие судьи. Трудно подобрать рожи более противные, более подлые. Они сидят. Вводят подсудимого.

“Поднимитесь”, – грубо кричит председатель. “Громче”, “Яснее”, “Вы все каналы”, “Вы лжете”. Таковы вопросы, которые ежеминутно задает председатель. Того мало, он позволяет себе шутить над подсудимыми, смеяться и проч. Его решение, решение его собратий – заранее составлены, и речи прокурора и защитника – пустая формальность, не ведущая ни к чему”⁵.

В письмах описываются впечатления ученого от поездок в Версаль на заседания Национального собрания: “2 июля (20 июня) 1872 г. ...Вчера прочтен в Национальном собрании новый договор с Германией по вопросу об уплате контрибуции и очищении территории..., значит, есть надежда на распускание существующего Национального собрания. Тогда-то и начнется жизнь. Жду этого с нетерпением. Нужно же увидеть хоть раз французов в настоящем их виде...

17(5) июля 1872 г. ...Могу хоть каждый день ходить в Национальное собрание. Впрочем, не стоит, потому что много раз смотреть одну и ту же пьесу очень скучно. Гвалт, крики, топанье ногами – вот что вы услышите, когда входите в ложу театра, где заседает собрание. Во время заседания, на котором был я, к сожалению, не мог видеть Гамбетту, п.ч. Сидел над его местом. Зато видел всю шайку, правую сторону, слышал речь Тьера и видел его саркастическую рожицу. Это прекомический старичок, 2 вершка росту, в сюртучке, застегнутом на все пуговицы, говорит тихо, но очень внятно. Правая сторона орет, прерывает его, не дает говорить – Тьер спокойно стоит на трибуне, то барабанил пальцами по ней, то, скрестив руки и с ядовитой улыбкой, смотрит на правую сторону... Вообще дело погоды стоит во Франции дрянь. Строительство дамбы повело за собой разливы рек и наводнения. Попы и бонапартистская сволочь пользуются этим, чтобы проповедовать о том, что виною – республика. А правительство пошло и дрянно... держит чиновников заведомо бонапартистов... Недурная параллель – члены Коммуны умирают, крича “Да

⁵ Брусиловська Ф.А. Огляд фонду Лучицького Івана Васильовича (2.06.1845–22.08.1918 г. // Фонди Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки АН УССР. Київ, 1982. С. 39–40.

здравствует Коммуна!”, сами командуют солдатам стрелять в себя, твердо держатся своих мнений, а либералы-адвокаты, разные Фавры, Гамбетты и проч., постоянно спекулируют с собственной совестью. Первые носят название canaille (каналы), вторые – честных людей. Хорошо!”⁶

В Париже И.В. Лучицкий познакомился с известными политическими деятелями Франции Луи Бланом, Шарлем Лану, Александром Альбером, Леоном Гамбеттой, Клемансо и др. Его научная работа сблизила его с учеными, преподавателями, литературными, публицистами (Кишера, Артур Жири, Огюст Молинье, Луи Леже). Близко сошелся Иван Васильевич с зятем А.И. Герцена Габриэлем Моно – историком, педагогом.

В Париже И.В. Лучицкий впервые встретился и подружился с известным русским писателем Глебом Успенским. Тот после знакомства переехал в гостиницу, в которой жил И.В. Лучицкий, и был с ним неразлучен. Они вместе ездили в Версаль на заседания Национального собрания, познакомились с Парижем, были свидетелями кровавых событий. В письме отцу от 29(17) июля 1872 г. Иван Васильевич пишет: “На прошлой неделе проводил Успенского, что было мне очень неприятно, так как я очень сошелся с ним. Это душа русская, по настоящему сама доброта... Он не знает французского, но наблюдательный до такой степени, что ничего не ускользает от него, и мы проходим часто мимо разных вещей, не замечая их, а он указывал их, открывал смешные или серьезные стороны и проч. Он обещал мне устроить дело о сотрудничестве в “Отечественных записках”. Я буду писать туда корреспонденции и пошлю статью о Мирабо”⁷.

Летом 1874 г. Иван Васильевич был избран доцентом по кафедре всеобщей истории в Университете св. Владимира и должен был вернуться в Киев. Он продолжил преподавать в университете и работать над завершением докторской диссертации “Католическая лига и кальвинизм во Франции”, которую защитил в Петербургском университете в 1877 г. В отличие от предшественников, И.В. Лучицкий доказал, что в гугенотских войнах за религиозной формой скрыта борьба классов, а не династические интриги и противоречия. В эти годы у него наблюдается отход от методологических установок О. Конта и увлечение экономическими теориями, столь популярными тогда в Европе, что отрази-

⁶ Брусилowska Ф.А. Огляд фонду Лучицького Івана Васильовича (2.06.1845–22.08.1918 гг. // Фонди Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки АН УССР. Київ, 1982. С. 40–41.

⁷ Брусилowska Ф.А. Огляд фонду Лучицького Івана Васильовича (2.06.1845–22.08.1918) // Фонди Відділу рукописів Центральної бібліотеки АН УССР. Київ, 1982. С. 22.



Иван Васильевич Лучицкий
1870-е годы

лось в многочисленных публикациях: “История крестьянской реформы в Западной Европе XVI ст.”, “Борьба за избирательное право в Англии и реформа 1832 г.”, “Крестьяне и крестьянская реформа в Восточной Австрии. Крестьянская реформа в Буковине”.

Осенью 1874 г. Иван Васильевич познакомился со своей будущей женой. Свадьба состоялась в мае 1875 г. Мария Викторовна до встречи с И.В. Лучицким готовилась к поступлению на медицинский факультет университета в Цюрихе. Самостоятельно изучила латынь, прочла Корнелия Непота, Цезаря, изучала математику. Под влиянием Ивана Васильевича, яркого и эмоционального, она увлеклась историей. После

свадьбы супруги уехали в Париж. И.В. Лучицкий намеревался пополнить материалы к докторской диссертации в архивах и библиотеках Франции. Хотя прошло четыре года после поразивших весь мир дней Парижской Коммуны, везде были следы войны и революции. Иван Васильевич договорился, чтобы Мария Викторовна работала в парижском архиве с документами на испанском языке, который она немного знала и укрепила свои знания в ходе работы.

В Париже Мария Викторовна перевела на русский язык работу Г. Спенсера “Обрядовое правительство”, напечатанную в “Отечественных записках”. Эта публикация стала началом ее активной литературной деятельности. Г. Спенсер предложил издать в России его “Описательную социологию Англии”, которая очень нравилась Ивану Васильевичу, но для ее издания у Лучицких не было денег.

Уже после возвращения супругов в Киев 1 августа 1875 г. деньги на издание книги Г. Спенсера дал взаймы отец И.В. Лучицкого – Василий Иванович. Мария Викторовна сделала перевод. В типографии напечатали 1200 экземпляров книги, взяв за работу 700 руб. Весь тираж тут же был закуплен книжным магазином за 1200 руб., так что Мария Викторовна даже получила солидный гонорар.

Преподавание в университете и подготовка диссертации поглотили все время Ивана Васильевича. В 1876–1877 гг. были опубликованы два тома, составившие его докторскую диссертацию, которую он защитил в марте 1877 г. в Петербургском университете. Эти и последующие книги И.В. Лучицкого по истории Франции XVI в. вскрыли, по мнению его талантливого ученика Е.В. Тарле, социально-политический смысл жестоких коллизий реформационного века. Профессорская деятельность И.В. Лучицкого и его коллеги М.П. Драгоманова позволили существенно повысить уровень преподавания исторических дисциплин в Киевском университете. В 1876 г. он опять побывал во Франции, работал в архивах.



Мария Викторовна Лучицкая

В 1876 г. он опять побывал во Франции, работал в архивах.

В общей сложности работа во французских архивах продолжалась более 10 лет. И.В. Лучицкий посетил и архивы Германии, Италии, Испании. Так, во Флоренции он нашел документы, связанные с историей Флорентийской республики (1527–1530) и деятельностью итальянского полководца и политического деятеля, защитника республики Франческо Ферруччи. Часть собранных материалов он передал своему ученику В.К. Пискорскому, который использовал их в своей работе⁸.

Во второй половине 1870-х годов началась и общественная деятельность И.В. Лучицкого. Он был избран гласным Золотоношского земства, а затем гласным Полтавского губернского земства. Мария Викторовна также отдавала много времени общественной деятельности: занималась детским приютом в Киеве, стала членом распорядительного комитета Высших женских курсов, на которых впоследствии преподавали и Иван Васильевич, и Владимир Иванович. Она вспоминала: “На членах комитета лежала обязанность добывать деньги для поддержания курсов, де-

⁸ Пискорский В.К. Франческо Ферруччи и его время. Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527–1530). Киев, 1891.

журить поочередно на курсах, записывать слушательниц, разъяснять им всякие недоразумения и т.п., посещать заседания комитета два раза в месяц и т.д. Курсы шли очень успешно. Потребность в высшем образовании была очень сильной у тогдашней женской молодежи, и она быстро заполнила открывшиеся перед ней аудитории. К курсам сочувственно отнесся учебный персонал. Все профессора университета согласились читать на курсах. Молодые девушки, только что закончившие гимназии, работали с таким усердием, что приятно было на них посмотреть. И.В. находил, что читать лекции студенткам гораздо приятнее, чем студентам, так как у слушательниц легче возбудить интерес, и они больше увлекаются преподаваемыми занятиями. Такое отношение к занятиям женщин в высших учебных заведениях он сохранил до конца своей педагогической деятельности”⁹.

Рождение в семье Лучицких первенца – Владимира – совпало с объявлением Россией войны Турции. Мария Викторовна писала спустя десятилетия: “20 апреля 1877 г. я продержала последнюю корректуру книги Спенсера “Описательная социология” накануне рождения сына Владимира. Разочарование при рождении моего сына Владимира было то, что акушер Шварц, зная, что муж не желает, чтобы я кормила, уверил меня, что я по состоянию здоровья не должна кормить, а должна взять кормилицу. Я вынуждена была уступить к моему величайшему огорчению и радости убеждавших меня. Я не знала тогда, что наступит глубокая старость, сломится сила, место ее заступят недуги и беспомощность, и та, которая всегда старалась всем помочь, не будет в состоянии помочь самой себе волею судеб, и вот этот самый малютка благодаря своим знаниям, своей неутомимой энергии, трудолюбию поддерживал меня и оказался опорой не только для созданной им самим семьи, но и для меня в частности”¹⁰.

Весной 1878 г. Иван Васильевич купил вблизи Золотоноши хутор и построил в селе Каврай школу. Хутор обустроили, посадили сад. Летом того же года он и Мария Викторовна побывали в Москве, где в доме известного историка М.М. Ковалевского состоялось их знакомство с издателем К.Т. Солдатенковым, который заказал М.В. Лучицкой перевод трехтомной “Истории XIX века”, опубликованной под редакцией И.В. Лучицкого. Впоследствии на протяжении трех десятилетий К.Т. Солдатенков постоянно заказывал Марии Викторовне переводы исторических трудов. М.В. Лучицкая опубликовала в его издательстве “Исто-

⁹ Лучицкая М.В. Воспоминания: Рукоп. С. 20. Хранится у С.И. Лучицкой.

¹⁰ Там же. С. 19.

рию современной Европы” Эндрюса, “Историческую географию” Фримана, трехтомную “Историю Франции” Л. Грегуара.

Лето 1879 г. Лучицкие провели во Франции и Швейцарии, оставив присматривать за Володей мать Марии Викторовны и няню. В Париже супруги много работали в архивах и библиотеках, общались с П.Л. Лавровым, философом-позитивистом Г.Н. Вырубовым, своими французскими друзьями. И.С. Тургенев подарил И.В. Лучицкому свой портрет с надписью и поручил поклониться России, которую не надеялся больше увидеть.

1 сентября 1880 г. в семье Лучицких родилась дочь Ольга. В том же году в Киеве большой резонанс имела публичная лекция И.В. Лучицкого “Провинциальные собрания во Франции перед революцией 1789 г.” Лекцию признали чуть ли не революционной. Говорили, что за нее Ивана Васильевича могут выслать в Сибирь.

В 1880-е годы под влиянием идей К. Маркса у И.В. Лучицкого пробудился интерес к экономической истории и политическим вопросам современности. Деятельность в земстве все более обращала его внимание на вопросы землевладения, которые интересовали его как в актуальном, так и в историческом плане. И.В. Лучицкий заинтересовался проблемами общины, прежде всего применительно к Украине, но, как всегда, он искал и более широкий контекст этой темы. Его статьи об общине, опубликованные в различных журналах и университетских изданиях, к сожалению, недостаточно привлекли внимание ученых и не вошли в широкий научный обиход, но по содержанию и качеству впервые поднятого материала, по научным результатам эти небольшие работы весьма значительны и к тому же оказались актуальными в переломный период российской истории. Россия в тот период шла по пути быстрого развития капитализма. Вопрос о судьбах русской общины, о судьбах многомиллионного крестьянства требовал практического разрешения. Многие годы этот вопрос выступал краеугольным камнем в политической борьбе различных общественных групп. В науке эта борьба отразилась в полемике между сторонниками и противниками общинной теории.

В это время украинские и некоторые российские историки, экономисты и социологи настойчиво утверждали, что Украина не знала и не знает общины и, в отличие от России, является классической страной так называемого личного подворного владения. Это утверждение использовалось как аргумент исключительности истории украинского крестьянства. Если украинские историки и обращались к общине, то рассматривали ее лишь как судебно-административный институт. Одновременно в Европе

развернулась идейная борьба против общинной теории. Коллеги И.В. Лучицкого, видные медиевисты М.М. Ковалевский и П.Г. Виноградов выступили убежденными защитниками общинной теории.

И.В. Лучицкий в своих исследованиях общины связал две области, расположенные на противоположных концах европейского континента, – Испанию и Украину. Доказательство существования общины у столь различных народов, отделенных друг от друга тысячами километров и отличавшихся по своим историческим традициям, культуре и быту, стало сильным аргументом в защиту общинной теории. Осенью 1882 г. в архивах Барселоны, Фуа, По и других И.В. Лучицкий впервые изучил огромный документальный материал: описи земельных владений, протоколы сельских сходов, юридические акты и сделки общин, хартии и привилегии общин, кодексы обычного права. После возвращения на родину Иван Васильевич опубликовал в “Отечественных записках” яркую статью об испанской общине¹¹. В статье он отстаивал точку зрения, согласно которой “...формы общинного владения... не суть исключительная или специфическая принадлежность или свойство той или иной нации или расы, не составляют результаты какого-то особого самобытного народного духа..., а представляют собою факты развития, формы его, свойственные всему человечеству, всем его расам. В своих многообразных проявлениях община составляет одну из фаз или, вернее, ряд фазисов этого развития, чрез которые неизбежно и необходимо проходят все народы...”¹².

Описывая различные формы общины, И.В. Лучицкий рассматривал их не в статике, а в развитии, в определенной связи этих форм с уровнем развития отдельных областей Пиренейского полуострова. Он обнаружил в пиренейской общине существенные отличия от феодальной общины других стран Европы: в ней преобладающую роль играло скотоводство, а не земледелие; пиренейская община вплоть до конца средневековья сохранила экономическую и административную независимость от феодала, а ее внутренняя жизнь характеризовалась широким демократизмом; сохранение большого влияния родственных отношений как важнейшего фактора внутриобщинной жизни. Он не только открыл для науки испанскую общину и обратил внимание на разнообразие ее форм, но и вскрыл связь этих форм с особенностями среды и исторического развития Испании. Ученый предпринял

¹¹ Лучицкий И.В. Поземельная община в Пиренеях // Отеч. зап. 1883. № 9. С. 57–78; № 10. С. 467–506; № 12. С. 415–442.

¹² Там же. № 9. С. 57–58.

также попытку исследовать испанскую общину дофеодального периода. Чтобы преодолеть скудость источников, он уделил особое внимание методу переживаний, а также использовал свидетельства античных писателей. В результате И.В. Лучицкий представил убедительную картину повсеместного распространения на Пиренеях родовой общины, внутренняя жизнь которой строилась на коммунистических началах. На примере истории испанской общины он подтвердил основы общинной теории, показав, что община – не только универсальный институт, но что она обязательно проходит единый путь развития и эволюции, что родовая община есть предшественница общины территориальной, что разложение первой обязательно связано с ослаблением родовых начал, а затем их ликвидации и замены началами территориальными.

Источниковой базой исследования И.В. Лучицким истории украинской общины стал колоссальный материал, в том числе статистический, например, Румянцевская опись, впервые введенная им в научный оборот. Иван Васильевич проделал “...огромную источниковедческую работу, впервые приступив к поискам и изучению еще никем не тронутых архивов, заброшенных на чердаках официальных и частных зданий. Лучицкий раньше других обратил внимание на богатейший материал, заключающийся в известной Румянцевской описи 1767 г. В 1883 г. он опубликовал статистические таблицы под названием “Козачьи владения Золотоношского уезда Полтавской губернии”, составленные на основании Румянцевской описи и явившиеся первым опытом широкой разработки ее цифрового материала. В 1884 г. он издал значительную часть документов Румянцевской описи, взятых из архивов Киевского университета и Полтавской казенной палаты, впервые “делающихся известными и касающихся совершенно неизвестной и вовсе еще не исследованной стороны народной жизни Юга”. Эти публикации лишь частично охватывали тот документальный материал, который находился в распоряжении Лучицкого. Каждая последующая его работа обогащалась новыми архивными сообщениями, открывавшими неизвестные стороны в аграрной истории украинского села”¹³. Он в течение четырех лет наблюдал жизнь крестьян ряда сел Золотоношского и Переяславского уездов. Особенно высоко он ценил сообщения старожилов, внимательно изучал многочисленные судебные конфликты, связанные с борьбой крестьян за общинные земли и др. Примененный им

¹³ Лаптин П.Ф. Проблема общины в трудах И.В. Лучицкого // Сред. века. М.; Л., 1963. Вып. 23. С. 216.

метод переживаний, а также социологические наблюдения позволили накопить не только статистический, но и ценный этнографический материал, закрепить его экскурсами в обычное право и тем самым сделать очень убедительным.

Основные исследования И.В. Лучицкого, посвященные украинской общине, были опубликованы в 1882–1892 гг.¹⁴ И.В. Лучицкий доказал существование общины на Украине не только в средние века, но и сохранение различных, даже архаических, ее форм вплоть до середины XIX столетия. Он обратил особое внимание на внутреннюю организацию общинного хозяйства, определяя форму общины в зависимости от степени обобществления различных видов земель и характера взаимоотношений между ее членами. Проводя параллели с развитием общины в других странах Европы, он считал, что среди общинных форм на Украине доминировала община-марка. Ему, правда, весьма аргументированно возразил его коллега М.М. Ковалевский, отметивший, что совместное владение нескольких сел общинными землями на Левобережной Украине в XVII–XVIII вв. не есть община-марка как архаическая форма общинного землевладения, а следствие специфического заселения земель этого района казацкими полками и сотнями.

Оригинальным вкладом И.В. Лучицкого в разработку украинского права стало исследование сябринного хозяйства как формы общинных отношений на Украине. Возникновение сябринного хозяйства он связывал с историей и характером заселения Левобережной Украины. В статье “Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии” он показал, что поселение на новых землях, проводившееся на принципах захвата и фактического пользования, осуществлялось целыми родственными группами, и эти заимочные земли попадали в безраздельную собственность не отдельных их представителей, а всей общины или родственного союза. Прообразом такого родственного объединения И.В. Лучицкий считал семейную общину, широко распространенную на Правобережье в XVI в. и перенесенную на степные просторы Левобережной Украины. Тем не менее сябринство, по мнению И.В. Лучицкого, – не большая семья, а продукт

¹⁴ Лучицкий И.В. Общинное землевладение в Малороссии // Устой. Киев, 1882. № 7. С. 39–61; Он же. Следы общинного землевладения в Левобережной Украине XVIII в. // Отеч. зап. 1882. № 11. С. 91–116; Он же. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Сев. вестн. 1889. № 1. С. 69–88; № 2. С. 37–50; Он же. Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии // Юрид. вестн. 1890. Т. 4. С. 391–424; Он же. Гетман Мазепа и остерские общины земли (из истории землевладения в Левобережной Украине) // Киев. старина. 1892. Янв. С. 110–117.

распада ее на отдельные группы семей и дворов, связанных между собой общностью происхождения, кровным родством, сохранением общего владения землями их предков.

Много внимания в своих работах И.В. Лучицкий уделил вопросу разложения украинской общины, установив определенные коррелятивные связи этого процесса с судьбами общины западноевропейской.

Фактически Иван Васильевич занимался проблемами общины около десяти лет, но особый интерес вызывает то, что он, вовлеченный в политическую жизнь в начале XX в., вновь обратился к актуальным общинным проблемам в связи со столыпинской реформой сельского хозяйства России. Признавая историческую неизбежность разрушения общины, вызванную экономическим развитием общества в условиях бурного развития капитализма в России, он допускал возможность сохранения крестьянской общины. Ученый полагал, что столыпинская реформа может стать предпосылкой углубления социальных противоречий и способствовать революции в России. И.В. Лучицкий полагал, что столыпинская реформа преждевременна и может привести к массовому разорению крестьянства. В ряде статей он проводил аналогии между аграрными реформами в разных странах Европы, пытался показать несостоятельность аграрных мероприятий царского правительства, направленных на ликвидацию русской общины. В статье “Раздел общинных земель в Германии XVIII в.” И.В. Лучицкий критиковал сторонников столыпинской реформы в III Государственной думе, полагавших, что только через уничтожение общинных отношений можно модернизировать хозяйство России. Обращаясь к истории аграрной политики Фридриха II, направленной на раздел общинных земель, он показал, что эта политика не дала никакого экономического эффекта и привела к обострению социальных коллизий в обществе. Причиной неудач он считал отсутствие в Германии XVIII в. необходимых условий для ликвидации общинных земель и оценивал аграрную реформу Фридриха II как искусственное перенесение в Пруссию английского опыта. Если в Англии уничтожение общины было органичным, закономерным и исторически оправданным процессом, то Пруссия не была к этому готова. Точно также и Россия начала XX в. не достигла уровня развития Англии, а скорее напоминала Германию времен Фридриха II, аграрная политика которого была болезненной фантазией и преступной политической игрой. Таким образом И.В. Лучицкий поставил очень актуальный вопрос переноса опыта модернизации из одной страны в другую, который актуален и в наши дни, в эпоху кардинальных реформ общественного уклада.

Интерес к украинской истории у И.В. Лучицкого был связан с его активной общественной деятельностью как земского гласного Полтавской губернской земской управы, участием в организации статистических работ в губернии и с ежегодным пребыванием во время летнего отдыха на своем хуторе в Золотоношском уезде, где Иван Васильевич изучал быт крестьян, фольклор и этнографию, а также архивные материалы. Особое место в его трудах занимает работа над так называемой “Румянцевской описью” (Генеральной описью социально-экономического состояния Левобережной Украины, проведенной в 1767–1768 годах под руководством генерал-губернатора Малороссии П.Я. Румянцева), которая заняла несколько лет кропотливого труда – выписок из “Описи” по полкам и сотням, сделанных в архивах Киевского университета, Полтавской и Черниговской казенных палат. На их основе была создана работа, вышедшая в 1883 г. отдельным изданием.

В конце XIX в. он один из деятельнейших сотрудников замечательного журнала “Киевская старина”. Интерес к истории и культуре Украины подкреплялся через родственников Марии Викторовны, близкими знакомыми которых были видные деятели украинской культуры писатель М.П. Старицкий и композитор Н.В. Лысенко. Мария Викторовна помогала устраивать в Киеве первые концерты Николая Витальевича Лысенко.

В 1883 г. Мария Викторовна заболела ревматизмом, лечилась в Одессе и Крыму. Жизнь семьи протекала вполне благополучно: “Возвратившись на хутор, я застала дом совершенно готовым. Он произвел на меня очень симпатичное впечатление: небольшой, но вместительный, он состоял из 6 комнат: кабинета, большой столовой с камином, небольшой, но уютной гостиной, длинного коридора 3-х аршин шириной, а из него большая квадратная спальня, детская, на юг и на север две комнаты, одна для гувернанток, другая для гостей, большой балкон из столовой на юг, где вечером пили чай и открывался вид на днепровскую долину, рядом со столовой ниже фундамента громадная веранда, обвитая диким виноградом 17 аршин длиной и в аршин шириной, где всегда обедали во всякую погоду”¹⁵.

Поворотным в жизни семьи Лучицких стал 1890 г., когда в России разразился страшный голод, охвативший всю страну. Интеллигенция, все здоровые силы общества стремились помочь бедствовавшему народу. Интеллигенция Киева решила издать “Киевский сборник в пользу голодающих”, привлечь к участию

¹⁵ Лучицкая М.В. Указ. соч. С. 33.

в нем русских и зарубежных писателей. Марии Викторовне удалось получить для сборника ряд произведений скандинавских писателей. Иван Васильевич помогал голодающим через земство. В 1890 г. была основана газета “Киевские отклики”, редактором которой стал И.В. Лучицкий, с энтузиазмом принявшийся за этот новый вид деятельности. Газета способствовала оживлению политической и культурной обстановки в Киеве в конце XIX в.

Переводя скандинавских авторов, Мария Викторовна особенно сблизилась со шведской писательницей А.К. Леффлер, перевела ее воспоминания о Софье Ковалевской, опубликованные в “Северном вестнике”, а также драму о С. Ковалевской “Борьба за счастье”, с успехом шедшую в Киеве в Соловцовском театре, а также в театрах Одессы, Харькова, Орла. М.В. Лучицкая изучила датский язык, перевела и опубликовала в “Северном вестнике” роман Б. Бьёрнсона “Новые веяния”, издала за свой счет два сборника произведений скандинавских писателей с рассказами Бьёрнсона, Ибсена, Гарборга. “Северный вестник” сделал ее своим постоянным автором. Много публиковалась она также в журнале “Божий мир”. Значительным событием стал ее перевод “Истории Европы XIV века” Файфа.

В 1890-е годы И.В. Лучицкий вернулся к разработке вопросов истории Франции. Более двадцати лет он посвятил изучению истории французского крестьянства и землевладения в эпоху революции 1789–1793 гг. Он первым из российских историков и одним из первых во Франции начал последовательную разработку архивных источников для создания истории поземельной собственности во Франции в этот период. Его работы получили самое широкое признание французских историков. Это многочисленные публикации в российских и французских научных изданиях: “Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ”, “Крестьяне во Франции XVIII в.”, “Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в.”, “Землеустройство французской деревни накануне революции”, “Из истории сеньоральных и поземельных отношений во Франции в эпоху революции”, “Национализация имуществ во Франции во время революции”, “Аграрные отношения во Франции накануне революции”, “Аграрные отношения в окрестностях Парижа накануне революции”. Аграрным вопросам посвящены и его монографии “Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, преимущественно в Лимузене” и “Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789–1793 гг.”

С начала 1890-х годов И.В. Лучицкий начал разрабатывать важнейшую тему: какие изменения внесла Французская революция в историю крестьянства и социальный состав землевладения? Для этого потребовалось поднять новые архивные документы. С 1894 г. начались постоянные поездки Ивана Васильевича по архивам Франции, продолжавшиеся фактически до Первой мировой войны. О режиме работы И.В. Лучицкого писал его ученик Е.В. Тарле: «Иван Васильевич обычно приходил с раннего утра, за несколько часов до официального открытия архивов, до позднего вечера, пользуясь любезностью архивариусов и провинциальных архивных стражей, которые сначала изумлялись, а потом махнули рукой и стали его пускать в любые часы. Это объяснило мне те колоссальные количества выписок и копий, какие он постоянно привозил из своих экскурсий. По мере хода работы расширялся план исследований, а по мере выхода отдельных отчетов И.В. о его материалах и исследований в ученом мире в России, Франции, потом Германии усиливался интерес к пересмотру установившихся мнений, предпринятому Лучицким»¹⁶.

Одновременно с этой неустанной деятельностью в архивах и публикацией полученных результатов в России и за рубежом нарастала общественно-политическая активность И.В. Лучицкого. Ему удалось связать свои исследовательские интересы историка с идеалами русской крестьянской общины, столь популярными среди демократических слоев России в конце XIX – начале XX вв. Он постоянно и открыто демонстрировал свой демократизм: «Лучицкий действительно принадлежал к так называемым либеральным профессорам, на которых власти косились, и еще в начале своей профессуры принимал деятельное участие в местном самоуправлении, состоя гласным городской думы в Киеве, земским гласным в Полтавской губернии, почетным мировым судьей в Золотоношском ее уезде и пр. Когда началась знаменитая весна 1904 года, он занялся деятельной агитацией в пользу конституционных демократических идей: редактировал в Киеве газеты «Киевские отклики» и «Свобода и право», был членом известных земских съездов, принимал видное участие в профессорском Академическом совете, был одним из основателей партии народной свободы и т.п., но ни в первую, ни во вторую думу ему попасть не удалось не без создания к тому искусственных препятствий в виде судебного преследования одного из редактировавшихся им органов. Во время первой думы он, тем не менее, проживал в Петербурге, приняв участие в основании и работе обще-

¹⁶ Тарле Е.В. Собр. соч. М., 1961. Т. 11. С. 391.

ства автономистов-федералистов. Избранный, наконец, в третью думу в 1908 г. он, хотя и оставался в ней до истечения ее пятилетнего срока, но уже не проявлял прежней энергии в общественной деятельности, недовольный общим характером всей думы и все более расходясь во взглядах с вождями к.- д. (кадетской – В.О.) партии...»¹⁷.

В 1907 г. состоялись выборы в третью Государственную думу. И.В. Лучицкий был избран ее депутатом по одному из участков Киева. Мария Викторовна вспоминала: “Большая толпа пришла поздравить И.В. и пожелать ему счастливого пути и успеха. И.В. принял всех с обычной ему приветливостью и в краткой речи наметил характер своей будущей деятельности. Начались сборы к отъезду. Наступил полный переворот жизни. Исчез И.В., игравший в ней такую большую роль своей буйной неукротимой деятельностью. О его отъезде одинаково горячо сожалели и крестьяне в деревне, и казаки в Еремеевке и покинутые им так называемые собрания по вторникам, которые созывались у И.В. Лучицкого его учениками. На них разбирались Румянцевская рукопись, обсуждались современные политические вопросы, предстоящие выборы и т.д.”¹⁸

Конечно, он не вполне подходил к политической деятельности. Как вспоминал видный историк Н.И. Кареев, “...он был слишком, так сказать, субъективен, экспансивен и притом импульсивен, чтобы уметь быть действительным политиком, проявляющим сколько-нибудь хладнокровия, предусмотрительности и, если не беспристрастия, то, по крайней мере, способности ладить с нужными в правом отношении людьми. Он сам, по-видимому, стал сознавать, что не рожден быть политиком, и, быть может, здесь нужно искать одну из причин его охлаждения к думской деятельности... Никто, тем не менее, не решился бы отрицать заслуг Лучицкого, как прогрессивного городского и земского гласного, как редактора прогрессивных органов прессы, как одного из основателей партии, которой суждено было сыграть видную роль в нашей истории между первой и второй революциями”¹⁹.

С 1908 г. И.В. Лучицкий жил в Петербурге и, кроме работы в Государственной думе, преподавал на Высших женских курсах, в Петербургском университете и других учебных заведениях. Весной 1917 г. он вернулся на Украину, а в 1918 г. скончался.

¹⁷ Кареев Н. И.В. Лучицкий // Голос минувшего. 1920–1921. С. 155–156.

¹⁸ Лучицкая М.В. Указ. соч. С. 42.

¹⁹ Кареев Н. Указ. соч. С. 156.



Иван Васильевич Лучицкий
Начало XX в.

Это был крупный ученый и общественный деятель. Как историк, он вместе с другими выдающимися учеными – Н.И. Кареевым, М.М. Ковалевским, П.Г. Виноградовым, обеспечили признание русской исторической науки на Западе. Им была воспитана плеяда талантливых историков: Н.Н. Любович, Н.В. Молчановский, Д.М. Петрушевский, В.А. Мякотин, Н.П. Василенко, В.К. Пискорский, Е.В. Тарле. Последний характеризовал своего учителя так: “И на университетской кафедре он был прежде всего тем, чем был в своем кабинете: ученым исследователем. Но так как для него деятельность исследователя была всегда главным делом жизни, и отда-

вался он этому делу со всей страстью, на какую способен его порывистый и живой темперамент, то немудрено, что он так легко заражал этой страстью других. Показная любовь к научному труду была всегда чужда Ивану Васильевичу. И тем сильнее действовало и действует на всех начинающих работать под его руководством это могучее чувство, о котором он нигде не говорит, но которое сделало всю его жизнь долгой, часто неблагоприятной, всегда тяжелой борьбой за расширение исторического видения”²⁰.

Действительно, Иван Васильевич был типичным профессором-исследователем, преподавательская работа не была его стихией. Он никогда не заявлял для чтения полный курс всеобщей истории, а читал отдельные, проблемные курсы по периодам, которые его интересовали и над которыми он работал как исследователь. Но читал он курсы очень хорошо, при полной аудитории. Кроме того, его очень часто просили прочесть публичные лекции, которые он читал в разных местах (не только в Киеве, но и

²⁰ Тарле Е.В. И.В. Лучицкий как университетский преподаватель // Науч. ист. журн. 1914. № 4. С. 9.

в Одессе, Юрьеве, Кишиневе, Полтаве, Кременчуге и т.д.) с большим успехом.

Нетипичной для профессорских кругов его времени была высокая общественная, гражданская активность И.В. Луцицкого. Этому, видимо, способствовала и его многолетняя работа во Франции, и его естественная отзывчивость, человечность, неспособность отмахнуться от насущных проблем народа, жизнь которого он хорошо знал и глубоко вникал в ее нужды. Здесь И.В. Луцицкого можно сравнить с В.И. Вернадским. Иван Васильевич выполнял весьма хлопотные обязанности уездного и губернского земского гласного Полтавской губернии от Золотоношского уезда, был почетным мировым судьей Золотоношского уезда и гласным Киевской городской думы. В Киеве он способствовал строительству Народного дома, Киевской публичной библиотеки, которой подарил свою личную библиотеку, занимался созданием украинских школ и статистического бюро, изыскивал материальную помощь Киевскому художественно-промышленному и научному музею. Предметом особого его внимания было развитие высшего женского образования в Киеве. К нему многие обращались за помощью по этим вопросам, в частности относительно возможности учиться женщинам в Киевском университете. Под одним из таких коллективных заявлений стоит подпись Леси Украинки. Многих его сил потребовало издание газеты “Киевские отклики”.

В Золотоношском уезде, где находился его хутор, И.В. Луцицкий много внимания уделял созданию земских школ, на свои средства построил и содержал народное училище на хуторе Каврайском, комплектовал санитарные противотифозные отряды, принимал участие в организации выставок, библиотек, ярмарок.

Для участия в работе Государственной думы, в которую Иван Васильевич был избран в 1907 г. депутатом от Киева и где представлял фракцию кадетов как член ее Центрального и Киевского комитетов, он переехал в Петербург, где стал преподавать на Высших женских курсах, в Психоневрологическом институте, в Институте П.Ф. Лесгафта. Работа в Думе потребовала от него полной отдачи. Он возглавлял библиотечную комиссию Думы, развернул большую работу по совершенствованию конституционного устройства государства. Здесь пригодился его опыт исследователя зарубежной политической истории. Под редакцией И.В. Луцицкого были опубликованы переводы конституций Дании, Португалии, Аргентины, Мексики, Швейцарии.

К нему, как к депутату Думы, обращались за помощью многие избиратели. Крестьяне искали защиты от своеволия помещи-

ков, захватывавших крестьянские земли, служащие, приказчики, музыканты просили поднять в Думе вопрос о повышении заработной платы; учителя обращались в связи с бедственным положением школ. К И.В. Лучицкому, в доме которого во время черносотенных погромов находили приют еврейские семьи, обращались уполномоченные еврейского населения с просьбами похлопотать о приеме детей в университет, в гимназию, на курсы фармацевтов, на работу и т.д. Ему часто приходилось обращаться к властям о смягчении участи преследуемых царским правительством за политическую деятельность. Например, к нему обратился знакомый его семьи, известный украинский композитор Николай Витальевич Лысенко, с просьбой помочь брату, арестованному за участие в забастовке. Андрей Витальевич Лысенко – врач, заведующий Знаменской железнодорожной больницей, во время проведения забастовки на Харьковско-Московской железной дороге 10 октября 1905 г. был избран председателем забастовочного комитета. После ареста елисаветградский генерал-губернатор приказал выслать его в течение 24 часов в Архангельскую область. Благодаря ходатайствам И.В. Лучицкого ссылку на Север удалось заменить отъездом за границу на три года. Среди переписки Ивана Васильевича множество таких обращений, например, от политзаключенных Лукьяновской тюрьмы в Киеве с просьбой улучшения условий заключения и т.д.

Иван Васильевич и Мария Викторовна неоднократно собирали средства в помощь нуждающимся, голодающим путем издания сборников, к которым привлекали выдающихся русских писателей: Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, М. Горького, Л. Андреева, Ф. Сологуба, Д.Н. Мамина-Сибиряка, К.М. Станюковича и др. Со многими из них супругов Лучицких связывала дружба и длительная переписка.

Особенности характера И.В. Лучицкого – энергичность, активность, человечность, эмоциональность, сочувственность, а также частые выезды за рубеж, жизнь в Петербурге, ежегодное пребывание в украинском селе способствовали его обширной переписке с самыми различными корреспондентами в России и за рубежом. Можно назвать лишь несколько примеров. Длительная дружба связывала семью Лучицких с профессором Киевского университета, а затем основателем и директором Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве, отцом поэтессы Марины Цветаевой, И.В. Цветаевым. В доме Лучицких часто бывали и переписывались с Иваном Васильевичем выдающиеся ученые-медиевисты и многочисленные его ученики: Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле, В.К. Пискорский и др. В переписке с Иваном Васильевичем находились выда-



Владимир Лучицкий в детстве

ющиеся европейские ученые, например, Герберт Спенсер, труды которого выходили в России под редакцией И.В. Лучицкого. Ученый всю жизнь поддерживал переписку с Национальной библиотекой Франции и многими французскими архивами, в которых ему пришлось работать; научными историческими и статистическими обществами, например, Обществом истории протестантизма; редакциями французских журналов. Писали И.В. Лучицкому

выдающиеся французские историки: Филипп Саньяк, Артур Жирри, Поль Корриез, Лакомба, Олар, Габриель Моно и др.

После смерти И.В. Лучицкого Временный комитет по основанию Всенародной библиотеки Украины приобрел у М.В. Лучицкой коллекцию книг (около 20 тысяч) и архив ученого. С тех пор архив И.В. Лучицкого хранится в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского. Этот архив уникален по богатству содержащихся в нем материалов и до сих пор по-настоящему не разработан. В нем сохранились многочисленные выписки, сделанные Иваном Васильевичем в центральных и провинциальных архивах Франции. Это выписки из налоговых списков, описей имущества прихожан, сеньоральных поместий, протоколы заседаний комитетов, проекты декретов о способах раздела национальных имуществ, докладные записки, описи землевладений и многие другие материалы, лишь частично использованные ученым в своей работе. Значение этих материалов, накопленных И.В. Лучицким на протяжении десятилетий, особенно тех, что собраны им в 26 архивах Франции, трудно переоценить. Часть архивных документов, собранных им в свое время, погибла во время Первой и Второй мировых войн и оккупации Франции. Поэтому материалы, хранящиеся в фонде И.В. Лучицкого, поистине уникальны и представляют большую ценность для исследователей-медиевистов.

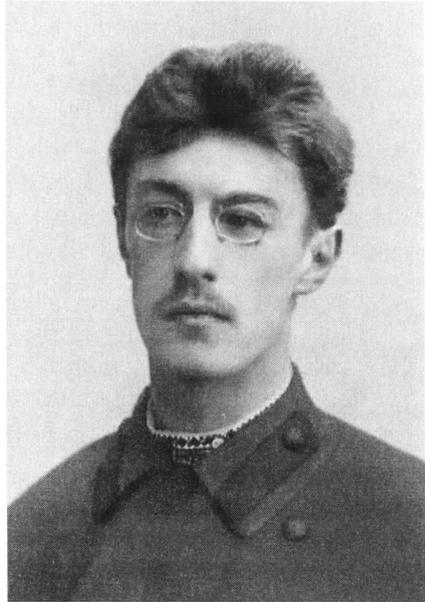
Архив И.В. Лучицкого содержит многочисленную семейную переписку. В личном архиве Марии Викторовны Лучицкой находится большое количество документов, свидетельствующих о ее весьма активном участии в архивных поисках Ивана Васильевича в хранилищах Германии, Швейцарии, Италии, Великобритании, Ирландии и др. Там же много документов, рассказывающих о ее общественной деятельности: хлопотах по устройству воскресных школ, благотворительных акциях, пожертвованиях, переписках с издателями. Ей писали и общие с Иваном Васильевичем корреспонденты: И.В. Цветаев, К.М. Станюкович и др.

Дети – Владимир, Ольга, Николай – писали родителям о своих учебных делах, летнем отдыхе на хуторе, работе по хозяйству. Со временем меняется круг их интересов. Владимир описывает расправу, которую учинили власти над студенческой демонстрацией, про свой арест, просит отца похлопотать за гимназиста, которого могут выслать в Туруханский край, а позднее описывает свою научную работу.

С Национальной библиотекой Украины им. В.И. Вернадского связана судьба дочери И.В. и М.В. Лучицких Ольги Ивановны Чолганской. В 1919 г. она была избрана на должность катало-



**Владимир Лучицкий –
киевский гимназист**



**Владимир Лучицкий –
студент Киевского университета**

гизатора Всенародной библиотеки Украины, работала в библиотеке более 10 лет как опытный специалист-библиограф, участвовала в работе Терминологической комиссии, занималась составлением Украинского терминологического словаря по книговедению и библиотековедению. Ее дочь – Вера Леонтьевна Чолганская – также сотрудник библиотеки, библиограф-филолог, переводчик, автор нескольких библиографических указателей.

Атмосфера талантливой семьи, несомненно, оказала самое благотворное влияние на формирование интересов и идеалов детей И.В. Лучицкого. Начальным воспитанием Володи, Ольги и младшего Николая занималась сама Мария Викторовна. С Володей она начала заниматься с пяти лет, очень серьезно готовясь к урокам и требуя ответственного отношения к ним и со стороны сына. Он учился легко и увлеченно, с большими успехами. В 12 лет мать отдала его в третью Киевскую мужскую гимназию сразу во второй класс. И здесь его учеба двигалась весьма успешно. Ольга училась в частной гимназии А.А. Бейтель, в которой преподавали ставшие впоследствии известнейшими учеными-академиками Е.В. Тарле, Н.П. Василенко, П.А. Тутковский. Ольга рано начала заниматься со своим младшим братом Николаем.

Привязанность к семье, к матери (Мария Викторовна умерла в 1924 г.) Владимир Иванович сохранил на всю жизнь. Такая привязанность была естественной. О ней писал спустя годы тот же Е.В. Тарле: "...вспоминается тот киевский кружок, который в годы моего студенчества так сердечно привязан был к И.В., вспоминается, как нас всех, более близких к нему, тянуло кстати и некстати, по приглашению и без приглашения на Липки, в ту сердечную и искреннюю атмосферу, которая всегда царила в доме И.В. и Марии Викторовны, жены его, известной переводчицы и знатока скандинавских писателей"²¹.

Если семья сформировала многие человеческие и нравственные качества В.И. Лучицкого, то исследовательские его устремления в области геологии прошли становление в научной школе Киевского университета, в который он поступил в 1895 г.

²¹ Тарле Е.В. Собр. соч. М., 1961. Т. 11. С. 393.

Киевская школа геологов

Первые шаги в науке

По уровню преподавания естественных наук и качеству оборудования Университет св. Владимира в Киеве в конце XIX в. мало уступал столичным вузам. К началу XX в. в нем были заложены и определенные традиции исследований в области геологических наук. Долгие годы (с 1845 г.) кафедрой минералогии и геогнозии руководил выдающийся ученый Константин Матвеевич Феофилактов (1818–1871), с именем которого связано формирование киевской школы геологов. К.М. Феофилактов стал одним из учредителей Киевского общества естествоиспытателей (1869) и 22 года возглавлял его, сделав очень много не только для геологического изучения территории Украины, но и для организации исследований в области других естественных наук. Велика его роль в организации первых форумов естествоиспытателей. В 1861 г. в Киевском университете собрался первый съезд преподавателей естествознания Киевского и Харьковского учебных округов. В 1867 г. стали регулярно созываться общероссийские съезды естествоиспытателей и врачей, в которых К.М. Феофилактов и геологи его школы принимали самое активное участие. В 1897 г. такой съезд состоялся в Киеве, и большая работа по его подготовке легла на плечи К.М. Феофилактова и Киевского общества естествоиспытателей. Несмотря на преклонный возраст, он принял деятельное участие в проведенном в том же году в Петербурге Международном геологическом конгрессе, отвечая за геологическую экскурсию по Днепру. Многие годы К.М. Феофилактов был деканом физико-математического факультета и несколько лет ректором Университета св. Владимира.

К.М. Феофилактов заложил и направления исследований в области геологии, минералогии и петрографии Украины, ставшие на долгие годы основными для его учеников и последователей.

Глубоко понимая задачи геологического изучения территории России, К.М. Феофилактов одним из первых русских геологов приступил к составлению геологических карт Юго-Западного края. Эта его работа продолжалась более двадцати лет. Поскольку задачи геологического картирования больших террито-



Здание Киевского университета св. Владимира. Конец XIX в.

рий могли быть решены только коллективами геологов, действовавших по единому плану, что впоследствии реализовалось в программе центрального Геологического комитета по составлению Общей геологической карты России, К.М. Феофилактову пришлось столкнуться с большими трудностями. Им была закончена и издана геологическая карта масштаба 10 верст в дюйме Киевской губернии, которая стала крупным достижением отечественной геологии того периода. Карта К.М. Феофилактова была одной из первых геологических карт такой детальности, составленной на научной основе. В 1874 г. он издал еще более подробную карту (масштаба 200 саженей в дюйме) города Киева. Эти карты были высоко оценены научной общественностью и отмечены премиями Минералогического общества.

К.М. Феофилактову и его ученики были в числе первых в России, начавших применять микроскопические методы исследования в петрографии. Им же была сделана попытка классификации гранитов, слагающих Украинский щит. Эта классификация долгое время составляла основу для последующих обобщений. К.М. Феофилактову впервые выделил на Украинском щите граниты рапакиви, которыми спустя годы много занимался В.И. Лучицкий, а также установил своеобразный комплекс пород, впоследствии названный тетерево-бугской серией.

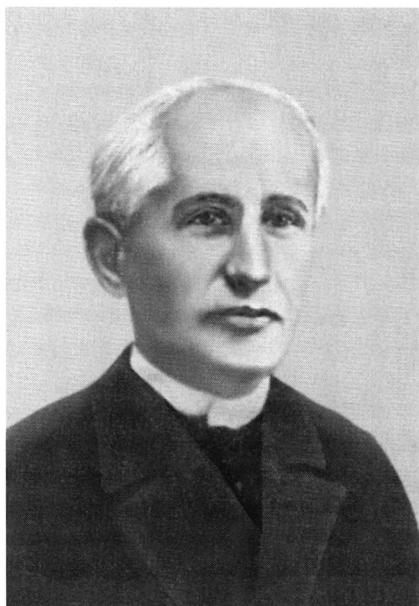
По существу К.М. Феофилактову стал пионером разработки и применения к территории Украины проблем четвертичной геологии, которая тогда только началась складываться как самосто-

тельная научная дисциплина. Им было установлено наличие ледниковых и послеледниковых отложений, захороненных грунтов, а также дано первое стратиграфическое расчленение четвертичных отложений. Как и многие геологи того времени, занимавшиеся вопросами четвертичного периода, К.М. Феофилактос не чужд был и археологии: проводил раскопки, которые позволили ему в окрестностях Лубнов открыть одну из первых в Европейской России палеолитических стоянок.

К.М. Феофилактос был одним из первых геологов России, который тесно связал вопросы науки с практическими запросами развития экономики страны того времени. Особая нужда в те годы была в решении вопросов водоснабжения бурно развивающихся городов и промышленных предприятий, и К.М. Феофилактос заложил основы гидрогеологии Юго-Западного края. Он первым указал на возможность артезианского водоснабжения Киева. Для развития инженерно-геологических исследований большое значение имели его работы по киевским оползням. Ему удалось в целом верно раскрыть их природу и наметить пути борьбы с этим опасным явлением.

К.М. Феофилактос занимался также поисками в Киевской губернии месторождений каменного угля как топлива для быстро развивавшейся в те годы сахарной промышленности, а также железных руд и строительных материалов в Полесье. Он постоянно консультировал строителей по вопросам выбора гранитного камня для киевских мостовых.

В «Історії Київського університету» отмечается роль К.М. Феофилактова в становлении школы киевских геологов: «Феофилактос был воспитателем и руководителем геологов Киевского университета буквально на протяжении всего полувекового периода пребывания его в Киеве, и весь этот этап заслуживает названия «феофилактовского» в такой же мере, в какой сам Феофилактос заслужил у геологической общественности России почетные звания «основателя киевской школы геологов и петрографов»



Константин Матвеевич Феофилактос

(В.И. Лучицкий), “дедушки русских геологов” (Ф.Н. Чернышев), “основателя киевской геологии” (В.В. Докучаев), “Нестора российской геологии” (П.Н. Чирвинский)”¹. Хотя прямых учеников, ставших крупными учеными, у К.М. Феофилактова было немного, фактически к его научной школе принадлежат и ученики его учеников.

В.И. Лучицкому не пришлось учиться у К.М. Феофилактова. После ухода в 1891 г. К.М. Феофилактова в отставку кафедра минералогии и геологии была разделена на две – минералогии, которую занял его ученик П.Я. Армашевский, и геологии, на которую был назначен поступивший в 1888 г. в Киевский университет П.Н. Венюков.

Подлинным учителем В.И. Лучицкого стал Петр Яковлевич Армашевский (1851–1919) – крупный геолог широкого профиля, воспитавший в университете многих учеников. Первоначальное образование П.Я. Армашевский получил в Черниговской гимназии и Университете св. Владимира, который он окончил в 1872 г. со степенью кандидата. С 1873 г. он работал хранителем минералогического кабинета, преподавал в киевских гимназиях. В 1883 г. П.Я. Армашевский получил степень магистра после защиты на физико-математическом факультете университета диссертации “Геологический очерк черниговской губернии” и вскоре был утверждён в должности доцента.

С 1874 г. П.Я. Армашевский почти ежегодно производил по поручению Киевского общества естествоиспытателей геологические исследования в различных районах Киевского учебного округа. Так, в 1874–1875 гг. он работал в Черниговской и Полтавской губерниях, в 1879–1880 гг. – в Волынской, Херсонской и Таврической губерниях, в 1884 г. – в Херсонской и Полтавской губерниях и т.д.

П.Я. Армашевский стал первым геологом Киевского университета, который включился в работу Геологического комитета по составлению 10-верстной геологической карты Европейской России. В 1882–1883 гг. он командировался Геологическим комитетом в Полтавскую губернию для геологической съёмки 40-го листа Общей геологической карты России. Эта работа стала продолжением его регионально-геологических работ в этих районах, которые способствовали тому, что составленная им карта характеризовалась исключительной достоверностью и не потеряла своего значения даже спустя десятилетия.

П.Я. Армашевскому удалось внести существенные уточнения в классическую стратиграфическую схему палеогена, со-

¹ История Київського університету. Київ, 1959. С. 124.

ставленную Н.А. Соколовым. Он установил наличие самого нижнего, названного им каневским, яруса нижнетретичных отложений и высказал при этом допущение о его палеоценовом возрасте, а также правильно определил, несмотря на возражения Н.А. Соколова и Г.Ф. Мирчинка, среднеэоценовый возраст бучацких песчаников. Им была впервые выявлена действительная граница развития киевского и харьковского ярусов указанных отложений.

П.Я. Армашевский занимался также геологической съемкой 29-го листа Общей геологической карты России (вне территории Украины). Из достижений П.Я. Армашевского могут быть также отмечены: установление широкого развития древних аллювиальных отложений в бассейне Днепра и подтверждение предположения А.В. Гурова о мульдоподобном залегании пород Днепровско-Донецкой впадины, т.е. о самом существовании Донецкого прогиба. П.Я. Армашевский стоял у истоков петрографии осадочных пород, которая только в XX в. сформировалась как самостоятельная научная дисциплина. Исследования в этом направлении были продолжены его учениками и последователями в университете: В.В. Дубянским, Л.А. Крыжановским, В.И. Лучицким, П.Н. Чирвинским и особенно В.Н. Чирвинским. Наряду с изучением фациальных обстановок и особенностей осадочных пород и комплексов П.Я. Армашевский и его ученики положили начало терригенно-минералогическому направлению, результаты исследований в этой области использовались для стратиграфических сравнений и согласований, а также палеогеографического реконструирования.

В 1903 г. П.Я. Армашевский был утвержден в ученой степени доктора минералогии и геогнозии после защиты на физико-математическом факультете Московского университета диссертации "Геологические исследования в области бассейнов Днепра и Дона". Он участвовал во многих съездах естествоиспытателей, геологов, в проведении в России сессий Международного геологического конгресса, активную роль играл в деятельности Киевского общества естествоиспытателей, на заседаниях которого часто выступал в роли оппонента по докладам многих геологов и ученых других специальностей.

По мировоззрению П.Я. Армашевский принадлежал к убежденным монархистам, в связи с чем сыграл реакционную роль в университетских событиях 1905 г. и после Октябрьской революции. Это позднее наложило определенный отпечаток на оценку его деятельности и как ученого.

П.Я. Армашевский воспитал плеяду талантливых ученых, большинство из которых раскрыли свои способности уже при

Советской власти. Это В.И. Лучицкий, П.Н. и В.Н. Чирвинские, Л.А. Крыжановский, П.И. Грищинский, В.В. Дубянский, К.И. Тимофеев. Вот свидетельство одного из одаренных его учеников – профессора Петра Николаевича Чирвинского (1880–1955): “Армашевский умел улавливать и дифференцировать научные вкусы своих учеников и давать их устремлениям соответственный выход. Он один на всем естественном отделении вопреки всяким программам того времени, устраивал учебные геологические экскурсии даже для первокурсников, которые ничего еще не понимали ни в минералогии, ни в геологии. Лекции Армашевского сопровождалась выставкой прекрасных образцов, разбор кристаллографических моделей велся хором всего курса. Преподавание было легким, типа учебников Н.И. Кокшарова, К. Наумана, С.Ф. Глинки, но, я считаю, что в этом беды не было... П.Я. Армашевский одним из первых (1901) откликнулся на организацию геолого-минералогического кружка. Как лектор он был беспечным, ни одного курса не успевал дочитать до конца. Так, из курса петрографии успевал прочитать только общую часть, в описательной минералогии останавливался где-то на силикатах. Остальное дополняли практические занятия”².

Как и К.М. Феофилактов, П.Я. Армашевский был тесно связан с быстро развивавшимися практическими потребностями киевского городского хозяйства и промышленности. Ему приходилось заниматься вопросами гидрогеологии, инженерной геологии, обоснованием бурения буровых скважин и обработкой их результатов, давать многочисленные консультации инженерам, архитекторам, промышленникам по вопросам поисков и разведок полезных ископаемых.

Лекции и практические занятия П.Я. Армашевского, на которых он широко демонстрировал большое количество образцов минералов, горных пород, кристаллографических моделей, проецировал на экран фотографии шлифов, коллекцию которых он собрал во время зарубежных поездок, и стадии роста кристаллов, привлекали к систематическим занятиям минералогией и петрографией многих студентов, среди которых был и В.И. Лучицкий. В минералогической лаборатории постоянно кипела исследовательская работа.

На формирование пристрастий В.И. Лучицкого в области минералогии оказало влияние и образцовое преподавание химии профессором С.Н. Реформатским.

² Чирвинский П.Н. Отрывки из моих воспоминаний // Очерки по истории геологических знаний. М., 1972. Вып. 15. С. 18–20.

В.И. Лучицкий слушал лекции незаурядного геолога-стратиграфа профессора Павла Николаевича Венюкова (1858–1916) – воспитанника Петербургского университета. После окончания в 1879 г. физико-математического факультета со степенью кандидата, П.Н. Венюков работал консерватором геологического кабинета Петербургского университета и изучал девонские отложения в Центральной России и Прибалтике. В 1884 г. защитил магистерскую диссертацию “Отложения девонской системы Европейской России” и как приват-доцент начал читать лекции по палеонтологии в Петербургском университете. В 1886 г. защитил докторскую диссертацию “Фауна девонской системы Северо-Западной и Центральной России”. К этому времени П.Н. Венюков уже сформировался как крупный специалист по палеонтологии и стратиграфии и вскоре начал профессорскую деятельность в Киевском университете. В 1891 г. с разделением кафедры минералогии и геогнозии он занял кафедру геологии.

Прийдя в университет, П.Н. Венюков начал работы по исследованию силурийских отложений Подолья, начав с обработки собранных К.М. Феофилактовым и его учениками К.И. Малевским и А.Л.Чекановским геологических и палеонтологических коллекций бассейна Днестра. Уже через два года им была опубликована весьма значительная монография о силурийских отложениях Подольской губернии, в которой была дана характеристика условий залегания, литологический состав этих отложений и на основе многочисленных палеонтологических определений проведено подробное стратиграфическое расчленение силура Подолья. Эта стратиграфическая схема расчленения силурийских отложений была много позднее в основном принята профессором Новороссийского университета В.Д. Ласкаревым. Кроме того, П.Н. Венюков в этой работе, как и в других, показал себя сторонником новых, в то время прогрессивных эволюционных представлений в области палеонтологии. Он, как отмечал Б.Л. Личков, в этом отношении был близок своему преемнику по кафедре Н.И. Андрусову: оба глубоко вникали в проблему вида и видовых признаков.

Еще до прихода в университет П.Н. Венюков начал работы в Мугоджарах, которые проводились по линии Минералогического общества совместно с Ф.Ю. Левинсоном-Лессингом. В 1884–1886 гг. опубликованы две его монографии по девонским отложениям Европейской России, одна из которых была удостоена премии Ильенкова. Эти публикации П.Н. Венюкова и монография по силуру Подольской губернии внесли основательный вклад в разработку стратиграфии этих систем и не утратили своего значения и в XX в.



Владимир Ефимович Тарасенко

В 1889 г. вышла его монография, содержащая палеонтологическую характеристику девонских осадков в Мугоджарских горах, а также новые сведения о геологическом положении этого горного кряжа.

Наряду с основным – стратиграфо-палеонтологическим – профилем своих работ, он занимался также петрографическим изучением некоторых кристаллических пород Сибири.

Несмотря на то, что работы П.Н. Венюкова стояли особняком по сравнению с общей направленностью работ феофилактовской школы геологов Киевского университета, есть все основания полагать, что он внес существен-

ный вклад в науку, особенно в разработку стратиграфии палеозоя Русской платформы. Кроме того, несмотря на сравнительно небольшой срок работы в университете (он оставил кафедру по болезни – в 1903 г., но отстранился от активной деятельности значительно раньше), П.Н. Венюков многое сделал для укрепления базы геологического кабинета, который был основан в 1891 г. в связи с разделением кафедр минералогии и геологии.

Особенное значение для В.И. Лучицкого имело творческое общение с Владимиром Ефимовичем Тарасенко (1859–1926), начинавшим как геолог широкого профиля, но ставшим видным специалистом-петрографом, придавшим новый импульс развитию этого направления в университете. В.Е. Тарасенко около двух десятков лет (1884–1903) проработал в университете консерватором минералогического кабинета и вел практические занятия со студентами по петрографии. Именно у него В.И. Лучицкий начал учиться микроскопическим методам определения состава и структуры горных пород. Научная деятельность В.Е. Тарасенко была тесно связана с Киевским обществом естествоиспытателей, где он многие годы был секретарем и на средства которого совершил много геологических экскурсий по губерниям Юга России.

В.Е. Тарасенко первым из геологов университета стал всесторонне изучать кристаллические породы и их комплексы, с де-

тальным минералогическим и химическим анализом их вещественного состава, исследованием структурных взаимоотношений для определения на этой основе их генезиса и геологической истории. Все это вывело его на теоретические проблемы петрологии. Поэтому его исследования и особенно изданная в 1896 г. крупная работа о породах семейства габбро, ставшая классической, определила новый, как отмечал впоследствии В.И. Лучицкий, более высокий этап в процессе развития петрографии на Украине. Этот этап характеризовался переходом от описательных регионально-геологических работ к петролого-генетическому направлению.

Значение трудов В.Е. Тарасенко отмечалось многими отечественными и зарубежными петрографами. Они оказали решающее влияние на формирование взглядов многих киевских петрографов – В.И. Лучицкого, К.И. Тимофеева, Л.А. Крыжановского, П.Н. и В.Н. Чирвинских и др. Эти работы подготовили основание для решения уже в XX в. комплексной проблемы Украинского кристаллического щита. Петрографическому изучению пород, слагающих щит, В.Е. Тарасенко и посвятил основную часть своих трудов. С 1884 по 1897 гг. он осуществил исследования преимущественно в северо-западной части массива на средства Киевского общества естествоиспытателей, в 1898–1903 гг. – в Криворожском железорудном бассейне по поручению Геологического комитета.

В.Е. Тарасенко выявил новую вулканическую область на северо-западной окраине Украинского щита, связанную, по его представлениям, с линией интенсивных дислокаций. Он впервые выделил среди пород щита важный переходный от габбро к сиенитам тип пород, которые он назвал габбро-сиенитом, и впервые применил к породам кристаллического щита понятие “формація”. Работая в Киевском университете, В.Е. Тарасенко осуществил ряд экспериментальных работ в области минералогии и кристаллографии. Он впервые установил оптические константы многих пороодообразующих минералов. Большое значение имело изучение им лабрадоритов Селища и Городища. О результатах своих работ с плагиоклазами он доложил на съезде естествоиспытателей и опубликовал статьи в зарубежных журналах. Утверждение В.Е. Тарасенко о том, что полевые шпаты из ряда лабрадоритов скорее являются определенными соединениями альбитовых и анортитовых силикатов, чем их изоморфными смесями, оказалось достаточно перспективным.

Значительным достижением В.Е. Тарасенко стало создание вместе с А.О. Михальским и А.Ф. Фаасом по заказу Геологического комитета карты Криворожского промышленного района.

В.Е. Тарасенко в Кривом Роге занимался преимущественно изверженными породами и в результате скрупулезного микроскопического и химического анализа установил их состав. Как отмечал С.П. Родионов, в своих петрографических трудах по кристаллическому массиву В.Е. Тарасенко высказался категорически против чисто осадочного происхождения гнейсов, развил теорию о так называемых динамосланцах, возникших путем механических деформаций изверженных пород в период тектонических перемещений. Для метаморфического комплекса Кривого Рога В.Е. Тарасенко определил три разновременных тектонических линии, которые сопровождались новыми магматическими излияниями. Он полагал, что кристаллические сланцы Кривого Рога имеют осадочно-метаморфическое происхождение. Труды В.Е. Тарасенко по изучению Украинского кристаллического массива, его стратиграфии и тектоники были высоко оценены специалистами в России и за рубежом³.

В 1903 г. В.Е.Тарасенко стал профессором Дерптского, а со временем Воронежского университетов. Он и тут продолжал свои петрографические исследования Украинского кристаллического щита, которые завершились публикацией серии статей и монографий. К основным его достижениям следует отнести гипотезу о том, что часть гранитов Украинского щита – более молодого возраста, чем криворожская серия, происхождение которой он рассматривал как осадочно-метаморфическое; установление в истории формирования щита трех разновременных и разноориентированных дислокаций, сопровождавшихся магматическими извержениями. По сути работы В.Е. Тарасенко стали началом разработки проблем железорудных метаморфогенных формаций, которые в советское время выросли в важнейшее научное направление.

П.Я. Армашевский и В.Е. Тарасенко и стали подлинными учителями В.И. Лучицкого и во многом определили исследовательскую направленность его интересов: первый – в области региональной геологии и петрографии осадочных пород Украины, второй – в области петрологии и металлогении Украинского кристаллического щита.

Именно П.Я. Армашевским была сформулирована для В.И. Лучицкого, еще в студенческие годы последнего, первая тема научной работы – “Микроскопическое исследование кремнистых песчаников губерний Киевского учебного округа”. Разработка темы потребовала у способного студента не только обшир-

³ Родионов С.П. Геологические науки в Киевском университете: XIX и начало XX в. // Очерки по истории геологических знаний. М., 1955. Вып. 4. С. 178.

В. К. Лучицкий.

ИЗОМОРФИЗМЪ И ПОЛИМОРФИЗМЪ КРИСТАЛЛОВЪ

іодной, бромной и хлорной ртути.

W. LUCZIZKY.

Die Isomorphie und die Polymorphie von Quecksilberjodid, —
bromid und —chlorid.

Отдельный оттискъ изъ тома XX Записокъ Кіевского Общества
Естественноиспытателей.



К І Е В Ъ.

Тип. Императорскаго Университета св. Владиміра, Акц. Об-ва
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериновская, 6.

1906.

Оттиск работы В.И. Лучицкого с надписью жене Маргарите Артемьевне
“Дорогой моей милой, бесконечно любимой моей Маргариточке от Вили”

ных полевых исследований в различных районах Севера Украины и Волыни, но и основательного изучения микроскопических методов исследования горных пород. Последнее качество, развитое впоследствии в заграничной командировке работой в лабораториях крупных петрографов Западной Европы, стало характерным преимуществом Владимира Ивановича как исследователя.

Первая работа В.И. Лучицкого состояла из четырех глав и 10 таблиц рисунков – в основном фотографий шлифов. В первых двух главах был дан обстоятельный обзор научной литературы по петрографии песчаников и геологии Юго-Западного края. В третьей главе были изложены результаты собственных исследований под микроскопом структуры и состава третичных песчаников Киевской, Волынской и Черниговской губерний. В четвертой – представлена общая характеристика минералов, входящих в состав исследованных пород, цемента, связывающего их, и органических остатков. Работа получалась значительной, интересной в научном отношении и была представлена П.Я. Армашевским на соискание золотой медали.

Физико-математический факультет Университета св. Владимира присудил В.И. Лучицкому золотую медаль за эту работу. В заключении совета отмечалось: “... автор указывает на найденную им зависимость между микроскопическим строением цемента песчаников и содержанием в них кремнекислоты, растворимой в щелочах. По отзыву профессора Армашевского, ... автор его не только основательно изучил и обстоятельно изложил обширную литературу предмета, но и обнаружил достаточное знакомство с трудными методами микроскопического исследования минералов и горных пород, а также значительное умение разобраться в вопросах о происхождении и изменениях минералов; некоторые наблюдения его, как например, над вторичным кварцем в зернах песчаника, над строением глауконита, свойствами цемента и проч. заслуживают особого внимания. Вообще, сочинение представляет ценный материал по изучению песчаников из русских месторождений, а потому физико-математический факультет присудил автору сего, студенту 8-го семестра отделения естественных наук Владимиру Лучицкому, золотую медаль”⁴.

Интересен факт, что одновременно факультет присудил золотую медаль по отзыву профессора Г.Г. Де-Метца другому выпускнику, будущему крупному ученому в области механики, академику АН УССР А.Н. Диннику за работу “Очерк учения о намагниченности”. Физико-математический факультет должен был

⁴ О присуждении наград студентам Университета св. Владимира за сочинения на заданные факультетами темы // Унив. изв. (Киев). 1899. № 3. С. 57–58.

В. Н. Лучицкий.

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ
КРИСТАЛЛИЧЕСКИХЪ ПОРОДЪ
Баварскаго Лѣса.

Отгисскъ изъ XX т. Записокъ Киевск. Общества Естествоиспытателей.

W. Luezigky.

Die petrographische Untersuchung der krystallinischen
Gesteine aus dem Bayerischen Walde.

Memoires de la Societe des Naturalistes de Kieff, T. XX.



К І Е В Ъ.

Тип. Императорскаго Университета св. Владимира, Акц. Об-во
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская б.

1907.

Титульный лист магистерской диссертации В.И. Лучицкого

также выдать премию имени Н.И. Пирогова лучшей из студенческих работ, удостоенных золотых медалей. Но определить, какой из работ – В.И. Лучицкого или А.Н. Динника – следует отдать предпочтение, не смогли. Поэтому был брошен жребий, и премия досталась А.И. Диннику.

Блестящее окончание университета открыло Владимиру Ивановичу дальнейшую перспективу для совершенствования его как специалиста. Факультет рекомендовал его в зарубежную командировку для подготовки в области петрографии у видных специалистов Западной Европы. Командировка продолжалась более двух лет, в течение которых В.И. Лучицкий не только основательно изучил методику лабораторной работы у ведущих европейских петрографов, но и познакомился с геологией и петрологией Германии. Здесь им был собран большой фактический материал для магистерской диссертации.

После возвращения в Киев ему была продлена стипендия для подготовки к профессорскому званию. В мае 1902 г. он успешно сдал магистерские экзамены по геологии и палеонтологии⁵, а в сентябре того же года – по физике и химии⁶.

В 1905 г. В.И. Лучицкий вновь выезжает за границу и проводит полевые исследования в Германии. В октябре 1905 г. он прочитал на физико-математическом факультете Киевского университета пробные лекции “Полиморфизм и изоморфизм полевых шпатов в связи с их оптическими свойствами” и “Современные взгляды на образование кристаллических сланцев”. Лекции были признаны удовлетворительными, и факультет ходатайствовал о зачислении В.И. Лучицкого приват-доцентом в Университет св. Владимира⁷. В декабре 1905 г. Владимир Иванович подал прошение о разрешении ему читать в весеннем семестре курс лекций “Введение в петрографию”. Спустя год, он читал, кроме этого курса, общую петрографию и вел практические занятия по определению породообразующих минералов⁸.

18 марта 1908 г. В.И. Лучицкий подал к защите диссертацию “Петрографическое исследование кристаллических пород Баварского Леса” на соискание ученой степени магистра геогнозии и минералогии⁹. Его оппонентами на защите выступили ведущие профессора-геологи Киевского университета П.Я. Армашевский и Н.И. Андрусов. В отзыве, который был опубликован в “Уни-

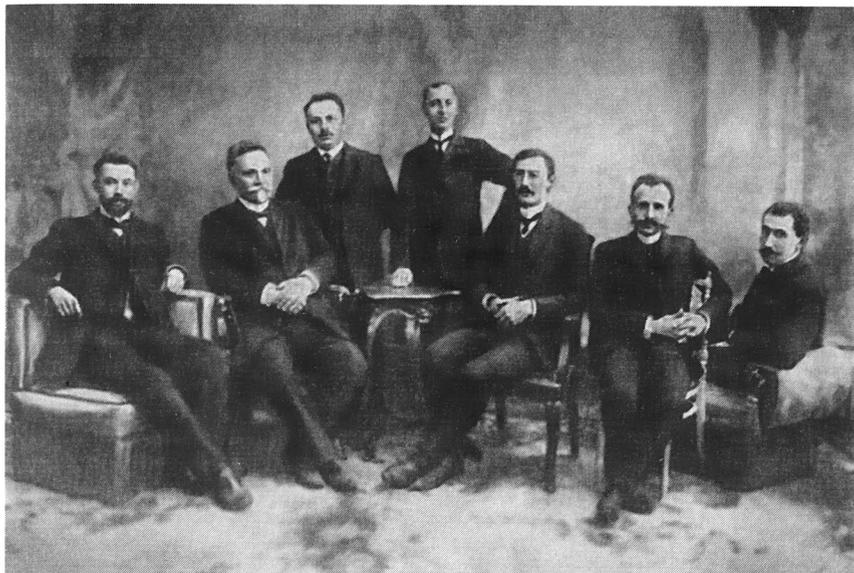
⁵ ГАГК, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1754, л. 117.

⁶ Там же. Л. 122–125.

⁷ Там же. Л. 111–111а.

⁸ Там же. Л. 63.

⁹ Там же, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1778, л. 107.



Геологи Киевского университета: 1907 г. Слева направо: П.Н. Чирвинский, П.Я. Армашевский, П.И. Грищинский, В.В. Дубянский, В.И. Лучицкий, Л.А. Крыжановский, В.Н. Чирвинский

верситетских известиях”, они отмечали ряд достоинств диссертации, в частности, высокий уровень подготовки автора в области методики оптического определения порообразующих минералов, хорошее знание основных гипотез происхождения магмы и т.д. Вместе с тем их отзыв был аналитичен и критичен. В нем, например, отмечалось: “... при описании геологического строения исследованной области автор недостаточно отделяет свои наблюдения от наблюдений предшественников и потому трудно судить, что сделано автором лично в этом отношении. Вместе с тем при описании некоторых местностей автор недостаточно точно указывает места своих наблюдений. По отношению к третьей главе разбираемого сочинения автору можно сделать упрек в том, что он при исследовании горных пород воспользовался исключительно микроскопическими методами, решительно нигде не применяя метода химического. По этому поводу автор между прочим замечает, что химический анализ не всегда служит ключом при разрешении вопросов о происхождении пород, в особенности при инъекции одних пород другими, каковому процессу автор приписывает слишком большую роль. С этим, однако, трудно согласиться, так как самый вопрос об инъекции едва ли может быть решен сколько-нибудь убедительно без химического исследе-

дования. Также и во многих других случаях химический анализ является необходимым дополнением микроскопического исследования. При указанных недостатках труд В.И. Лучицкого обладает и солидными достоинствами, заключающимися в том, что автор тщательно исследовал микроскопические свойства кристаллических пород описываемой местности, обнаружив при этом полное знакомство с новейшими методами исследования. Применяя существующие теории к объяснению способа происхождения пород данной местности, автор показывает как достаточное знакомство с литературой, так и умение разобраться в ней при решении таких сложных вопросов, как вопрос о происхождении гранитов и гнейсов, хотя и придает слишком большое значение таким гипотетическим взглядам на этот предмет, как взгляды Вейншенка и некоторых других”¹⁰.

Такая оценка работы была вполне объективна, верно отмечала существенный недостаток петрологических исследований В.И. Лучицкого – игнорирование химического анализа горных пород, но и точно выделяла преимущества работы. Защита диссертации прошла успешно.

¹⁰ ГАГК, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1879, л. 10.

Варшава

Политехнический институт

Защитив магистерскую диссертацию, Владимир Иванович получил лестное для него приглашение занять кафедру минералогии в Варшавском политехническом институте.

Это был один из молодых вузов, основанный в 1898 г. на собранные общественные пожертвования – два млн. руб. В институте подготовка студентов осуществлялась на четырех отделениях: химическом, механическом, строительном-инженерном и горном. Объем преподавания геолого-минералогических дисциплин превышал университетские программы, поэтому были основаны как кафедра геологии, так и минералогии. При них были хорошо оборудованные лаборатории и кабинеты. В.И. Лучицкого привлекало и то, что в Варшаве – в университете и политехническом институте – сформировалась сильная школа в области петрографии во главе с А.Е. Лагорио.

Александр Евгеньевич Лагорио (1852 – около 1925) был организатором и первым директором (1898–1907) Варшавского политехнического института. Это был крупный русский ученый, один из основоположников прогрессивного химического и физико-химического направления в петрографии изверженных пород, уделявший серьезное внимание экспериментальным исследованиям по пирогенному синтезу. Воспитанник Дерптского университета, А.Е. Лагорио после защиты в 1880 г. докторской диссертации “Сравнительно-петрографические исследования над горными породами Крыма” в течение 18 лет был профессором Варшавского университета, создав здесь минералогические лабораторию, музей и кабинет, не уступавшие научным учреждениям Петербургского и Лейпцигского университетов. В университете им была создана группа экспериментаторов-петрографов, проводивших исследования не только в лабораторном, но и в заводском масштабе с изучением технических продуктов – шлаков, стекол. Им были получены искусственным путем минералы и горные породы крупных габаритов (до 40 кг); синтезированы корунд, лейцит, калиевый нефелин, силлиманит и др. А.П. Резников отмечает: “Экспериментальные работы А.Е. Лагорио и его



Александр Евгеньевич Лагорио

ученика И.А. Морозевича имели большое значение для развития физико-химического и химического направлений в петрографии России, Западной Европы и Америки. Кроме того, они... оказали большое прогрессивное влияние на развитие химии и технологии силикатов”¹.

В 1896 г. А.Е. Лагорио был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1897 г. Министерство торговли и промышленности поручило ему организацию и строительство зданий Варшавского политехнического института. Его роль в создании нового вуза трудно переоценить. Именно благодаря этим заслугам А.Е. Лагорио в 1907 г. был назначен предсе-

дателем учебного комитета Министерства торговли и промышленности и членом Горного ученого комитета.

С переездом А.Е. Лагорио в Санкт-Петербург Варшавский политехнический институт возглавил другой выдающийся русский ученый, геолог и палеонтолог, Владимир Прохорович Амалицкий (1859–1917), воспитанник Петербургского университета, ученик В.В. Докучаева и А.А. Иностранцева. С 1890 г. В.П. Амалицкий заведовал кафедрой геологии Варшавского университета, в 1892 г. защитил докторскую диссертацию “Материалы к познанию фауны пермской системы России”. Изучая континентальные верхнепермские отложения на северо-востоке европейской России, считавшиеся “немыми”, не содержащими растительных и животных остатков, В.П. Амалицкий пришел к выводу, что такое мнение является ошибочным, так как трудно представить, чтобы такие огромные пространства были лишены в прошлом растительного и животного мира, в то время как аналогичные геологические образования Южной Африки, Австралии и Индии содержали своеобразные остатки растений и животных.

¹ Резников А.П. А.Е. Лагорио и его роль в развитии петрографии // Очерки истории геологических знаний. М., 1955. Вып. 5. С. 270.

Изучив в Британском музее флору и фауну континентальных отложений Гондваны, В.П. Амалицкий с женой Анной Петровной предпринял, начиная с 1895 г., на личные средства раскопки и исследования континентальных верхнепермских отложений по рекам Сухоне, Вытегре, Северной Двине и др. Уже первые экспедиции дали значительные научные результаты. В речи на торжественном акте открытия нового учебного года в Варшавском университете 30 августа 1896 г. В.П. Амалицкий "... впервые объединил данные геологии, палеонтологии и палеогеографии пермского периода для установления связи между северными и южными материками в конце палеозоя и выяснения вопроса о возникновении органической жизни мезозойской эры"². Новые идеи, сформулированные В.П. Амалицким, нашли отклик на VII сессии Международного геологического конгресса в Петербурге.

В 1898–1899 гг. в результате раскопок на Малой Северной Двине В.П. Амалицкий обнаружил множество отпечатков листьев глоссеpterисов, пять целых скелетов, пять менее полных и много отдельных частей скелетов и костей крупных хищных пресмыкающихся-горгонопсий – травоядных парейазавров, древних земноводных-стегоцефалов и др. Это открытие, приведшее к формированию единственной в мире замечательной коллекции пермских ископаемых, стало научной сенсацией.

В.П. Амалицкий был не только крупнейшим ученым, но и талантливым организатором. В 1905–1908 гг. он возглавил комиссию по устройству новых высших учебных заведений, способствовал основанию Саратовского университета и Новочеркасского политехнического института. Свои организаторские способности он сполна реализовал в Варшавском политехническом институте, сформировав высококвалифицированный коллектив преподавателей и ученых, не уступавший по своему составу самым лучшим вузам России. Именно он пригласил в 1908 г. В.И. Лучицко-го на кафедру минералогии института.

Коллектив на кафедрах геологии и минералогии, действительно, подобрался сильный. Старшим лаборантом на кафедре геологии был кандидат физико-математических наук Дмитрий Николаевич Соболев, впоследствии профессор, известный геолог-палеонтолог; младшим лаборантом на кафедре минералогии – Леонид Александрович Сельский, воспитанник Университета св. Владимира, хорошо знакомый В.И. Лучицкому; хранителем геологического кабинета – кандидат физико-математических наук Павел Матвеевич Короневич, в годы Первой мировой

² Резников А.П. Геология в Варшавском университете // Очерки по истории геологических знаний. М., 1954. Вып. 4. С. 5.



Владимир Прохорович Амалицкий

войны организатор знаменитого Гидроюза, в котором много пришлось поработать В.М. Лучицкому; хранителем минералогического кабинета – выпускник Университета св. Владимира, близкий товарищ В.И. Лучицкого и в определенном смысле его ученик, впоследствии профессор, Виктор Викторович Дубянский.

В Варшавском политехническом институте обучалось около 1200 студентов: “В 1909 году на 306 свободных вакансий было подано прошений лицами, желающими поступить в институт, 670, в том числе 5 лицами, имеющими право быть принятыми без экзамена. Из указанного числа просителей приступило

к конкурсным испытаниям 476 человек, в том числе 206 христиан и 270 евреев”³. На химическое и горное отделения, на которых пришлось преподавать Владимиру Ивановичу, было принято соответственно 57 и 63 студента.

В.И. Лучицкий читал на химическом отделении для первого и второго курсов кристаллографию по 2 часа в неделю и вел у двух групп практические занятия по кристаллографии по 1,5 часа в неделю. На третьем и четвертом курсах он читал лекции по кристаллографии 2 часа в неделю, на четвертом курсе – минералогию и геологию – 2 часа в неделю, а также вел по этим предметам практические занятия: по кристаллографии у двух групп по 1,5 часа на третьем и четвертом курсах; по минералогии на четвертом курсе 2 часа факультатива. Аналогичная нагрузка была у В.И. Лучицкого и на горном отделении. Следует заметить, что это была достаточно объемная работа, требовавшая кропотливой подготовки, но способствовавшая становлению педагогического мастерства.

В проведении практических занятий В.И. Лучицкому помогали Л.А. Сельский и В.В. Дубянский. На младших курсах “... прак-

³ Отчет Варшавского политехнического института за 1909–1910 учебный год // Изв. Варшав. политехн. ин-та. 1911. Вып. 1. С. 1.

тические занятия по кристаллографии велись профессором В.И. Лучицким и состояли в изучении кристаллов при помощи деревянных моделей, измерении углов их при помощи прикладного и отражательного гониометров, изучении оптических свойств кристаллов главным образом с помощью поляризационного микроскопа, причем производились измерения углов угасания, показателей преломления и углов оптических осей. На занятия было назначено 1,5 часа в неделю на каждую из двух групп, на которые делились студенты. Занятия исполнили 41 студент (из 60), т.е. 69%⁴.

Практические занятия по минералогии и геологии для старших курсов были факультативными и состояли в определении минералов по внешним признакам и с помощью паяльной трубки. В 1909/1910 учебном году из студентов четвертого курса принимали участие в этих работах только трое из 33 студентов.

Владимир Иванович был принят в институт на должность экстраординарного профессора и стал членом совета, еженедельно участвуя в заседаниях. 12 сентября 1909 г. по предложению В.П. Амалицкого совет постановил послать телеграмму А.Е. Лагорио следующего содержания: “Совет Варшавского политехнического института, вспоминая Ваши выдающиеся заслуги по отношению к институту в качестве председателя строительной комиссии и организатора, приветствует Ваше превосходительство в 10-ю годовщину со дня закладки зданий института”⁵. На этом же заседании совет поручил В.И. Лучицкому заведовать минералогическим кабинетом.

На заседании 8 октября 1909 г. был зачитан ответ А.Е. Лагорио: “Душевно тронут памятью обо мне. С отрадным чувством вспоминая прошлые годы совместной работы, прошу передать совету мою искреннюю благодарность и мой сердечный привет дорогим товарищам и шлю институту пожелание успехов и прочного процветания”⁶. На этом заседании Владимир Иванович попросил разрешения совета издать литографированный курс лекций по кристаллографии и получил разрешение.

12 ноября 1909 г. горное отделение ходатайствовало перед советом о командировании сотрудников института на съезд естествоиспытателей и врачей в Москве. Совет принял решение о командировании на съезд большой группы преподавателей и сотрудников. В частности, на съезд поехали сотрудники геологиче-

⁴ Отчет Варшавского политехнического института за 1909–1910 учебный год // Изв. Варшав. политехн. ин-та. 1911. Вып. 1. С. 29.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 77.



**В.И. Лучицкий –
профессор Варшавского
политехнического института**

ских кафедр: В.И. Лучицкий, Л.А. Сельский, П.М. Короневич, В.В. Дубянский, Д.Н. Соболев.

Для В.И. Лучицкого XII съезд русских естествоиспытателей и врачей, состоявшийся в 1910 г. в Москве, стал памятен тем, что здесь он впервые апробировал идеи своей докторской диссертации. На съезде Владимир Иванович выступил с двумя докладами. Приведем тезисы доклада “Рапакиви Киевской губ. и породы, его сопровождающие”: “Геологические исследования в области развития рапакиви в Киевской губ., законченные в 1903 г., показали, что эта порода образует два массива. Массив на берегах р. Роси Каневского у., выступающий на протяжении 30 в. в длину и до 6 в. в ширину

в окружности м. Корсуни, состоит из кружноовоидного зеленовато-серого рапакиви, в состав которого, как и вообще рапакиви Киевской губ. и отчасти Финляндии, входит наряду с темно-зеленой роговой обманкой бесцветная в шлифе роговая обманка, напоминающая по оптическим свойствам грюнерит. В нормальном рапакиви изредка наблюдаются неправильные участки и полосы несколько более основного и темного рапакиви; изредка наблюдается кружноовоидный рапакиви красного цвета; вполне подчиненную роль играет светло-окрашенный аплитовый рапакиви. По химическому составу рапакиви Каневского у. носит дацитовый характер. Присутствуют неправильные подчиненные участки светло-серого биотитового гранита и жилы более богатого биотитом гранита. Рапакиви образует на краях массива жилы в более древнем граните. Рапакиви окр. Малина Радомысльского у. выступает на протяжении 13 в. в длину и 4 в. в ширину; оно мелкоовоидное, тоже в общем микроклинического состава, но с большим содержанием микроклина, подчиненную роль играют бедные овоидами рапакиви и безовоидный гранит того же состава, зеленовато-серого цвета. По химическому составу рапакиви окр. м. Малина носит вполне гранитовый характер. По проис-

хождению рапакиви тесно связан с составляющими одну петрографическую провинцию гиперстеново-биотитовыми гранитами и габбровыми породами, являясь наиболее глубинным образованием”⁷.

Во втором докладе “Явление метаморфизма на юге Киевской губернии” В.И. Лучицкий отмечает, что в северных уездах Киевской губернии явления динамометаморфизма выражены сравнительно слабо, тогда как на юге – в Чигиринском, Звенигородском, Уманском, Каневском уездах – они выражены исключительно отчетливо. Признаками динамометаморфизма он считал изменения свойств и структуры минералов, различимые в шлифах под микроскопом: “... более слабые явления раздробления сводятся к более или менее сильно выраженному волнистому угасанию кварца и микроклина, изогнутию двойниковых полосок по альбитовому закону в плагиоклазе и волнистому изгибу листочков биотита, при более сильном раздроблении все минералы превращаются в более или менее тонкий агрегат зерен и листочков; при этом более древние граниты, гнейсограниты, гнейсы и пегматиты переходят постепенно в довольно плотные, иногда почти роговиковые, то массивные, то полосатые или сланцеватые розовые до черных породы; при этом в некоторых случаях сохраняются отдельные крупные зерна микроклина, причем получают породы, чрезвычайно сходные с очковыми сланцами (agonshiffar) финляндских петрографов, изредка наблюдаются породы, сходные с геллефлинтами, тесно связанные с жилами. Явления динамометаморфизма проявляются особенно резко в наиболее древних гнейсо-гранитах, более слабо выраженные они в более юных гнейсах и гранитах (напр., биотитово-гиперстеновых), что касается наиболее юных гранитов, в том числе и рапакиви, то здесь они отсутствуют вполне”⁸.

В.И. Лучицкий в этом докладе отмечал также инъекции биотитовых гранитов в гнейсы у с. Лысянка Звенигородского уезда и Буки Уманского уезда и другие интересные геологические явления.

Весной 1910 г. Владимир Иванович представил в совет института новые программы учебных курсов по кристаллографии, минералогии и геологии. Совет одобрил их и утвердил. 24 мая 1910 г. он был избран в члены библиотечной комиссии института. Летом 1910 г. институт командировал В.И. Лучицкого за границу с научной целью.

⁷ Отчет Варшавского политехнического института за 1909–1910 учебный год // Изв. Варшав. политехн. ин-та. 1911. Вып. 1. С. 326.

⁸ Там же. С. 326.

В 1912 г. Владимир Иванович начал исполнять обязанности секретаря химического отделения. На кафедре минералогии был принят лаборантом инженер-металлург Петр Иванович Лебедев. Практические занятия по кристаллографии велись под руководством В.И. Лучицкого при содействии лаборанта И.Ф. Сиомы по прошлогодней программе. Студенты делились на две группы. Занятия выполнили 60 студентов из 89. Факультативные занятия по минералогии с геологией Владимир Иванович проводил вместе с В.В. Дубянским, обучая студентов определению минералов по физическим и отчасти химическим свойствам. В этих работах принимали участие 14 студентов⁹. Летом 1913 г. В.И. Лучицкий вновь выезжал за границу в научную командировку.

Главные его исследовательские интересы в годы пребывания в Варшаве сосредоточились на разработке вопросов петрографии украинских гранитов рапакиви, легших в основу работы, которая была представлена им к защите на соискание докторской степени.

Геологический материал по этой теме Владимир Иванович собрал еще в 1901–1903 гг., когда по заданию Киевского общества естествоиспытателей занимался геологическими исследованиями в Киевской губернии. Тогда он обратил внимание на граниты рапакиви, выступающие отдельными массивами в Радомысльском, Каневском и Черкасском уездах. До него украинскими гранитами рапакиви занимались К.М. Феофилактов, В.Е. Тарасенко, В.Д. Ласкарев. В 1903 г. появилась достаточно подробная работа Б.А. Попова. Тем не менее В.И. Лучицкий решил обстоятельнее изучить это интересное геологическое образование, особенно петрографическими методами, сравнив украинские рапакиви с аналогичными образованиями других регионов, особенно скандинавских, хорошо изученных геологами Финляндии и Швеции.

Представленная в качестве диссертации работа состояла из трех частей: 1) обзор литературы, 2) петрографическое описание пород; 3) интерпретация их генетических взаимоотношений.

Во второй главе содержалось последовательное описание горных пород Каневского, Черкасского и Радомысльского массивов рапакиви и сопровождающих их пород.

Наиболее характерный из указанных массивов – Каневский, обнажения которого наблюдаются по берегам р. Роси в окрестностях Корсуни на протяжении 20 км. Здесь встречаются преимущественно зеленовато-серые крупнозернистые рапакиви, которые В.И. Лучицкий назвал нормальным типом каневских рапаки-

⁹ Отчет о состоянии Варшавского политехнического института за 1912–1913 год // Изв. Варшав. политехн. ин-та. 1914. Вып. 2. С. 43.

В. И. ЛУЧИЦКІЙ.

**Ранакиви Київської губернії
и породы, его сопровождающія.**



Оттискъ изъ вып. 1-го 1912 г. Извѣстій Варшавскаго Политехническаго Института.

ВАРШАВА.

Печ. въ тип. Акц. Общ. С. Оргельбранда Сыновой.
1912.

Титульный лист докторской диссертации В.И. Лучицкого

ви. Кроме того, он выделял еще рапакиви более основного состава, красные и аплитовые разновидности. Из описания обнажений следовало, что рапакиви по р. Роси сопровождаются рядом других пород: серыми и биотитовыми гранитами, пегматитами, гнейсо-гранитами, аплитовыми гранитами и амфиболитами. В.И. Лучицкий более подробно, чем предшественники, в частности Б.А. Попов, описал минеральный состав каневских рапакиви, указав, например, на присутствие в них оливина, что стало научным открытием. Он полагал, что характерным минералом рапакиви является бесцветная роговая обманка с большой силой двойного лучепреломления, напоминающая по своим оптическим свойствам грюнерит. Этот минерал Владимир Иванович рассматривал как новую разновидность роговой обманки и назвал его киевитом. Эта идея впоследствии оспорена П.Я. Армашевским. При описании структуры рапакиви В.И. Лучицкий указывал на существование двух генераций микроклина и кварца и приводил химический анализ рапакиви. Были также подробно описаны минеральный и химический состав и структура рапакиви основного состава, красных и аплитовых их разновидностей и сопровождающих их гранитов различного состава.

В области Черкасского массива рапакиви их обнажения встречаются на берегах р. Ольшанки в окрестностях местечка Городище. Здесь развиты несколько типов рапакиви: каневского типа, черкасского типа с окраской от темно-коричневой до почти черной; рапакиви основного состава с порфиоровидной структурой, сходные с черкасскими, но отличающиеся структурой и большим содержанием темноцветных минералов; пироксеновые рапакиви с почти полным отсутствием овоидов и кристаллическими очертаниями немногочисленных порфиоровидных выделений калиевого полевого шпата. Эти разновидности, а также сопровождающие их биотитовые и пегматоидные граниты были подробно описаны в работе, интерпретированы их генетические и возрастные отношения.

В области Радомысльского массива рапакиви, выходы которого были встречены на берегах р. Ирши в районе Малина, В.И. Лучицкий различал розовые радомысльские, темно-зеленые гранофировые, темно-зеленые микрогранитовые, равномерно зернистые и пироксеновые рапакиви. Эти породы, по его мнению, очень сходны с рапакиви каневского и черкасского массивов, отличие заключается лишь в том, что в типичных радомысльских рапакиви овоиды меньших размеров (около 3 см, редко – до 5 см).

В докторской диссертации В.И. Лучицкого был приведен также большой материал по сравнению украинских рапакиви с

рапакиви других регионов по минеральному и химическому составу и структуре, а также сделаны генетические выводы и интерпретации.

Диссертация была подана для защиты на физико-математический факультет Университета св. Владимира в Киеве. Факультет направил диссертацию на предварительное заключение профессору П.Я. Армашевскому. Отзыв последнего, впоследствии опубликованный в “Университетских известиях”, не только глубоко аналитичен, но и содержит нелицеприятную критику, впрочем, весьма основательную. Особенно подробно П.Я. Армашевский проанализировал третью главу диссертации, в которой были приведены выводы о генетических взаимоотношениях горных пород.

В.И. Лучицкий, рассматривая границы распространения кристаллических пород в северной части Украинского кристаллического щита, указал на тесную связь нахождения массивов рапакиви с краевыми областями этой площади. Им были описаны в основных чертах петрографический состав как краевых, так и внутренних зон щита, правда, как отметил П.Я. Армашевский, основываясь главным образом на литературных данных и лишь отчасти на собственных наблюдениях.

Интерес рецензента вызвало проводимое в диссертации сравнение массивов рапакиви Киевской губернии и Севера Европы (в частности, массивов Питкяранты и Выборга) и вывод В.И. Лучицкого о их сходстве как в геологическом, так и петрографическом отношении. П.Я. Армашевский писал: “Автор указывает далее на сходство областей развития рапакиви на юге России, в Финляндии и Швеции и в отношении развития вблизи них древних песчаников на юге России, овручских песчаников, аналогами которых являются шокшинские и другие песчаники севера России, Финляндии и Швеции. Ввиду поразительной аналогии, которая существует между массивами рапакиви в Финляндии и Швеции, с одной стороны, и юга России – с другой, а также на основании условий залегания рапакиви юга России и отношения его к другим окружающим его породам, автор приходит к заключению, что эта порода и на юге России является одной из наиболее юных глубинных изверженных пород и обладает ютнийским возрастом, причем габбровые породы то несколько более юны, чем рапакиви, то несколько древнее его”¹⁰.

Как важное достижение диссертанта, П.Я. Армашевский отметил наличие в работе обширного материала по сравнению ук-

¹⁰ Армашевский П.Я. Рецензия на сочинение В.И. Лучицкого “Рапакиви Киевской губ. и породы, его сопровождающие” // Унив. изв. 1913. № 2. С. 30.

раинских рапакиви с рапакиви других регионов по минералогии, структуре, химическому составу. Эти данные составили серьезную основу для генетических реконструкций диссертанта: “Обсуждая генетические взаимоотношения между габбровыми породами, с одной стороны, и рапакиви и сопровождающими его гранитами – с другой, автор находит, что их надо считать на основании изучения как минералогического состава, геологических условий нахождения, так и отчасти на основании результатов химического анализа их, породами родственными, которые образовались путем расщепления одной общей магмы, близкой по своему составу к сиенитовой.. Это положение автора требует, однако, еще большего подтверждения”¹¹. Действительно, такое заключение, даже учитывая состояние тогдашних представлений о гранитах рапакиви, было несколько легковесным и требовало более обстоятельной аргументации.

П.Я. Армашевский четко отметил недостатки диссертации: “Переходя к общей оценке представленного сочинения, должно указать, что главным его недостатком является то, что многие данные автора по отношению к лабораторному исследованию описываемых горных пород, а также заключение и выводы были сделаны его предшественниками, а в особенности Борисом Поповым. Другим важным недостатком названной работы нужно признать то, что автор мало остановился на изучении других пород исследованной им области. Эти породы были в распоряжении автора, но автор только обещает их исследовать, от этого некоторые выводы и обобщения автора являются пока мало обоснованными, как например, отношение между рапакиви и габбровыми породами, а третья глава, составляющая главную часть работы, трактует главным образом литературные данные, факты других исследователей. Кроме того, описание выходов и обнажений горных пород сделано автором недостаточно тщательно, нет, например, ни одного рисунка описываемых обнажений”¹². Нельзя не признать обоснованность этих критических замечаний, которые способствовали дальнейшему совершенствованию исследовательских навыков молодого ученого.

Подробно проанализировав и критически разобрав содержание диссертации и достоверность выводов автора, П.Я. Армашевский заключил: “Тем не менее должно указать, что работой автора сделаны существенные приобретения для познания описываемых пород. Наиболее важны из них следующие: автор впер-

¹¹ Армашевский П.Я. Рецензия на сочинение В.И. Лучицкого “Рапакиви Киевской губ. и породы, его сопровождающие” // Унив. изв. 1913. № 2. С. 30–31.

¹² Там же. С. 31.

вые указал на нахождение оливина как в южнорусском, так и в финляндском рапакиви, что дает возможность сделать более определенные заключения по вопросу о генезисе этих пород, рассматривая их как породы вулканические более юного возраста сравнительно с другими кристаллическими породами этой местности, подвергавшимися, по-видимому, действию значительных дислокационных процессов. Затем автор в своей работе подробно разработал вопрос о сродстве кристаллических пород южной России с породами Скандинавии и Финляндии, и хотя в этом отношении были сделаны попытки и прежними исследователями, но автор рассмотрел вопрос более тщательно. На основании вышеизложенного я признаю, что представленный труд В.И. Лучицким может быть допущен к публичной защите для соискания степени доктора минералогии и геогнозии”¹³.

Конечно, в XX в. менялись представления о природе гранита, и аргументация как диссертанта, так и его оппонента не выдерживает критики с точки зрения современных воззрений, но эта полемика дает представление о путях поиска научной истины.

После столь квалифицированного анализа диссертации ее защита прошла без каких-либо препятствий. Вскоре В.И. Лучицкий был утвержден и в должности ординарного профессора кафедры минералогии Варшавского политехнического института. Кратковременное пребывание Владимира Ивановича в Варшаве оказалось весьма плодотворным, способствовало укреплению его исследовательских способностей и формированию преподавательского таланта. Получение докторской степени и звания ординарного профессора открыли возможность вернуться в Киев и Университет св. Владимира.

¹³ Армашевский П.Я. Рецензия на сочинение В.И. Лучицкого “Рапакиви Киевской губ. и породы, его сопровождающие” // Унив. изв. 1913. № 2. С. 31–32.

В годы Первой мировой войны и революции

Весной 1914 г. В.И. Лучицкий начал хлопотать о переводе в Университет св. Владимира. Для избрания его факультетом на должность профессора необходим был отзыв на его труды авторитетного ученого. Такой отзыв был дан наставником Владимира Ивановича – профессором П.Я. Армашевским, который подробно и придирчиво проанализировал все труды В.И. Лучицкого, начиная с первой его публикации “О микроскопическом строении, некоторых третичных песчаников Южной России”. О ней он, в частности, сделал такой вывод: “Эта работа автора среди работ, посвященных обломочным горным породам, является весьма ценной как по тщательному описанию состава и структуры пород, так и по разработке вопросов об их генезисе”¹. П.Я. Армашевский высоко оценил также другую раннюю работу В.И. Лучицкого “Глинистые сланцы и один из контактов их с изверженными породами”: “Эта работа автора является очень интересной по указанию на нахождение в крымских глинистых сланцах вблизи изверженных пород игольчатых элементов, тогда как в нормальных сланцах такие элементы отсутствуют”².

Подробно разобраны и другие работы, некоторые из них, например, магистерскую диссертацию “Петрографическое исследование кристаллических пород Баварского Леса”, П.Я. Армашевский анализировал ранее. Им были отмечены работа “К вопросу о происхождении гранитов Юга России” за установление фактов, имеющих значение для выяснения генезиса этих пород, и статьи о грануллитах Киевской губернии. К заслугам В.И. Лучицкого как исследователя П.Я. Армашевский отнес установление не известных ранее на Украине выходов кристаллических известняков, изучение докембрийских гнейсов и кристаллических сланцев, описание месторождений медных руд и графита в Киевской губернии, его работы по минералогии Украины, а также лабораторно-экспериментальные исследования. Им отмечаются и неко-

¹ ГАГК, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1879, л. 6.

² Там же. Л. 7.

торые слабые стороны работ Владимира Ирановича, которые тем не менее не умаляли его таланта исследователя.

Как преподаватель, В.И. Лучицкий был хорошо известен факультету, который, приняв во внимание отзыв П.Я. Армашевского, ходатайствовал об утверждении его профессором Киевского университета. Он был зачислен в штат по предложению ректора от 7 июля 1914 г.: “Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 42 экстраординарный профессор Варшавского политехнического института коллежский советник Лучицкий перемещен ординарным профессором Университета св. Владимира на кафедру минералогии и геологии с 1 июня 1914 года”³.

В сентябре 1914 г. на заседании физико-математического факультета было утверждено новое распределение педагогической нагрузки по кафедре минералогии и геологии. П.Я. Армашевский должен был читать кристаллографию по три часа в осеннем и по два часа в неделю в весеннем семестрах; В.И. Лучицкий – общую геологию по два часа и историческую геологию по три часа в обоих семестрах; приват-доцент В.Н. Чирвинский – петрографию по одному часу в осеннем семестре. В.И. Лучицкий предложил новые программы курсов, которые были утверждены факультетом⁴.

С осеннего семестра 1914 г. В.И. Лучицкий начал руководить геологическим кабинетом университета. Вот его отчет о работе кабинета в этом году: “В весеннем и осеннем семестрах 1914-го года геологический кабинет и лаборатория находились в заведывании сперва проф. П.Я. Армашевского, а затем проф. В.И. Лучицкого. Должность штатного лаборанта при кабинете в отчетном году занимал Б.Л. Личков. При кабинете читались следующие курсы: в весеннем семестре проф. П.Я. Армашевский читал курс физической геологии (2 ч.) и курс исторической геологии (3 ч.), в осеннем семестре те же курсы и в том же объеме читались проф. В.И. Лучицким. Кроме того, в отчетном году лаборантом Б.Л. Личковым под руководством проф. В.И. Лучицкого велись практические занятия по палеонтологии, без которых чтение курса исторической геологии невысказано. Независимо от этих практических занятий несколько студентов старших семестров (Выржиковский, Недашковский, Корона) работали в кабинете, пользуясь его библиотекой и вспомогательными учебными пособиями.

В отчетном году в кабинете велись научные работы рядом лиц. Именно проф. В.И. Лучицкий обрабатывал материал по

³ ГАГК, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1879, л. 50–51.

⁴ Там же. Л. 59–59а.

петрографии и геологии месторождений радиоактивных минералов Ферганской области, собранный им летом 1914-го года. Лаборант Б.Л. Личков исследовал главным образом аммониты средне меловых отложений. Лаборантка при кафедре геологии на Высших женских курсах в Киеве А.Н. Дылевская занималась определением устриц из третичных отложений, преимущественно из коллекций, собранных на Мангышлаке. Доктор философии Б.А. Спутьский был занят исследованием и определением ископаемых слонов четвертичного периода. Окончивший естественное отделение университета ассистент Томского Технологического института В.В. Мокринский занимался исследованием личинок третичного периода. Кроме того, в библиотеке кабинета постоянно работали приват-доцент В.Н. Чирвинский, хранитель минералогического кабинета Л.А. Крыжановский и лаборант при минералогическом кабинете П.И. Грищинский”⁵.

В 1914 г. В.И. Лучицкий был привлечен В.И. Вернадским, руководившим в те годы Геологическим и минералогическим музеем Академии наук, к программе исследования месторождений радиоактивных минералов. В.И. Лучицкий писал в статье, опубликованной в 1915 г.: “В России месторождения радиоактивных минералов особенно энергично начали исследоваться с 1899-го года, когда по инициативе акад. В.И. Вернадского были предприняты исследования уже ранее известных месторождений этих минералов; начиная же с прошлого 1914 года по его инициативе приступили к самому подробному и систематическому исследованию всех известных до сего времени месторождений радиоактивных минералов как в Европейской, так и в Азиатской России, причем на эти исследования, которые продолжаются несколько лет, было отпущено в распоряжение Академии наук 169 500 рублей. Одновременно и независимо от Академии наук в прошлом году было предпринято исследование месторождений радиоактивных минералов России на средства группы московских промышленников”⁶.

Он обращал внимание на необходимость выяснения генезиса месторождений радиоактивных минералов и приводил их классификацию. Комментируя результаты экспедиций В.И. Вернадского, В.И. Лучицкий делал вывод: “Во всяком случае исследования прошлого года дают возможность выразить надежду, граничащую с уверенностью, что радиоактивные минералы в пределах

⁵ ГАГК, ф. 16, оп. 465, т. 1, д. 1876, л. 8.

⁶ Лучицкий В.И. Радиоактивные минералы в России // Физ. обозрение. 1915. Т. 16. С. 186.



Дмитрий Николаевич Соболев



Владимир Николаевич Чирвинский

России будут найдены в количестве достаточном для добычи их с практическими целями”⁷.

Осенью 1914 г., уже после начала Первой мировой войны, физико-математическим факультетом Университета св. Владимира была принята к защите докторская диссертация соратника Владимира Ивановича по Варшавскому политехническому институту, а теперь уже профессора Харьковского университета Д.Н. Соболева “Наброски по филогении гониатитов”. В.И. Лучицкий был утвержден факультетом в качестве одного из оппонентов. Несмотря на его позитивный отзыв, диссертация была несправедливо отклонена. За разъяснениями к В.И. Лучицкому обратился академик А.П. Карпинский, поддержавший работу Д.Н. Соболева.

Отвечая ему 25 сентября 1915 г., Владимир Иванович писал: “Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Я очень и очень извиняюсь перед Вами за то, что на Ваше письмо относительно диссертации Соболева я отвечаю Вам только теперь; позвольте принести Вам прежде всего свою глубокую благодарность за письмо. Вопрос о судьбе диссертации Соболева

⁷ Лучицкий В.И. Радиоактивные минералы в России // Физ. обозрение. 1915. Т. 16. С. 193.

был разрешен в конце мая в факультете и, к большому моему сожалению, в отрицательном смысле. Причин этого было несколько; главная причина, насколько можно было видеть, лежала не в научных достоинствах диссертации, отрицать которые нельзя было – можно было спорить лишь о том, насколько велики эти научные достижения в связи с той научной степенью, которая за нее должна была быть присуждена, – главная же причина лежала в цитатах из Лукреция, которые некоторые из членов факультета нашли неудобными для помещения в диссертации на русском языке, вместо латинского; указания на то, что ведь эти цитаты носят вполне научный характер и в них выражаются в высшей степени интересные мысли, не были достаточно убедительны. А так как без этих цитат нельзя было обойтись, то тогда уже обращено было внимание и на другие стороны диссертации – на слишком малое, по мнению некоторых рецензентов, количество фактического материала (вследствие несогласия моего с вторым рецензентом была поручена дополнительная рецензия еще двум биологам); в конце концов большинством голосов диссертация, которая в сущности стоит выше ряда других докторских диссертаций по своей самостоятельности и по богатству мыслями, не была допущена к защите, и, как оказалось через несколько дней, диссертация Соболева и по другим причинам не могла быть допущена к защите в том виде, в каком она была представлена – вследствие резюме на немецком языке и немецкого заглавия. Вам, вероятно, известна судьба диссертации В.Н. Чирвинского – в газетах, однако, были сообщены неправильные сведения. Дело в том, что был назначен день диспута, опубликовано о диспуте в газетах, а затем по инициативе военных властей попечитель прислал ректору предписание: не допустить диспута, так как на диссертации имеется немецкое заглавие и помещено обширное резюме на немецком языке.

Предписание было получено накануне диспута, и В.Н. Чирвинскому пришлось вырезать из диссертации резюме и отпечатать новую обложку, после чего диспут состоялся. Т.о., эта диссертация была спасена. У нас сейчас происходит то, чего мы никогда не ожидали. Университет целиком перевозится в Саратов. Увозится не только вся библиотека университета (свыше 3 500 ящиков), но и все кабинетские и иные библиотеки университета и все имущество до последней окаменелости в нашем кабинете; остается только мебель. Происходит это по требованию военных властей. Весь сентябрь я и мои ассистенты укладываем по целым дням все имущество. Но укладываем один месяц – раскладывать же будем, я считаю, не менее 10 лет. Разгром рассадников просвещения полный. В октябре предполагается начать

чтение лекций в Саратове – туда уже едут профессора – но помещений там пока нет, квартир и подавно, комнат почти нет, цены чрезвычайно высокие и каким образом там разместится хотя бы 10-я часть нашего студенчества (университетского около 4000, Высших женских курсов – 5000 и Коммерческого – 5000, итого 15 000 человек, 10-я часть – 1500) трудно себе представить. Научная работа же наша прекращается, я считаю, года на три”⁸.

Эвакуация Киевского университета в Саратов действительно явилась тяжелым испытанием и для профессоров, и для студентов. Не по всем предметам были квалифицированные преподаватели, некоторые дисциплины вообще не читались. Плохо обстояло дело с практическими занятиями из-за недостатка аудиторий и лабораторной базы⁹. К счастью, эвакуация для Лучицкого длилась недолго. Весной 1916 г. В.И. Лучицкий возвратился в Киев, где начал активно трудиться на поприще военной геологии, по инженерно- и гидрогеологическому обеспечению Юго-Западного фронта. 29 февраля 1916 г. он был утвержден ординарным профессором по кафедре минералогии и геогнозии¹⁰.

В декабре 1916 г. В.И. Лучицкий и П.Я. Армашевский выступили инициаторами избрания академика А.П. Карпинского почетным членом Университета св. Владимира¹¹. 28 ноября 1917 г. В.И. Лучицкий был избран деканом физико-математического факультета университета¹², правда, работал он в этой должности недолго – до 4 октября 1918 г.¹³.

Все годы пребывания в Киеве Владимир Иванович активно работает в Киевском обществе естествоиспытателей, по командировкам которого выполнены многие его исследования. В годы Первой мировой войны он – неперменный член совета общества, а накануне революции избран его председателем. Общество в эти годы испытывало большие трудности и во время эвакуации университета в Саратов работало с перерывами. Владимир Иванович предпринимал большие усилия, чтобы сохранить эту важную форму научной работы.

На заседании 4 марта 1917 г. В.И. Лучицкий прочел доклад “Современная деятельность Академии наук и Геологического комитета в связи с изучением естественных производительных сил России”. Он предложил Киевскому обществу естествоиспы-

⁸ АРАН, ф. 265, оп. 6, д. 380, л. 1–2.

⁹ ГАГК, ф. 16, оп. 354, д. 99, л. 81–82.

¹⁰ Там же. Оп. 465, т. 1, д. 1900, л. 39.

¹¹ Там же. Л. 78.

¹² Там же. Д. 1921, л. 67–68.

¹³ Там же. Д. 1937, л. 57.



В геологическом кабинете Киевского университета: второй слева – В.И. Лучицкий, пятый – П.Я. Армашевский

тателей примкнуть к этой большой работе и взять на себя инициативу создания специального учреждения для решения этой задачи. По существу, речь шла об организации на Украине отделения Комиссии естественных производительных сил России, основанной в 1915 г. В.И. Вернадским.

Тема доклада вызвала оживленную дискуссию. Выступили С.Е. Кушакевич, Н.А. Львов, Б.Л. Личков, Н.А. Троицкий, В.К. Совинский, Б.А. Домбровский. Для разработки поставленного В.И. Лучицким вопроса были избраны комиссии: зоологическая, ботаническая, геолого-минералогическая, которые должны были представить отчет. Было принято предложение В.И. Лучицкого привлечь к работе КЕПС другие учреждения. На этом же заседании Владимир Иванович был избран представителем Киевского общества естествоиспытателей на заседании Совета объединенных общественных организаций.

29 марта 1917 г. был заслушан доклад комиссии по вопросу разработки тематики КЕПС. Много предложений поступило от зоологической и ботанической комиссий. В.И. Лучицкий сделал доклад геолого-минералогической комиссии, которая постановила разделить вопросы по изучению естественных производительных сил на две категории: те, что можно осветить на основе имеющихся литературных данных, и требующих специального изу-

чения на местах. К первым отнесли описание месторождений фосфоритов, лабрадоритов и других поделочных камней, торфа, бурого угля, нефти Галиции и Буковины, грунтовые воды. По этим вопросам можно было уже в ближайшее время выпустить соответствующее издание по типу сборников КЕПС. Полевые же исследования предписано было проводить по изучению месторождений строительных материалов, глауконита и других красителей, кремней, каолинов, фосфоритов, нефти, калийных солей¹⁴.

По существу это была та программа, которая спустя два года была положена в основу деятельности, организованной В.И. Вернадским и В.И. Лучицким при Украинской академии наук Комиссии по изучению природных богатств Украины.

Вернувшись в 1914 г. в Киев Владимир Иванович возобновил преподавание на Высших женских курсах, где он начал работать еще до отъезда в Варшаву. Высшие женские курсы были открыты в Киеве в 1878 г., но спустя десять лет прием слушательниц был прекращен. Лишь осенью 1906 г. курсы вновь начали работу, сначала они включали историко-филологические и физико-математические отделения. В 1907 г. открылись юридическое и медицинское отделения, последнее в 1908 г. выделилось в самостоятельное учреждение. В 1909 г. появилось экономико-коммерческое отделение Высших женских курсов. В 1914 г. на курсах училось 3811 слушательниц.

Высшие женские курсы в Киеве отличались очень высоким уровнем преподавания. Учебный план отделений точно соответствовал университетскому, но на профилирующие дисциплины отводилось даже больше часов, чем в университете. Много было факультативных дисциплин. Из геолого-минералогического цикла на курсах преподавались кристаллография, петрография, геология, палеонтология с большим количеством практических занятий. Для Владимира Ивановича здесь было широкое поле деятельности. Вместе с ним на курсах преподавали многие крупные специалисты – профессора Киевского университета: Б.Я. Букреев, П.Я. Армашевский, П.В. Воронец, М.М. Воскобойников, Д.А. Граве, В.Р. Заленский, А.М. Левшин, Г.А. Пфейффер, С.Н. Реформатский, В.К. Совинский, А.В. Сперанский, М.Ф. Хандриков, А.П. Котельников, Л.И. Кордыш, В.Н. Чирвинский, П.И. Грищинский и др.¹⁵ Для Владимира Ивановича работа на курсах была не только дополнительным заработком и реа-

¹⁴ Протоколы заседаний Киевского общества естествоиспытателей за 1916–1917 гг. Киев, 1917. С. 46–47.

¹⁵ Краткий обзор истории и современного состояния Высших женских курсов в г. Киеве. Киев, 1914.

лизацией преподавательских возможностей, но и привлекала по своей сути.

В.И. Лучицкий был среди тех киевских ученых, которые приняли активное участие в реорганизации Украинского научного общества в Киеве (УНО) с целью развития в нем исследований по естествознанию. УНО существовало с 1906 г., но в его деятельности преобладала историко-филологическая и этнографическая проблематика. До революции количество естествоиспытателей в УНО было небольшим, существовала малочисленная секция, которая объединяла как представителей естествознания, так и техники. Правда, В.И. Лучицкий, как и В.И. Вернадский, вступили в УНО еще в дореволюционный период.

Революция стала важным фактором подъема научного творчества и активности. Приток новых сил потребовал реорганизации структуры УНО. 12 апреля 1918 г. после долгого перерыва было созвано (в основном по инициативе геологов) общее заседание Секции естествознания и техники, в котором приняли участие не только члены УНО, но и многие другие ученые Киева. Было решено произвести разделение секции естествознания и техники на две отдельные секции, а заседание считать учредительным по созданию Естественной секции. Был избран временный совет Естественной секции, в который вошли П.А. Тутковский (председатель), В.И. Лучицкий, Б.Л. Личков, А.В. Красовский и В.В. Ризниченко¹⁶.

На этом заседании П.А. Тутковским был поднят вопрос о необходимости созыва общего съезда естествоиспытателей Украины. Собрание признало крайне необходимым созвать съезд не позднее августа 1918 г. и поручило совету: 1) выработать проект инструкции Естественной секции; 2) наметить основные направления работы съезда естествоиспытателей Украины; 3) связаться по делам созыва съезда с Киевским обществом естествоиспытателей и другими научными обществами и учреждениями Киева и Украины в целом; 4) войти в организационные сношения с советом Украинского научного общества. Было решено также при дальнейшей дифференциации деятельности общества прежде всего основать геологическую его подсекцию, что и было вскоре сделано.

Апрельское заседание естествоиспытателей УНО в значительной степени способствовало подъему активности украинских ученых и развязало их инициативу. В течение трех месяцев состоялось четыре заседания секции, на которых были заслушаны до-

¹⁶ Вісті Природничої секції Українського наукового Товариства. 1918–1919. Т. 1. С. 4.

клады В.И. Лучицкого “Ближайшие задачи геологической работы на Украине”, А.А. Янаты “Об организации работы по подготовке естественнонаучной терминологии и номенклатуры”, А.Г. Алешо “Об антропометрических исследованиях на Киевщине”, П.А. Тутковского “Об организации естественно-исторического отдела при министерстве земельных дел”, а на общем собрании УНО – его доклад “Новая гипотеза происхождения неолитической культуры”.

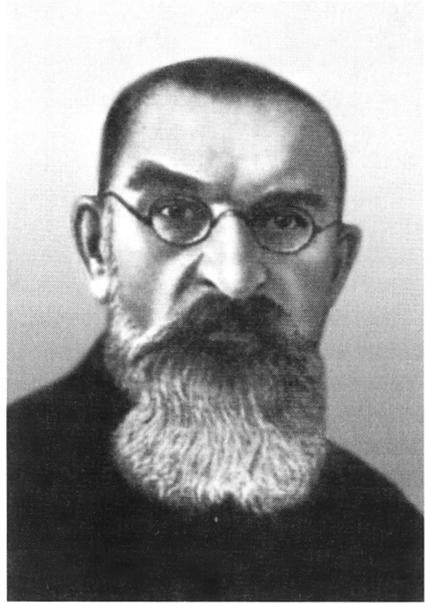
Очень широко обсуждались на заседаниях секции вопросы разработки украинской научной терминологии. Одни участники дискуссии настаивали на решении проблемы со-

здания терминологии в совокупности с подготовкой учебников для высших учебных заведений, другие разделяли эти вопросы. Тогда эти вопросы и не могли быть решены, поскольку зависели от наличия средств, которыми тогда УНО не располагало. Тем не менее уже тогда многие ученые начали работать над созданием первых учебников. Среди них были В.И. Лучицкий, П.А. Тутковский, Н.В. Шарлемань и др.

Решено было также издать непериодический научный сборник Естественнонаучной секции Общества и были собраны статьи для первого его выпуска, среди них работы В.И. Лучицкого, П.А. Тутковского, Н.И. Безбородько, В.В. Ризниченко и др.

Временный совет Естественнонаучной секции, руководимой П.А. Тутковским, работал очень активно. Заседания проводились еженедельно. Совет целиком вошел в оргкомитет по подготовке первого съезда естествоиспытателей Украины. Секция в середине 1918 г. насчитывала более 40 членов, в основном киевлян. В нее входили, например, академик В.И. Вернадский, профессора В.И. Лучицкий, В.В. Дубянский, В.А. Косинский, С.Е. Кушакевич, Е.В. Оппоков.

Основное внимание секция уделяла не только текущей работе, привлечению новых членов, подготовке к съезду, организации подсекций, но и основанию филиалов в различных местах



Павел Аполлонович Тутковский

Украины. Такие филиалы рекомендовалось создавать при местных музеях, университетах, различных просветительных учреждениях и т.д. Вся эта работа, которая должна была привести к подъему в развитии естествознания на Украине, координировалась советом секции, регистрировавшим наличие научных сил, их распределение по территории Украины и по научным специальностям и разрабатывали меры по подготовке научных кадров. В то время на Украине возникали многочисленные научные и просветительские общества, работу которых очень важно было координировать.

С конца мая регулярно проводились заседания оргкомитета съезда естествоиспытателей Украины. Первое заседание было проведено 27 мая. Собравшиеся единодушно постановили пригласить для участия в съезде самые широкие круги ученых и любителей естествознания. Было решено также, что съезд будет носить предварительный и организационный характер и должен состояться 1 августа 1918 г. Главными задачами съезда были определены: объединение естествоиспытателей Украины в связи с намечавшимся формированием Ассоциации деятелей естествознания, объединение в деле охраны природы, разработка плана развития естествознания на Украине и постановки школьного преподавания¹⁷.

На заседании оргкомитета 10 июня были определены темы опорных докладов на съезде ученых, которым поручалось их сделать. Так, решено было просить В.И. Лучицкого сделать доклад об итогах работ по геологии Украины, Е.И. Бордзиловского – о флористических работах, В.М. Артоболевского и В.И. Талиева – об охране природы, В.И. Вернадского – об объединении естествоиспытателей Украины, Г.И. Танфильева – по географии и т.д. П.П. Тутковскому поручалось подготовить доклады о состоянии музейного дела на Украине и популяризации научных знаний. В последующем такая диспозиция будет еще корректироваться.

Предполагалось организовать на съезде девять рабочих секций. Весьма важным в тогдашней обстановке, наэлектризованной националистическими настроениями, стало установление равноправия на съезде русского и украинского языков¹⁸.

Сложная политическая обстановка на Украине и в Киеве летом 1918 г. еще более усугубила трудности подготовки съезда. Началась забастовка на железных дорогах. Германская комендантура в связи с убийством главнокомандующего немецкими occupa-

¹⁷ ИР НБУ, оп. X, д. 157.

¹⁸ Там же, д. 159.

ционными войсками генерала Эйхгорна запретила в Киеве проведение каких-либо собраний. Между тем была уже издана программа съезда, в согласии с которой предполагалось, что последнее заседание оргкомитета состоится 1 августа в 11 часов в университете в помещении Геологического комитета (т.е. в лаборатории В.И. Лучицкого). В этом заседании должны были участвовать, кроме членов оргкомитета, все приезжие представители обществ и других учреждений. Вечером 1 августа предполагалось провести товарищескую встречу членов съезда, которая должна была состояться в Украинском клубе, помещавшемся на углу Пушкинской и Прорезной. Открытие съезда должно было состояться 2 августа в 11 часов утра в 15-й аудитории университета, а работа секций должна была начаться в этот день в 18 часов также в университетских аудиториях. К этому времени было заявлено 80 докладов.

Вся эта огромная подготовительная работа оказалась в значительной степени напрасной из-за политической напряженности. Оргкомитет заседал ежедневно – 31 июля, 1 и 2 августа, обсуждая возможности перенести дату съезда. Пришлось отказаться от нанятых помещений. Большая часть иногородних членов съезда не смогла прибыть на него из-за забастовки на транспорте.

2 августа в университете состоялось собрание естествоиспытателей. Председателем его был избран В.И. Вернадский. На повестку дня был поставлен один кардинальный вопрос: можно ли считать это собрание съездом или только предварительным совещанием. В результате голосования (13 голосами против 5, остальные – воздержались) было постановлено считать собрание совещанием. В постановлении отмечалось: “Сложная обстановка, забастовки на железной дороге и убийство Эйхгорна не позволили прибыть на съезд большинству его участников. Поэтому было проведено предварительное совещание естествоиспытателей прибывших и киевлян. На рассмотрение совещания были вынесены только те общие вопросы и доклады из программы съезда, которые требовали незамедлительного, пусть неокончательного, коллективного решения, а именно вопросы общеорганизационные, охраны природы Украины и разработки украинской научной терминологии”¹⁹.

Совещание было открыто 3 августа днем. Председателем его избрали профессора и будущего академика А.В. Фомина.

В.И. Вернадский зачитал доклад “Объединение и организация естествоиспытателей Украины”, в котором подчеркнул значение естествознания для развития культуры и экономики и вы-

¹⁹ ИР НБУ, оп. X, д. 200, л. 1.



Владимир Васильевич Ризниченко

двинул в качестве важной задачи объединение естествоиспытателей и естественно-научных учреждений во Всеукраинскую ассоциацию.

С докладом “Задачи естествознания на молодой Украине” выступил профессор В.И. Талиев. В докладе, в частности, говорилось, что “национальный украинский язык и русский язык, как язык ближайшей старой культуры, должны находиться во взаимоотношениях полного доброжелательства”, а также, что “развитие естествознания на Украине требует пересмотра и реформы постановки преподавания естествознания на всех ступенях школы”²⁰.

В своем выступлении на съезде “Выработка мер к развитию естествознания на Украине” Б.Л. Личков говорил о необходимости создания местных отделений Ассоциации естествоиспытателей Украины, об усилении преподавания естествознания во всех учебных заведениях, причем в направлении расширения лабораторно-экскурсионных занятий, увеличения количества кафедр естественнонаучного цикла в вузах.

В докладе А.А. Янаты “Поворот естествознания Украины к исследованию ее территории” ставились конкретные задачи изучения природы Украины в целях подъема ее производительных сил.

Большой интерес вызвал доклад В.И. Вернадского “Основание Украинской академии наук”, в котором обосновывались принципы нового научного учреждения и были оглашены основные положения устава Академии наук.

На совещании были заслушаны также доклады П.А. Тутковского, В.В. Дубянского, Б. Кречуна, В. Николаева, К. Залесского, Л. Портенко. В большинстве своем они были посвящены

²⁰ Короткі винятки з протоколів загальних зборів Народи // Вісти Природничої секції Укр. наук. т-ва. Київ, 1918–1919. Т. 1. С. 9.

вопросам организации науки на Украине, роли местных обществ и музеев, проблемам краеведения и охраны природы.

Много внимания на съезде было уделено проблемам научной терминологии. Работала специальная терминологическая комиссия, в заседаниях которой приняли участие Н.И. Безбородько, С. Веселовский, Г. Высоцкий, С. Зихман, С. Иванов, С. Корниенко, Б.Л. Личков, В.И. Лучицкий, Е. Малик, В. Николаев, К. Осмак, В.В. Ризниченко, В.И. Талиев, П.А. Тутковский, А.В. Фомин, Н. Шарлемань, И. Щеголев, А.А. Яната.

Совещание закончило свою работу 6 августа вечером. На заключительном заседании были утверждены тезисы всех заслушанных докладов и постановлено: поручить оргкомитету съезда исполнение всех решений совещания, просить оргкомитет напечатать и широко распространить постановление совещания, созвать съезд естествоиспытателей Украины не позднее рождественских каникул. Материалы совещания были опубликованы в "Вістях Природничої секції Українського наукового товариства". Созвать же съезд естествоиспытателей не удалось: изменилась обстановка в стране, была основана Украинская академия наук, которая стала главным координатором в области естествознания и других наук.

Естественнонаучная секция УНО продолжала активно функционировать и после совещания, несмотря на исключительные трудности жизни. Характеризуя ее деятельность в период с августа 1918 г. по февраль 1919 г., ее секретарь В.В. Ризниченко писал: «Деятельность Естественнонаучной секции за указанный период проявилась почти исключительно в заседаниях, посвященных заслушиванию ряда докладов, и в более или менее успешной организации разработки научной терминологии в разных областях естествознания, а также в подготовке к печати сборников секции и второго номера "Вістей Природничої секції". Конечно, сумасшедший ритм разбушевавшейся общественной и политической жизни мало способствовал нормальной научной и организационной работе Естественнонаучной секции, которую она, можно быть уверенным, развернула бы при других, более спокойных условиях в значительно более широком объеме, нежели теперь. Осталась неосуществленной большая часть важнейших решений, одобренных секцией при ее основании: до сих пор не установлены связи с естествоиспытателями и учреждениями городов Украины вне Киева; не осуществлены реальные шаги по созданию филиальных отделов секции; приток новых членов был сравнительно слабым; съезд естествоиспытателей Украины, в организации которого секция принимала деятельное участие, пришлось отложить на неопределенное время; случалось, что было трудно

даже обеспечить кворум на заседаниях секции. Тем не менее даже в самое трудное время агонии гетманской реакции, под грохот пушек близкого боя она не прекращала свои заседания”²¹.

Основное внимание в этот период было уделено подготовке учебников на украинском языке, прежде всего справочников по сбору коллекций и других материалов, и организации работы по составлению украинской научной библиографии. Секция приняла активное участие в обсуждении устава Украинской академии наук и внесла в него весьма существенные дополнения и уточнения.

В конце 1918 г., выполняя собственные решения, Естественнонаучная секция УНО выделила внутри себя геологическую подсекцию, позднее выделилось много других подсекций. Этот процесс дифференциации общества привел к тому, что в 1920 г. Естественнонаучная секция УНО была преобразована в Отдел естественных наук, а подсекции стали секциями. На первом заседании совета Отдела естественных наук 14 марта 1920 г. П.А. Тутковский был избран его председателем, заместителем – А.А. Яната, секретарем – В.В. Ризниченко. На этом же заседании был утвержден проспект “Вісника природознавства”, который должен был стать печатным органом Отдела. Ответственным редактором “Вісника” позднее был избран Б.Л. Личков.

23 февраля 1919 г. В.И. Лучицкий прочел на заседании Естественнонаучной секции УНО доклад “О новой геологической карте Украины, составленной Украинским Геологическим комитетом”. Им была продемонстрирована эта карта 10-верстного масштаба и сделано сообщение о составе Украинского Геологического комитета и о его работе над составлением карт полезных и строительных материалов Украины. Обсуждение доклада и сообщения было очень живым. Председатель собрания П.А. Тутковский, поблагодарив докладчика, высказал надежду, что и в будущем Украинский Геологический комитет будет информировать УНО о своей деятельности. На этом же заседании геолог комитета В.В. Мокринский сделал доклад “О новой геологической карте Донецкого каменноугольного бассейна”. На последующих заседаниях Естественно-научной секции УНО В.И. Лучицкий и его товарищи по Геологическому комитету также принимали активное участие, выступая с сообщениями и обсуждая доклады других членов секции.

Программным стал доклад В.И. Лучицкого “Задачи геологической работы на Украине”, в котором им был дан анализ уров-

²¹ Короткі винятки з протоколів загальних зборів Народи // Вісти Природничої секції Укр. наук. Т-ва. Київ. 1918–1919. Т. 1.

ня геологического картирования территории Украины: “Сейчас мы имеем мало мест на Украине, для которых есть геологические карты масштаба 1:24000 (0,5 версты в дюйме). Есть такие карты для Одессы и Киева, последняя составлена еще в 1874 году проф. Феофилактовым. Есть немного геологических карт в масштабе 1:42000 (1 верста в дюйме) – это некоторая часть геологической карты отдельных районов Донецкого бассейна (Екатеринославщины). Геологические карты в масштабе 1:126000 (3 версты в дюйме), но без горизонталей, мы имеем уже для целых уездов, но очень немногих, это Изюмский уезд, Мариупольский и еще несколько мест Украины, в целом также небольших по сравнению с пространством всей Украины. Большая ее часть, но далеко не вся, покрыта геологическими картами сравнительно малого масштаба, а именно 1:420000 (10 верст в дюйме), но и таких карт для некоторых частей Украины еще нет – например, для Черниговщины, для некоторых районов Екатеринославщины – этой перспективнейшей части Украины и для районов Харьковщины. Вся Украина покрыта только геологической картой масштаба 1:2 520 000 (60 верст в дюйме). К тому же 10-верстная карта составлялась очень давно, в 1870–1880 годах, и многие ее листы мало отвечают действительности. Для Кривого Рога имеются лишь трехверстные карты и то без горизонталей. Для районов Киевщины и севера Харьковщины, со столь важными в те годы большими запасами угля, имеются лишь 10-верстные карты, к тому же очень старые. Все это свидетельствует о сильном отставании Украины по уровню геологического картирования, например, от стран Европы”²².

В.И. Лучицкий выделял два типа актуальных геологических задач: с одной стороны, необходимы систематические исследования геологического строения территории Украины, отчасти с решением практических задач поиска полезных ископаемых, с другой – решение конкретных научных проблем геологии, возникающих по мере систематических исследований. Эти задачи можно поделить между различными учреждениями. Систематические геологические исследования территории Украины должен вести Украинский Геологический комитет, научные задачи геологии обязаны решать Академия наук, вузы, научные общества. Нельзя отрицать, что это была глубоко продуманная концепция стратегии геологических исследований.

1920 г. был также очень тяжелым для развития науки на Украине. Эти трудности отразились сполна и на деятельности Отде-

²² Лучицкий В.И. Завдання геологічної праці на Україні // Вісті Природничої секції Укр. наук. т-ва. 1919. Т. 1. Ч. 2. С.40.

ла естественных наук УНО. Так, на заседании совета 14 октября 1920 г. В.В. Ризниченко докладывал: “Геологическая секция переживает сейчас очень тяжелый период. Большинство активных сотрудников секции – геологов выехали из Киева, некоторые умерли. В самом Киеве осталось незначительное количество геологов – членов секции. Но жизнь секции не замирает”²³. На этом же заседании обсуждался первый номер подготовленного к печати “Украинского геологического журнала”.

При организации геологической секции в 1920 г. в ее составе насчитывалось 24 геолога, среди них Н.И. Безбородько, Г.С. Буренин, В.И. Вернадский, Р.Р. Выржиковский, И.И. Голубев, П.И. Грищинский, В.В. Дубянский, А.В. Красовский, Б.Л. Личков, В.И. Лучицкий, В.В. Мокринский, В.В. Ризниченко, П.А. Тутковский и др. С января по начало апреля секция провела четыре заседания, посвященных в основном организационным вопросам и делам издания периодического геологического органа.

В 1921 г. было принято решение о присоединении секций УНО к соответствующим подразделениям Украинской академии наук.

Геологическая секция после ликвидации Общества продолжала существовать при Физико-математическом отделе Академии наук. Деятельность секции проявлялась в основном в организации публичных заседаний, на которых заслушивались и обсуждались доклады на темы геологии. С 1920 по 1929 гг. состоялось 63 таких заседания, на которых было обсуждено 98 научных докладов²⁴. В 1922 г. по инициативе геологической секции было созвано совещание геологических учреждений Киева в связи с проведением Первого всесоюзного съезда геологов, состоявшегося в Петрограде. В 1923 г. геологическая секция принимала участие в совещании геологических учреждений Киева, обсуждавшем вопрос о созыве съезда геологов Украины, а в 1926 г. в организации Второго всесоюзного съезда геологов, который состоялся в Киеве в октябре этого года.

В мае 1923 г. геологическая секция на средства своих членов издала первый выпуск “Українських геологічних вістей”, а через год – второй их выпуск. В редколлегии этого бюллетеня секции были избраны А.В. Красовский, Е.В. Оппоков, В.В. Ризниченко, П.А. Тутковский. Недостаток средств стали причиной того, что выпуск 1924 г. оказался последним.

В 1927 г. Украинская академия наук выступила инициатором создания различных научных обществ. В связи с этим геологиче-

²³ ИР НБУ, д. 31711, л. 2.

²⁴ Там же. Д. 18618, л. 99–101.

ская секция выступила с ходатайством о превращении ее в Украинское геологическое общество и представила проект устава этого общества.

В.И. Лучицкий, хотя и не был избран в Украинскую академию наук, принял активное участие в развертывании ее работы. Одним из первых учреждений Физико-математического отделения УАН стала Комиссия по изучению природных богатств Украины, организованная по инициативе В.И. Вернадского в марте 1919 г. В.И. Лучицкий был включен в ее состав с самого начала. Комиссия начала подготовку труда “Природные богатства Украины” с полной их систематизацией и рекомендациями относительно рационального использования.

В начале апреля 1919 г. были созданы первые секции комиссии: тепловая, строительных материалов, подземных богатств и гидрологии, а позднее – химико-технологическая, прикладной физики, сельского хозяйства. Секции в свою очередь подразделялись на подсекции. Так, в составе секции подземных богатств была выделена гидрогеологическая подсекция. Таким образом, комиссия охватила многие важные для народного хозяйства направления.

Секция подземных богатств под руководством В.И. Лучицкого поставила своей задачей подготовку по литературным данным книги “Полезные ископаемые Украины”, первые выпуски которой готовились: по графиту и фосфоритам – В.Н. Чирвинским, по бурому углю – И.И. Гинзбургом, торфу – Б.М. Клопотовым, кремням и глинам – П.И. Грищинским, песчаникам Подолии и Волыни – Е.Л. Личковой, по строительным материалам – Н.И. Безбородько, В.С. Колюбакиным и т.д. Начала работать и гидрогеологическая подсекция, членами которой были В.И. Лучицкий, Б.Л. Личков, В.В. Ризниченко и др.

Секция подземных богатств провела в 1919 г. 25 заседаний и подготовила целую серию работ. На заседаниях гидрогеологической подсекции были зачитаны доклады: С. Коклика “О распределении водных богатств Украины и работе гидрогеологической подсекции”, В.В. Ризниченко “Организация гидрогеологических исследований в пойме Днепра” и “Геологический разрез Межигорья”, Г.С. Буренина “Гидрогеологические работы на Черниговщине” и др. Подсекция занялась упорядочением материала, собранного киевскими гидрогеологами во время Первой мировой войны, систематизацией данных по скважинам и составлением их каталогов, начала подготовку труда “Материалы по гидрогеологии Украины”, первой частью которого стала работа “Геология и война”. Подсекция под руководством В.И. Лучицкого разработала программы описания гидрогеологических районов

Украины. В ней работали Г.С. Буренин, А.А. Моторин, В.В. Ризниченко, Е.Л. Личкова, Л. Айнберг, А.В. Красовский.

В.И. Лучицкий руководил также и подсекцией полезных ископаемых, в которой работали преимущественно сотрудники Украинского Геологического комитета. Основное внимание эта подсекция уделяла изучению строительных материалов.

Академическая Комиссия по изучению природных богатств Украины сыграла важную роль в решении конкретных практических задач, вставших в те трудные годы перед народным хозяйством. Она оказалась одним из эффективных учреждений Академии наук.

Работая в академических учреждениях, В.И. Лучицкий продолжал преподавать в Киевском университете. В 1918 г. был основан Украинский университет, и Владимир Иванович стал одним из первых его преподавателей. С приходом советской власти в 1919 г. Украинский университет и бывший Университет св. Владимира были объединены с Высшими женскими курсами, Медицинским институтом в единый Киевский университет с двумя отделениями – украинским и русским. Была реформирована вся организационная его структура. Научной работой стала руководить коллегия, в составе всех профессоров во главе с председателем академиком УАН А.Е. Крымским. Административно-педагогической деятельностью университета стал распоряжаться научно-учебный совет из представителей всех факультетов по 24 человека от каждого (8 профессоров, 8 ассистентов, 8 студентов). Председателем совета был избран профессор Ф. Сушицкий, его заместителем профессор А.В. Корчак-Чепурковский.

На физико-математическом факультете начался переход от семестровой к цикловой системе обучения с такими циклами: зоологическим, ботаническим, минералого-геологическим, географическим, агрономическим. Факультетом руководил президиум в составе: В.В. Дубянский (председатель), М.Ф. Кравчук (заместитель председателя), студент Ф. Калинович (секретарь), А.А. Яната, А. Соколовский, Н. Шульгина-Ищук, студент С. Науменко. В 1921 г. Киевский университет был преобразован в Институт народного образования.

Важным эпизодом педагогической биографии В.И. Лучицкого стала его работа в Таврическом университете. Накануне денкинской оккупации Киева осенью 1919 г. В.И. Лучицкий принял решение о выезде в Крым. Здесь он стал профессором Таврического университета в Симферополе, в котором тогда преподавали многие выдающиеся русские ученые: Н.И. Андрусов, В.А. Обручев, П.П. Сушкин, А.А. Байков, В.И. Палладин, Б.Д. Греков,

Г.Н. Высоцкий, В.Л. Рыжков, И.Е. Тамм, А.Ф. Иоффе, Я.И. Френкель, Р.И. Гельвиг, Е.В. Вульф, С.П. Попов, Н.И. Кузнецов, Д.И. Щербаков, Г.В. Вернадский и др. Несколько позднее в университете начал работать оказавшийся в Крыму В.И.Вернадский.

Таврический университет был самым молодым из российских университетов, возник он в революционные годы, поэтому есть смысл сказать несколько слов об истории его основания.

Необходимость создания в Крыму университета в связи с исключительно благоприятными особенностями этого района осознавалась давно. “Богато одаренный разнообразными дарами природы, омываемый со всех сторон теплым незамерзающим морем, занимающий срединное место между Западной Европой с ее новой культурой и Ближним Востоком с его старинной многовековой культурой, Крымский полуостров имеет все данные для того, чтобы сделаться самой культурной и цветущей страной. Но без науки, знания и просвещения достижение такого состояния, конечно, невозможно; необходимо было в Крыму создать крупный научный центр”²⁵.

Инициатива выдвижения программы основания университета в Крыму принадлежала Таврическому губернскому земству, которое на заседании 16 августа 1916 г., заслушав доклад видного земского деятеля С.С. Крыма о необходимости учреждения высшего учебного заведения, постановило возбудить перед правительством соответствующее ходатайство. Для его разработки была сформирована специальная комиссия, подготовившая проект законопроекта, подписанный членами Государственного совета и внесенный в повестку заседания последнего 17 декабря 1916 г. Этот вопрос тем не менее не был рассмотрен Государственным советом из-за перерыва в работе сессии зимой 1917 г., а затем был отодвинут Февральской революцией.

Тем не менее, в Крыму над этим вопросом продолжали работать. Летом 1917 г. из профессоров, проживавших в Ялте, образовалась Коллегия организации университета в Крыму, начавшая переговоры с представителями земства, общественных учреждений и советом Киевского университета. Коллегия постановила немедленно открыть в Ялте университет со статусом филиала Киевского.

10 мая 1918 г. состоялось открытие филиала в Киеве, а 11 мая в Ялте, причем прием студентов осуществлялся и в Киеве, и в Ялте. Тогда же открытому университету было дано название “Таврический”. Временным ректором был избран профессор

²⁵ АРАН, ф. 518, оп. 4, д. 96, л. 62.

Р.И. Гельвиг. В течение лета 1918 г. велись занятия на медицинском и физико-математическом факультетах и продолжал прорабатываться вопрос об окончательном учреждении университета.

30 августа 1918 г. совет министров Крымского краевого правительства (генерала Сулькевича) утвердил положение о Таврическом университете в Симферополе в составе пяти факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического, медицинского и агрономического. Официальное открытие университета состоялось 14 октября 1918 г. в Симферополе в здании городского театра, и сразу же начались регулярные занятия на всех факультетах.

Позднее, в 1921 г., В.И. Вернадский писал, отстаивая необходимость дальнейшего развития университета: “Несмотря на трудные условия времени, отсутствие подходящих помещений, недостаток средств, научных пособий и предметов оборудования, занятия шли нормально в течение всего года. Они не прекращались и не прерывались и тогда, когда пало правительство Сулькевича и вместо него учредилось правительство С.С. Крыма и тогда, когда взамен последнего в Крыму установилась советская власть в марте 1919 г. Признавая важное значение Таврического университета, советская власть оказывала ему всевозможное содействие и в июне 1919 г. ввиду отсутствия в Симферополе подходящих помещений приняла решение перевести университет в Севастополь, предоставив ему помещение Морского кадетского корпуса”²⁶.

Трудности деятельности университета усугубились в связи с занятием Крыма денкикинскими войсками. Совету университета пришлось вновь ставить вопрос о его статусе. Требования совета были удовлетворены лишь частично, финансирование было недостаточным, в переводе университета в Севастополь было отказано. Трудности возросли весной 1920 г., когда во главе правительства Крыма стал генерал Врангель. Сметы не утверждались в течение нескольких месяцев, университет оставался без средств. К педагогическому персоналу и его деятельности относились подозрительно. Тем не менее сильный состав профессуры достаточно плодотворно работал как в учебном, так и научном направлении. Несмотря на все сложности, на всех пяти факультетах не прерывались занятия. Был создан ряд научных и учебно-вспомогательных учреждений: кабинетов, лабораторий, музеев, клиник, в которых велись занятия студентов, ставились оригинальные научные эксперименты. В.И. Вернадский отмечал: “Такие результаты достигнуты, несмотря на то, что до сих пор уни-

²⁶ АРАН, ф. 518, оп. 4, д. 96, л. 62.

верситет не встречал достаточно поддержки от властей, сменявшихся в Крыму. Если бы власть прониклась сознанием необходимости университета в Крыму и оказывала бы ему энергичную и систематическую поддержку, университет быстро бы достиг процветания и вырос бы в крупный научный центр культуры”²⁷.

Научный потенциал, волей судьбы сосредоточившийся в Крыму, искал для себя реализации в различных инициативных формах. В.И. Вернадский, избранный ректором Таврического университета 28 сентября 1920 г., и В.И. Лучицкий стали инициаторами создания при Крымском обществе естествоиспытателей Комиссии по изучению производительных сил Крыма, начавшей свою деятельность летом 1920 г. В комиссию были избраны: от Таврического университета – В.И. Вернадский и профессор Н.И. Кузнецов, от Таврической научной ассоциации – профессора В.А. Обручев и В.К. Агафонов, от Крымского общества естествоиспытателей – профессора А.А. Байков, Н.Н. Бунге, В.И. Лучицкий и приват-доценты И.И. Пузанов, Е.В. Вульф, П.А. Двойченко. Председателем комиссии избрали В.И. Вернадского.

Комиссия сразу же начала действовать. Помимо программы планомерного исследования природных богатств Крыма, организации публичных лекций и научных докладов, было решено в кратчайший срок, к весне 1921 г., издать сборник “Естественно-производительные силы Крыма”, который должен был состоять из очерков по минералогии, геологии, ботанике, климатологии и зоологии общим объемом около 70 печатных листов, но в виде отдельных тематических выпусков. В.И. Вернадский обратился к Б. Куну, председателю Военно-революционного комитета Крыма, с докладной запиской, в которой обосновывалась практическая направленность деятельности Комиссии: “Обращаясь к Вам, я считаю необходимым отметить, что в переживаемую эпоху разрухи и строительства одной из важнейших задач является энергичное использование природы страны – настоящих источников народного богатства. Таврический университет в лице Комиссии по исследованию производительных сил, где работают все его члены, может многое сделать для этого. Но это возможно только при ограждении личного достоинства его членов и материальной обеспеченности их жизни”²⁸.

Среди первоочередных задач, которые называл В.И. Вернадский в этой записке, – изучение отложений крымского кила, который мог заменять столь дефицитное в те годы мыло: “...недо-

²⁷ АРАН, ф. 518, оп. 4, д. 96, л. 62–62а.

²⁸ Там же. Л. 61.

статок мыла требует срочного изучения, тем более, что мы, по видимому, имеем в Крыму новый источник мыла, данный нам природой. Работа эта поручена проф. В.И. Лучицкому и академику В.И. Вернадскому и может быть начата немедленно, раз будут даны необходимые средства, а также для лаборатории керосин, дрова и спирт”²⁹.

Действительно, условия работы в университете и вообще исследовательской деятельности, а также условия существования были исключительно тяжелы. Приказом Чрезвычайной комиссии при Крымревкоме были ликвидированы юридический, историко-филологический факультеты, отделения в Севастополе и Керчи, был временно распущен весь состав преподавателей и студентов с последующей его “чисткой” и прохождением через мандатную комиссию. В приказе говорилось: “Совет профессоров нынешнего состава, с момента опубликования настоящего приказа, считать распущенным. Ректору университета проф. Вернадскому остаться при исполнении своих обязанностей, причем всю деятельность его подвергнуть соответствующему контролю со стороны комиссара высших учебных заведений Крыма... Таврический университет впредь именовать “Крымским университетом имени М.В. Фрунзе”... Университет в реорганизованном виде зачислить в число ударных учреждений”³⁰.

В связи с материальными трудностями фактически не могло быть речи о какой-либо исследовательской работе. Профессора начали уезжать из Крыма. После отъезда В.И. Вернадского в Петроград В.И. Лучицкий написал отчаянное письмо Б.Л. Личкову с просьбой прислать ему вызов для возвращения в Киев.

В это время в Киеве с большими трудностями налаживалась работа в Обществе естествоиспытателей, которое после революции фактически лишилось каких-либо средств к продолжению своей деятельности. Поэтому единственной формой работы стали заседания, на которых заслушивались доклады. Последние протоколы общества были опубликованы в середине 1917 г. в Житомирской типографии, и лишь летом 1918 г. их получили в Киеве, но не в сброшюрованном виде. Протоколы 1918 г. надеялись опубликовать, получив субсидию гетманского правительства, но этого не случилось. Лишь в 1920 г. Украинская академия наук выделила на это 5000 руб., но этого не хватило, чтобы выпустить издание из типографии и в 1921 г. оно было потеряно.

²⁹ АРАН, ф. 518, оп. 4, д. 96, л. 61.

³⁰ Там же. Л. 64.

Последняя субсидия на командировки последовала от Министерства народного просвещения в 1917 г. в размере 2000 руб., на которые смогли послать в экспедиции трех членов общества.

В послереволюционный период сократился также приток членских взносов. Так, в 1925 г. взносы внесла лишь $\frac{1}{3}$ членов Общества, проживавших в Киеве. Возникло много новых научных организаций, государственных и общественных, что обусловило отток научных сил из Киевского общества естествоиспытателей.

Так, в 1917 г. в Киевском обществе естествоиспытателей состояло 17 почетных и 144 действительных члена, в 1918 г. соответственно 18 и 166, в 1919–1924 гг. были избраны в состав общества один почетный и один действительный члены, а сколько было трудно установить. В 1925 г. в обществе состояли 8 почетных и 125 действительных членов³¹. В 1921 г. В.И. Лучицкий прислал из Симферополя на имя Б.Л. Личкова заявление с просьбой освободить его от обязанностей председателя Общества. Тем не менее В.И. Лучицкий продолжал, как и прежде, много работать по линии общества. В 1919–1924 гг. на заседаниях общества им были сделаны доклады: “Известняки и их контакты с изверженными породами в районе Радомышля”, “Реферат новой работы Делере о четвертичных отложениях Западной Европы”, “Главные водоносные горизонты Киево-Харьковского артезианского бассейна”, “Геологическое строение Украинской кристаллической полосы”. Лишь после отъезда В.И. Лучицкого в Москву Украина утвердила в 1925 г. новый устав Киевского общества естествоиспытателей и выделила ему небольшую субсидию, которая позволила в 1926 г. опубликовать после девятилетнего перерыва “Записки” Общества.

Среди множества направлений работы Владимира Ивановича в годы революции главным стала организация Украинского Геологического комитета.

³¹ Огляд діяльності Київського товариства природознавців на період з 1917 до 1926 р. // Зап. Київ. т-ва природознавців. 1926. Т. 27. Вип. 1. С. 6.

Детище В.И. Лучицкого – Украинский геологический комитет

Идеи территориального размещения учреждений науки в огромной России стали предметом пристального внимания отечественных ученых в последнее десятилетие перед революцией, но реализовать их так и не удалось, поскольку правительство царской России боялось всякого сепаратизма – не только политического, но и культурного. Между тем, как писал Б.Л. Личков, “...местные центры науки были необходимы, и научные работники на местах знали это лучше. В частности, многочисленные деятели науки в области геологического изучения территории России хорошо понимали, что одного геологического центра для государства мало, что необходимо создание автономных центров при условии координации их работы с исследователями старого центра”¹.

Действительно, созданный в Петербурге в 1882 г. Геологический комитет был образцовым научно-производственным учреждением России, сумевшим в краткий срок при крайне немногочисленных штатах организовать планомерные исследования для составления Общей геологической карты России и детальной работы в горнопромышленных районах. К этим работам были привлечены в качестве внештатных сотрудников фактически все геологи России. В Киеве по заданиям Геологического комитета работали К.М. Феофилактов, В.Е. Тарасенко, В.И. Лучицкий и многие другие. Тем не менее было очевидно, что справиться с грандиозными задачами геологического изучения территории России Геологическому комитету даже при оптимальной организации работ не под силу. Идеи создания отделений Комитета в различных регионах страны зарождались как в самом комитете, так и на местах.

В Киеве эти идеи окрепли в годы Первой мировой войны, когда многие геологи были объединены работой в военной гидрогеологической организации “Гидроюз” (Гидрогеологическое

¹ Личков Б.Л. История утворення Українського Геологічного комітету // Вісн. Укр. Геол. ком. 1919. Вип. 1. С. 2.

отделение управления гидротехнических работ армий Юго-Западного фронта), а также в Отделе сырья при Киевском комитете военно-технической помощи. Отдел сырья возник в марте 1917 г., инициатором его создания стал В.И. Лучицкий.

На первом заседании Отдела сырья Комитета военно-технической помощи, состоявшемся 29 марта 1917 г. в Киеве, присутствовало 19 геологов. В.И. Лучицкий выступил с программным докладом. Основными задачами Отдела, по его мнению, были следующие: 1) изучение горнохимических богатств на территории Юго-Западного фронта и в прилегающей полосе; 2) создание бюро по сбору и накоплению информации о полезных ископаемых; 3) исследование строительных материалов; 4) составление картографических материалов и подготовка брошюр; 5) педагогическая деятельность в области военной геологии.

Эта программа была единодушно принята геологами. Большинство из них работали в “Гидроюзе”, но были вынуждены постоянно выходить за рамки гидрогеологической направленности работ и давать ответы на широкий спектр геологических вопросов. Поэтому и возникла мысль о создании организации, которая бы дополнила “Гидроюз”.

Летом 1917 г. Отдел сырья широким фронтом развернул полевые геологические работы. В это время в армии началась подготовка планов демобилизации, и на Отдел легла ответственная работа по изучению демобилизационных путей от фронта к Днепру. Это потребовало чрезвычайно больших усилий геологов. Гидрогеологический отдел “Гидроюза” с ней не мог справиться, и на помощь пришел Отдел сырья. По поручению Отдела на протяжении летних месяцев 1917 г. тыловые пути были изучены В.В. Дубянским, Р.Н. Палием, М.В. Фремдом, В.Н. Чирвинским. Ими был собран большой материал по геологии, гидрогеологии и инженерно-геологическим характеристикам многих районов Западной Украины. Этот материал вместе со сведениями, добытыми геологами “Гидроюза”, стал надежной основой для решения задач демобилизации. Кроме того, Отдел сырья по своей инициативе начал составление двухверстной военно-геологической карты прифронтной полосы Юго-Западного фронта.

Декрет о мире, принятый II съездом Советов, провозгласил прекращение войны, а следовательно, предполагал ликвидацию комитетов военно-технической помощи. Для киевских геологов, работавших в Отделе сырья, это означало свертывание работ, хотя было уже подготовлено 10 листов двухверстных военно-геологических карт.

На заседании Отдела 17 ноября 1917 г., на котором присутствовало 17 геологов, было решено немедленно прекратить все ра-

боты, требующие финансирования, но попытаться сохранить саму организацию, проявившую жизнеспособность и полезность в трудных условиях войны. С мотивированными предложениями относительно возможностей дальнейшего существования организации киевских геологов на заседании выступил В.И. Лучицкий. Он полагал, что поскольку главным направлением работ Отдела сырья были геологические исследования, важно сохранить именно это направление, для чего необходимо создать специальное геологическое учреждение, лучше всего – Украинский Геологический комитет (УГК), который бы проводил такие исследования в пределах Украины.

В.И. Лучицкий стал автором докладной записки “К вопросу о создании Украинского Геологического комитета”, в которой аргументированно доказывалась необходимость такого учреждения для геологического изучения территории Украины. В основу проекта устава УГК был положен устав Геологического комитета, но с одним принципиальным отличием. По мысли В.И. Лучицкого, УГК должен был стать межведомственным учреждением (например, Геологический комитет в Петербурге формировался и развивался в рамках Горного департамента, подчиненного Министерству торговли и промышленности), поскольку результаты геологических исследований необходимы не только для развития промышленности, но и для строительства, транспорта, военных потребностей и даже медицины. Действительно, рациональнее всего было развивать геологические исследования на межведомственной многоцелевой основе. К сожалению, эта принципиальная позиция устава УГК не могла быть реализована в те годы, но формально была закреплена в его уставе. Новое учреждение на практике руководствовалось этим принципом, обслуживая геологические потребности различных государственных органов и ведомств.

В.И. Лучицкий и его соратники включили в устав УГК положение о том, что комитет ставит своей целью координацию и объединение всех геологических работ, проводимых на территории Украины. Таким образом, они разделяли стремление геологов России, учредителей и организаторов Геологического комитета в Петербурге создать эффективную научно-практическую организацию, способную решать самые сложные не только прикладные, но и фундаментальные научные проблемы геологии.

После определения характера и задач нового учреждения были предприняты конкретные шаги по его организации. По поручению киевских геологов В.И. Лучицкий начал переговоры с товарищем министра торговли и промышленности Центральной

Рады И.М. Ганицким. К тому времени в рамках этого министерства еще не было сформировано горное ведомство, что позволило в более полном виде реализовать концепцию УГК, разработанную киевскими геологами. В результате устав и штаты УГК были утверждены правительством, и с 1 февраля 1918 г. началась его официальная история. Первый состав комитета был избран на заседании бывшего Отдела сырья, фактически объединившего всех киевских геологов. Министерство утвердило директором комитета В.И. Лучицкого, геологами – Г.С. Буренина, Б.Л. Личкова, В.В. Мокринского, В.В. Ризниченко, кандидатом в геологи комитета – А.В. Красовского, причем Г.С. Буренин и В.В. Ризниченко были прикомандированы к Гидрогеологическому отделу Министерства земельных дел и считались внештатными геологами комитета. С 19 июня 1918 г. в состав комитета были введены в качестве геологов Н.И. Безбородько, немного позднее – К.И. Тимофеев, В.Н. Чирвинский и Ф.П. Швец, а также ученый распорядитель музея комитета М.М. Архангельская.

С 21 сентября 1918 г. начал работать совет УГК, в который вошли, кроме вышеназванных, профессора П.Я. Армашевский, П.А. Тутковский, В.В. Дубянский (Киевский университет), Н.И. Лебедев и Л.Л. Иванов (Екатеринославский горный институт), В.Д. Ласкарев (Новороссийский университет), Д.Н. Соболев (Харьковский университет), С.П. Попов (Новоалександрийский сельскохозяйственный институт). Осенью 1918 г. в совет комитета вошел академик В.И. Вернадский.

С началом работы под руководством В.И. Вернадского летом 1918 г. комиссии по созданию Украинской академии наук (УАН) геологи УГК, в частности В.И. Лучицкий и Б.Л. Личков, выступили с инициативой установления тесных контактов между комитетом и Академией наук. Была высказана мысль о том, что УГК может стать одним из подразделений УАН по Физико-математическому отделению². Поскольку УАН возникла как неправительственное учреждение, это вполне согласовывалось с идеей В.И. Лучицкого о межведомственном статусе УГК, от которого пришлось временно отказаться при формировании Геологического комитета под эгидой Министерства торговли и промышленности. В комиссию по созданию УАН была подана мотивированная записка по этому вопросу, которая была заслушана на ее заседании. Затем состоялось объединенное заседание Геологического комитета и Физико-математического отделения, на котором было признано рациональным присоединить УГК к Акаде-

² Личков Б.Л. Про організацію Геологічного комітету // Протоколи засідань Фіз.-мат. від. Укр. акад. наук у Києві у 1918 р. 1919. С. 58–64.

мии наук при условии согласия Министерства торговли и промышленности. Такое согласие не было получено: политические события развивались быстро, менялись власти в Киеве.

Следует отметить, что и создание УГК в 1918 г., и основание в том же году УАН в Киеве имели огромное значение и последствия для становления науки, культуры и народного хозяйства Украины.

В 1918 г. состоялось 25 заседаний УГК, пять – комиссии по полезным ископаемым и три – комиссии по строительным материалам. На заседаниях обсуждались: проект устава комитета, план его работы, смета, вопросы составления геологических и других карт, избрания членов и сотрудников комитета, отношение его к УАН, координация деятельности УГК и Гидрогеологического отдела Министерства земельных дел, ответы на запросы Горного департамента и других ведомств³. На заседаниях были выработаны: план полевых работ на лето 1918 г., инструкции по составлению геологической карты и карт полезных ископаемых, смета на 1919 г. и другие документы.

К сожалению, деятельность комитета в 1918 г. была исключительно лабораторно-кабинетной: сложные политические и военные события на Украине не дали возможности развернуть полевые исследования. Было решено собрать воедино и систематизировать все материалы по геологии, накопленные к тому времени. Для этого была составлена карта изученности территории Украины, наглядно показавшая задачи регионально-геологических работ. Исходя из того, что 60-верстная геологическая карта Геологического комитета уже не удовлетворяла потребности регионального изучения Украины, было решено составить геологическую карту Украины в 25-верстном масштабе, для чего пришлось составить специальную топооснову такого же масштаба, используя топографические карты Генерального штаба 10-верстного масштаба.

Одновременно геологи комитета начали составлять карту полезных ископаемых Украины в 10-верстном масштабе, которая по степени детальности должна была существенно отличаться от аналогичной геологической.

Комитет приступил и к составлению 10-верстной карты строительных материалов Украины. Идея В.И. Луцицкого состояла в том, чтобы эти три карты должны были дополнять друг друга и в совокупности составить целостный образ состояния геологической изученности территории Украины.

³ Справоздання Українського Геологічного комітету за 1918 рік // Вісн. Укр. Геол. ком. 1919. Вип. 1. С. IV–VIII.

Для составления карт потребовалась кропотливая работа с литературными источниками, как печатными, так и рукописными, а также проверка и корректировка литературных данных на местах. Производились выборки из литературы по полезным ископаемым и строительным материалам. В 1918 г. были сделаны выборки из 125 печатных работ объемом 3500 страниц. Это была важная работа, которая должна была стать фундаментом для составления указателя литературы по полезным ископаемым и соответствующих сборников сведений как ценных дополнений к составлявшимся картам: “Для пополнения своих данных Геологический комитет собрал сведения об адресах рудников, карьеров, заводов, фабрик, обрабатывающих минеральное сырье. По этим адресам были разосланы соответствующие анкеты в количестве 250 экземпляров. Было получено 60 ответов от 38 учреждений, фабрик и лиц о 116 карьерах полезных ископаемых и строительных материалов, о 60 месторождениях целебных источников, озер и грязей; кроме того, получено много сведений о скважинах вдоль линий железных дорог; ценные сведения о карьерах строительных материалов получены от профессора К.К. Симинского. Для сборников по полезным ископаемым и строительным материалам, а также для общего представления о геохимии Украины Геологический комитет собрал анализы полезных ископаемых, горных пород, минералов, почв и т.д. В настоящее время собрана тысяча анализов, и эти данные еще раз показали, как мало известно о геохимии Украины”⁴.

Для лабораторных исследований строительных материалов Украины была организована комиссия в составе: В.И. Лучицкий, В.Н. Чирвинский, Н.И. Безбородько, К.И. Тимофеев, М.М. Архангельская (последняя занялась обработкой образцов строительных материалов из коллекций Киевского университета и Политехнического института).

Уже в 1918 г. УГК дал множество ответов на запросы различных ведомств относительно местонахождений каменного и бурого угля, кремней, глин, графита, определения присланных образцов. Представители комитета активно участвовали в заседаниях: комиссии по горно-земельному праву, съездах по керамике, торфу, бурому углю, естествоиспытателей Украины и т.д. Начата была подготовка к печати многочисленных трудов геологов комитета, часть из которых была опубликована уже в 1919 г. в “Віснику Українського Геологічного комітету”. В музей УГК по-

⁴ Справоздання Українського Геологічного комітету за 1918 рік // Вісн. Укр. Геол. ком. 1919. Вип. 1. С. VI.



В.И. Лучицкий. Начало 1920-х годов

ступило 10 коллекций от геологов и организаций. Фонд библиотеки составил 293 тома.

1919 г. оказался чрезвычайно тяжелым как для УГК, так и для УАН, в связи с денкинской оккупацией Киева. Невозможными стали не только полевые исследования, но и любые работы вообще. Геологический комитет не получал фактически никаких средств для своей деятельности. Именно в этот период В.И. Лучицкий, как и В.И. Вернадский, оказался в Симферополе.

Киев переходил из рук одной власти в руки другой. Возрождение деятельности Комитета затягивалось. Лишь к концу 1920 г. положение комитета стало несколько прояс-

няться. В 1921 г. была утверждена смета УГК – впервые в таком объеме, что появилась возможность провести летние полевые работы. Но условия существования геологов были крайне тяжелыми. На протяжении всей зимы сотрудники не получали зарплаты, температура в помещениях не поднималась выше 3–4 °С.

Получаемые бюджетные ассигнования не позволяли по-настоящему развернуть полевые работы. УГК заключил соглашение с Управлением горнопромышленных разведок Юго-Западного района (“Югзаппромразведка”) и на его средства отправил в поле 10 партий: В.В. Ризниченко изучал жерновые песчаники Каневского, Могилевского и Ямпольского районов; В.И. Лучицкий и Р.Н. Палий вели геологическую съемку приграничного района Подолья с изучением месторождений литографического камня; В.Н. Чирвинский исследовал буроугольные месторождения Херсонщины; Н.И. Безбородько изучал геологию месторождений строительных материалов на Подолье; А.В. Красовский начал геологическую съемку Браславского и Ольгопольского уездов в связи с поисками железо-марганцевых руд; И.И. Гинзбург и Р.Н. Палий изучали подольские месторождения гипса; А.Е. Зеленко исследовал месторождения графитов Побужья. Осенью 1921 г. Р.Р. Выржиковский выполнил рекогносцировку Подольского фосфоритового района и разработал план возрож-

дения фосфоритовой промышленности⁵.

Результаты работы партий в 1921 г. были опубликованы, чем было положено начало изданию “Трудов” комитета. Тем не менее, несмотря на столь значительные результаты, УГК продолжал ютиться в помещении лаборатории В.И. Лучицкого в университете, и эту насущную проблему удалось решить лишь в 1925 г.

В 1921 г. был организован Екатеринославский филиал УГК с очень сильным составом. 3 декабря 1921 г. состоялись выборы первого состава филиала: председатель – профессор Н.И. Лебедев, геологи – И.И. Танатар, Л.Л. Иванов, Б.И. Чернышев, С.С. Гембицкий. Филиал должен был обслуживать Криворожский горно-промышленный район. К сожалению, филиал просуществовал всего год: в 1922 г. в связи с реорганизацией комитета и отсутствием средств он был упразднен.

В 1922 г. геологическая служба на Украине была кардинально реорганизована. С 1 октября 1922 г., в связи с утверждением нового положения о Геологическом комитете в Петрограде, УГК был преобразован в автономный филиал последнего и, оставаясь всеукраинским геологическим учреждением, должен был продолжать исследования на всей территории республики⁶. Одновременно было вынесено решение о присоединении к Украинскому отделению Геологического комитета (УОГК) “Югзаппромразведки” – Украинского филиала Центрального управления промышленных разведок, возникшего сразу после революции для горных разведок недр на Украине и проводившего свои работы в тесном контакте с УГК. С 1 мая 1923 г. “Югзаппромразведка” образовала отдел прикладной геологии, а УГК – отдел региональной геологии УОГК.



Борис Леонидович Личков

⁵ Десять років праці Українського комитету // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1928. Вип. 11. С. 8.

⁶ Клеопов И.Л. Геологический комитет: 1882–1929 гг. М., 1964. С. 98.

В целом эта реорганизация, хотя и была связана с централизацией геологической службы в стране, имела позитивное значение для укрепления Геолкома Украины, тем более, что 1922 г. оказался исключительно тяжелым для него: штаты были жестко сокращены, средства урезаны до минимума. С присоединением к центральному Геологическому комитету впервые определился устойчивый штат УОГК-14 штатных единиц, а с присоединением “Югзаппромразведки” – 23 единицы. В состав отделения в 1923 г. входили: В.И. Лучицкий (председатель и заведующий разведочными работами), геологи Г.С. Буренин, Б.Л. Личков (он же заведующий Бюро учета), А.В. Красовский, В.Н. Чирвинский и В.В. Ризниченко (ученый секретарь), адъюнкт-геологи Р.Р. Выржиковский и А.Е. Зеленко, геологи-разведчики В.В. Мокринский и С.Г. Коклик, внештатные геологи-сотрудники В.С. Левитский, М.В. Фремд, Р.Н. Палий, Н.А. Голдринг (представитель УОГК в Харькове). В Научный совет отделения входили академик Всеукраинской АН П.А. Тутковский и профессор В.В. Дубянский.

В 1923 г. отделом региональной геологии проводились полевые работы: Г.С. Буренин занимался одноверстной геологической съемкой р. Ущица в Подольской губернии; здесь же в Гайсинском уезде работал А.В. Красовский; Б.Л. Личков вел исследования в северо-восточной части 32-го листа 10-верстной геологической карты; В.В. Ризниченко продолжал работы на Каневских дислокациях; В.Н. Чирвинский занимался картированием в Звенигородском уезде; Р.Р. Выржиковский изучал фосфоритопосный район в Могилевском уезде, а Р.Н. Палий – в Изюмском. В камеральный период в отделе В.Н. Лучицкий обрабатывал материалы по гидрогеологии Украины и петрографии Украинского щита, Б.Л. Личков – по тектонике Украины и стратиграфии Мангышлака, В.В. Дубянский – по петрографии и пегматитам Волыни. Геологи изучали и обобщали материалы по различным регионам Украины.

Отдел прикладной геологии (бывшая “Югзаппромразведка”) вел обработку обширного материала, полученного за время существования этого учреждения. А.В. Красовский работал над материалом по разведке месторождений марганцевых руд и составил их полуверстную карту; В.В. Ризниченко обрабатывал материалы разведки месторождений жерновых камней Подольской губернии и Каневского уезда; В.В. Мокринский – каолиновых месторождений Киевской и Подольской губерний и каолинов Звенигородского уезда; Р.Р. Выржиковский – фосфоритов Могилевского уезда Подольской губернии.

Отдел прикладной геологии на средства Геологического комитета (Петроград) осуществил в 1923 г. полевые исследования в

районе Хоцеватой – по поискам марганцевых руд с целью выяснения запасов и возможностей эксплуатации месторождений (А.В. Красовский, П.И. Василенко, А.Н. Козловская). Было заложено 25 шурфов, расчищены старые разведочные выработки, заложены штреки. Начаты были работы в Кривом Роге.

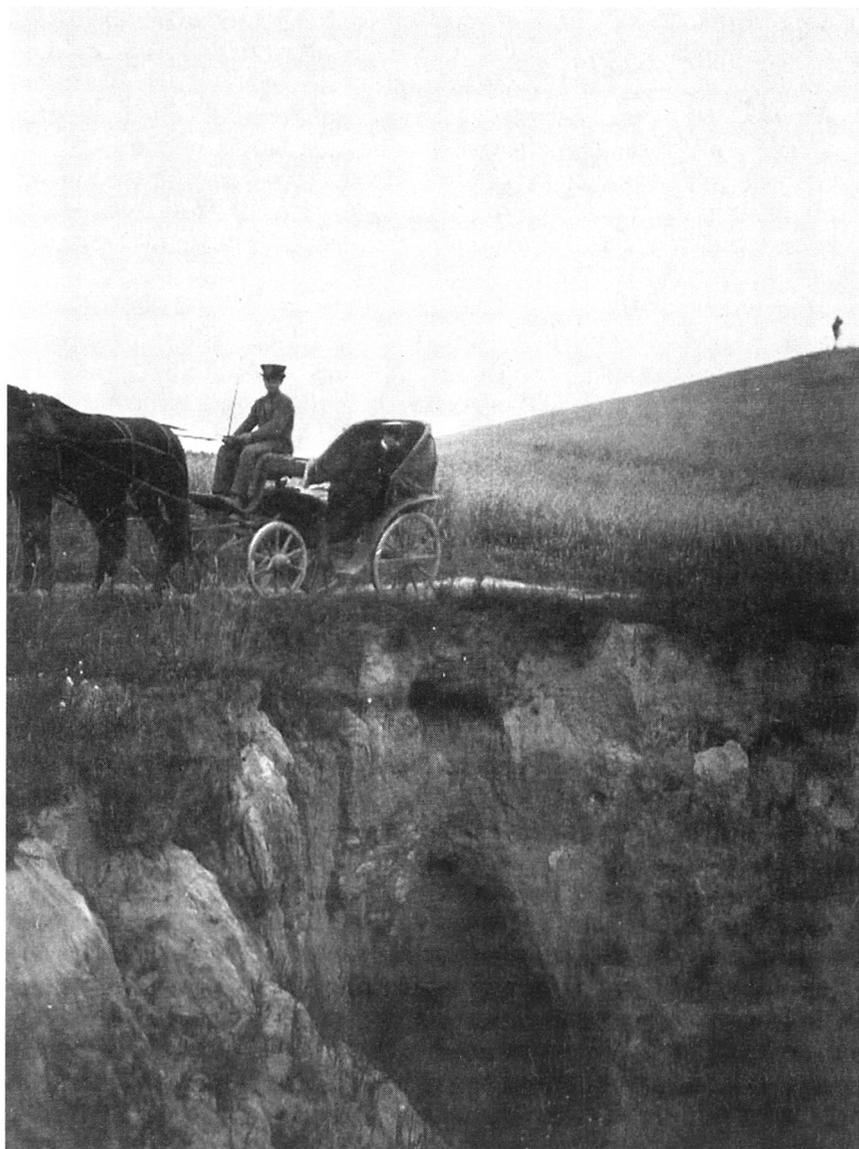
На республиканские средства В.В. Мокринский разведвал месторождения каолинов в Киевской и Подольской губерниях, Р.Р. Выржиковский – фосфоритовые месторождения Могилевского уезда на Подолье⁷.

Организованное в УОГК Бюро учета (Б.Л. Личков, С.И. Баженов, М.И. Ожегова, Ю.И. Фрейвальд) провело большую работу по учету месторождений полезных ископаемых. Полученные данные направлялись в Петроград в Геологический комитет, в Московское отделение комитета, в Харьков – представителю УОГК для Украинского горного управления. Е.Л. Личкова вела работу по регистрации буровых скважин Украины: были собраны материалы по 500 скважинам.

При УОГК были созданы комиссии: каолиновая (В.И. Лучицкий, С.Г. Коклик, Б.Л. Личков, Б.С. Лысин, Ю.И. Фрейвальд, М.В. Фремд, В.Н. Чирвинский), по изучению кор выветривания (Б.Л. Личков, М.И. Ожегова, В.Н. Чирвинский), по бурым углям (В.И. Лучицкий, П.И. Василенко, С.Г. Коклик, Б.Л. Личков, В.Н. Чирвинский), гидрогеологическая (В.И. Лучицкий, Г.С. Буренин, Е.Л. Личкова, Б.Л. Личков, В.В. Ризниченко).

УОГК стало одним из первых учреждений на Украине, разработавших пятилетний план регионально-геологических исследований на 1924–1929 гг. План предполагал осуществить геологическую съемку: Овручского района (с поисками строительных материалов, полевых шпатов, охр); западной части Приднестровской полосы – от Збруча до Ушицы (гипсы, известняки, цементные материалы, фосфориты, жерновые песчаники); Каневского района (дислокация, подземные воды, глины, жерновые песчаники, фосфориты, железные руды, бурый уголь); Вознесенского района (подземные воды, бурый уголь, мергели); Александровского (Екатеринославско-Никопольского) района (марганцевые руды, строительные материалы) с односторонней съемкой Криворожского горнопромышленного района; Мариуполь-Бердянско-го района развития кристаллических пород; Житомирского района (полевые шпаты, строительные материалы); одностороннюю съемку Киевского района с составлением геологической, гидро-

⁷ Краткий обзор деятельности Украинского отделения Геологического комитета за время с 1 октября 1922 года по 1 января 1924 года // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1924. Вип. 4. С. 3–8.



Пролетка В.И. Лучицкого в геологической экспедиции по Украине

геологической, пластовых карт (подземные воды, глины, бурый уголь, янтарь, распределение четвертичных пород); Звенигородского бурогольного района. В связи с задачами мелиорации и электрификации особенно актуализировались геологические, гидрогеологические и инженерно-геологические исследования

поймы Днепра с трехверстной съемкой прилегающих территорий. Предполагалось, по предложению В.Н. Чирвинского, начать изучение кор выветривания в этом районе⁸.

Нельзя не признать стратегическое значение первого пятилетнего плана, разработанного УОГК и принятого на заседании научного совета 12 мая 1923 г. Ближайшей задачей геологи Украины считали изучение месторождений фосфоритов и каолинов, имевших исключительное значение для возрождения на Украине фосфоритовой, фарфоровой и бумажной промышленности. Под руководством В.И. Лучицкого проводилось детальное исследование Подольского фосфоритового района. Владимир Иванович возглавлял коллектив геологов (В.В. Мокринский, А.Е. Зеленко, С.И. Баженов и др.), изучавших каолиновые месторождения. Без всякой помощи со стороны других учреждений УОГК пустило в ход два разрушенных каолиновых завода – Лозовиковский и Райковский и разведало несколько месторождений каолина: В.В. Мокринский – Лозовиковские, А.Е. Зеленко – Новоселецкое, Паланкинское и Курделевское, В.С. Левитский – месторождение Вертиева Балка, М.В. Фремд – Райковское, С.И. Баженов – Турбуевское, Ю.И. Фрейвальд – месторождения Екатеринославского района.

Новым в деятельности УОГК в 1923–1924 гг. стало составление карт различных геологических систем, систематизация библиографии геологической литературы 1918–1923 гг., составление обзоров горной промышленности Украины. Трехверстная съемка проводилась: В.Н. Чирвинским – в Звенигородском районе, Р.Р. Выржиковским – в Приднестровском, Р.Н. Палием – в Северо-Ушицком. В связи с крупными оползнями в Киеве была выполнена детальная геологическая съемка города, результатом чего стало создание геологической карты Киева с подробным описанием и инженерно-геологической характеристикой. Эта работа положила начало планомерной борьбе с киевскими оползнями. Был издан сборник по полезным ископаемым Украины со статьями: “Уголь Украины” (Б.Л. Личков), “Графиты Украины” (В.Н. Чирвинский), “Каолиновые месторождения Подолья” (А.Е. Зеленко), “Железная руда Воыни” (С.Г. Коклик), “Никопольское марганцевое месторождение” (М.В. Черногорова), “Ртуть Украины” (М.И. Ожегова).

На рубеже 1924–1925 гг. резко были уменьшены ассигнования УОГК: последовало жесткое сокращение штатов отдела

⁸ Пояснительная записка к пятилетнему плану работ Украинского отделения Геологического комитета по отделу региональной геологии на годы 1924–1929 // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1924. Вип. 4. С. 10–12.

ния – до четырех штатных единиц. Тем самым под угрозу было поставлено выполнение пятилетнего плана регионально-геологических исследований. Кроме того, из Ленинграда пришла директива перевести Отделение на республиканское финансирование. Геологи Отделения после консультаций с украинским правительством и ВСНХ УССР направили в Москву протест и потребовали разрешения на отделение от центрального Геологического комитета и создание в Киеве самостоятельного Украинского Геологического комитета. Было разработано и утверждено ВСНХ УССР “Положення про Український Геологічний комітет”, определен постоянный штат в 20 сотрудников, утвержденный Совнаркомом УССР.

В апреле 1925 г. Совнарком УССР выделил из резервного фонда на содержание персонала и летние полевые работы Украинского Геологического комитета 25 тыс. руб. Такая поддержка восстановила нормальную деятельность этого геологического учреждения.

В 1925 г. в поле выехало 20 партий: семь из них финансировались из бюджета СССР, семь – из бюджета УССР, шесть – из спецсредств. В области региональной геологии продолжалась трехверстная съемка (партии Р.Р. Выржиковского, В.Н. Чирвинского, Г.С. Буренина), партии В.И. Лучицкого и Б.Л. Личкова занимались 10-верстной съемкой 31 и 32-го листов Общей геологической карты Европейской России, велась детальная съемка Каневских дислокаций. Благодаря помощи республиканских органов были намечены новые районы для трехверстной съемки – Ушомир-Овручский (Л.А. Крыжановский и М.И. Ожегова) и Мариуполь-Волновахский (В.И. Лучицкий и А.А. Цитович).

К 1925 г. расширились работы по прикладной геологии. На союзные средства работала Побужская партия В.В. Мокринского по поискам каолинов, графитов и железных руд; на республиканские средства – четыре партии: две (Р.Н. Палия и Р.Р. Выржиковского) – на фосфориты Подолья, партия А.Е. Зеленко – на изюмские фосфориты и партия И.И. Танатара – по изучению газоносности Приазовья.

В 1924 г. Госплан выделил средства для изыскания возможностей улучшить водоснабжение Юзовки. Проведение работ было поручено Донецкому мелиоративному бюро, а организация гидрогеологической разведки – В.И. Лучицкому. Осенью 1924 г. он сформировал гидрогеологическую партию, в которую вошли Ю.И. Фрейвальд, Н.А. Токарев, Г.С. Буренин и студенты Московской горной академии М. Семенов и С. Яковлев. Целью работ было изучить возможности снабжения Юзовки питьевой водой,

а также изыскать резервы еще для сотни населенных пунктов Донбасса. Работы охватили верхнее течение рек Кривой Торец, Кальмиус, левобережье Волчьей. Общая площадь изысканий – 1359 кв. верст.

Были проведены гидрогеологическое районирование, трехверстная геологическая съёмка. В.И. Лучицкий представил очерк водоносности района и гидрогеологическую карту. Н.А. Токарев составил детальную пластовую карту района Кальмиуса. Были собраны сведения по петрографии, палеонтологии и химическим характеристикам вод района, а также множество маркшейдерских планов и разрезов горных выработок⁹. Материал был использован для полного гидрогеологического описания, составления гидрогеологических карт одноверстного масштаба и разработки практических рекомендаций.

Под руководством В.И. Лучицкого и Р.Н. Паляя велись работы по изысканию возможностей улучшения водоснабжения г. Артемовска.

В 1926–1927 гг. положение Укргеолкома укрепилось, расширилась научная тематика. Благодаря развитию связей с правительством УССР и центральным Геологическим комитетом значительно выросли его штаты и финансовые возможности. В 1926 г. удалось взять в аренду дом на улице К. Либкнехта, 34 и хоть как-то решить проблему с помещением. Большое значение для укрепления комитета имела организация и проведение в 1926 г. в Киеве Второго Всесоюзного геологического съезда.

Геологами комитета летом 1926 г. проводились значительные полевые работы в соответствии с пятилетним планом. Бюро разведок по поручению различных учреждений и за их счет провело разведочное бурение на наличие фосфоритов в Подолье – для суперфосфатного комбината (Р.Н. Палий), каолинов у станции Долинской – для Центробумтреста, бурение для получения артезианских вод для Дома отдыха ВУЦИК. Были развернуты работы по горно-экономической съемке Подолья и Донбасса. Проводилась большая консультативная работа.

В 1926 г. произошли серьезные изменения в политике Геологического комитета в Ленинграде по отношению к своим отделениям: была расширена организационная, научная и отчасти финансовая помощь. В УОГК были организованы секции: геологической съемки, гидрогеологическая, петрографическая, палеон-

⁹ Відчит про стан діяльності Українського відділу Геологічного комітету від 1 жовтня 1924 р. до 1 жовтня 1925 р. // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1926. Вип. 7. С. 43.



Роман Романович Выржиковский

тологическая, комиссия по изучению четвертичных отложений. Кроме этого было укреплено Бюро разведок, основаны шлифовальная мастерская и химическая лаборатория. Укрепились связи с горным отделом ВСНХ УССР, трестами, хозяйственными органами республики, Всеукраинской Академией наук. Была усилена координирующая роль УОГК.

12 марта 1928 г. праздновался десятилетний юбилей Украинского Геологического комитета¹⁰. В докладе В.Н. Чирвинского были выделены важнейшие геологические достижения учреждения. Среди них от-

крытие дислоцированных силурийских пород в Подолье (до этого считали, что силур залегает здесь ненарушенно). Р.Р. Выржиковский и Р.Н. Палий доказали, что и в Приднестровье дислокации силурийских отложений распространены широко. Р.Р. Выржиковским были открыты в Подолье палеогеновые осадочные породы Украинского щита, в районе Хоцеватой на Буге – известняки и мраморы, изученные затем В.И. Лучицким. Принципиальное значение имели работы В.И. Лучицкого и Д.Н. Соболева по стратиграфическому расчленению докембрия Украинского щита, петрографии Приазовского кристаллического массива. Исключительно актуальными оказались проводившиеся под руководством В.И. Лучицкого гидрогеологические исследования Подолья, Киевщины, Черниговщины, Полтавщины и Донбасса, завершившиеся подготовкой отличных гидрогеологических карт с изображением главнейших водоносных горизонтов¹¹.

¹⁰ Десять років праці Українського комітету // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1928. Вип. 11. С. 16.

¹¹ Чирвинский В.Н. О научных достижениях Украинского отделения Геологического комитета в области региональной геологии за 10 лет его существования // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1928. Вип. 11. С. 21–29.

Организация геологической службы Украины, правильное определение концепции Украинского Геологического комитета, его научных и практических задач стали залогом дальнейших успехов украинских геологов. Становление геологических учреждений Украины проходило в труднейших условиях разрухи народного хозяйства и усиливавшейся централизации управления в стране, которая позднее пагубно отразилась на развитии многих отраслей науки и народного хозяйства.

Москва

В новых вузах

В 1924 г. В.И. Лучицкий решился на переезд из Киева в Москву. Вынудили его принять это решение украинизация преподавания в вузах республики и резкое сокращение штатов Украинского Геологического комитета. Последний год перед переездом В.И. Лучицкий целиком посвятил борьбе за отстаивание УГК. Исход этой борьбы оставался проблематичным. Уже работая в Москве, Владимир Иванович (как свидетельствуют об этом его письма Б.Л. Личкову) многое делал для укрепления УГК, ходатайствуя о нем в различных государственных и научных инстанциях, подыскивая ему выгодные заказы на работы.

Основным местом работы В.И. Лучицкого в Москве стала Московская горная академия – молодой советский вуз, возникший по декрету В.И. Ленина в 1918 г.

Вопрос об организации в Москве высшего горнотехнического учебного заведения поднимался еще до революции. В частности, в апреле 1917 г. он обсуждался на съезде углепромышленников Средней России, а в марте того же года был поставлен перед министерством торговли и промышленности по инициативе студентов и преподавателей Варшавского политехнического института, эвакуированного в Нижний Новгород, возбудивших ходатайство о переводе горного отделения в Московское высшее техническое училище. Последнее ходатайство не было поддержано министерством, решившим не разъединять факультеты Варшавского политехнического института. Постановление же съезда углепромышленников было поддержано министерством, и Московское городское управление обещало выделить удобный участок земли в Нескучном саду для строительства зданий вуза. При Временном правительстве приступить к организации горного института не удалось.

В советское время для решения этого вопроса многое сделал профессор Н.М. Федоровский, назначенный Совнаркомом председателем Горного совета ВСНХ. Проект декрета об учреждении Московской горной академии Н.М. Федоровский представил на заседании Совнаркома. Комиссия Совнаркома поддержала

предложение организовать академию в Москве. 4 сентября 1918 г. появился декрет Совнаркома об учреждении Московской горной академии:

“1. Ввиду настоятельной необходимости рабочих Московского горного района в горнотехническом образовании, а также в целях обеспечения республики высококвалифицированными работниками и научными деятелями в области горнозаводского дела и горного хозяйства страны, учреждается в Москве высшее горное учебное заведение под названием “Московская горная академия”, находящаяся в ведении Народного комиссариата по просвещению.

2. Московская горная академия существует и функционирует на основании специального положения.

3. Содержание Московской горной академии обеспечивается отпуском соответственных средств по кредитам Народного комиссариата по просвещению.

4. Организация и устройство Московской горной академии поручается Народному комиссариату по просвещению совместно с Горным отделом Высшего совета народного хозяйства”¹.

Декрет был подписан председателем Совнаркома В.И. Лениным, председателем ВСНХ А.И. Рыковым, заместителем наркома по просвещению М. Покровским и управделами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем. Уже к концу 1918 г. МГА были переданы все здания бывших мещанских училищ на Большой Калужской улице (ныне здесь находится Московский государственный горный университет).

Академия должна была основываться на новых принципах организации технического образования. По “Положению” в ней учреждались три секции: просветительная, научная и учебная. Просветительная включала многочисленные курсы подготовки высококвалифицированных горнорабочих, литейных и буровых мастеров, штейгеров, помощников маркшейдеров, электромонтеров и т.д. В дальнейшем эти функции академии перешли к рабфаку, организованному в 1922 г. В 1926 г. в МГА был основан вечерний рабочий университет.

27 ноября 1919 г. в Академии учреждена научная секция, имевшая целью “... научную разработку вопросов горнозаводской техники и соприкасающихся с нею научных дисциплин, подготовку научных сил для теоретической и практической деятельности в вышеуказанных областях знания и содействие творческой работе. Занятия в научной секции предполагались как ра-

¹ Московская горная академия: 10 лет. М., 1929. С. 3.

бота в лабораториях, музеях, испытательных станциях и других учреждениях академии”².

В научную секцию входили все научные и научно-исследовательские подразделения МГА, а также лабораторная база учебно-вспомогательных учреждений. Секция просуществовала недолго, но из нее выросли крупные самостоятельные учреждения: Нефтяной научно-исследовательский институт и Институт прикладной минералогии и цветной металлургии, в котором много лет пришлось работать В.И. Лучицкому.

Учебная секция МГА представляла собственно втуз с тремя факультетами: горнорудничным, геологоразведочным и металлургическим. Вначале предполагалось осуществлять прием в академию студентов других втузов, окончивших три курса, и обучать их три года. Но в условиях Гражданской войны и разрухи количество таких абитуриентов было очень невелико, поэтому пришлось принимать в академию на обычных условиях.

Становление Московской горной академии проходило в чрезвычайно тяжелых условиях. Преодолеть эти трудности удалось лишь с помощью Союза горняков. В Правление академии входило пять человек во главе с ректором – академиком И.М. Губкиным (с 30 января 1922 г.) и проректором – профессором А.Н. Терпигоревым (с 3 марта 1924 г.).

1921–1922 учебный год – первый год нормальной работы на геологоразведочном факультете, на первом курсе которого обучалось 157 студентов, на втором – 12. На факультете были открыты 4 специальности: инженерно-разведочная по угольным, рудопластовым и нефтяным месторождениям и гидрогеологическая.

На геологоразведочном факультете работали: институты минералогический, петрографии и рудных месторождений, геологический, разведочного дела, гидрогеологический, кабинеты геодезический и геологии нефти.

Минералогический институт состоял из кабинетов минералогии, кристаллографии и минералогического музея. Уже в 1919 г. были получены витрины для минералогического музея и первые коллекции. С 1920 г. начались практические занятия с паяльной трубкой. С 1922 г. институт оборудовали газо- и водопроводом, тягами, химической посудой, начала работать химическая лаборатория. В 1918–1926 гг. в минералогический музей поступили крупные частые коллекции: графа Орлова-Давыдова из имения “Отрада” Серпуховского уезда Московской губернии – в основном рудные минералы зарубежных месторождений; графа

² Московская горная академия: 10 лет. М., 1929. С. 11.

А. Келлера (около тысячи образцов) из имения “Сенницы” За-райского уезда Рязанской губернии; Н.Вишнякова (три шкафа переданы в 1918 г. Румянцевским музеем, а четвертый взят из особняка Н. Вишнякова в Гагаринском переулке) – это знамени-тое собрание минералов Рудольфа Германа, снабженное катало-гом Н. Вишнякова (1900 г.); Г.Г. Гагарина (передана Румянцев-ским музеем в 1922 г.); Л.П. Прохоровой (поступила из Госхрана в 1926 г.) – свыше 2500 русских и зарубежных образцов; пегмати-товые минералы Мурзинского района, полученные после ликви-дации магазина Денисова-Уральского в Петрограде в 1919–1929 гг.; собрание самородков золота, приобретенных у частных лиц. Кроме того, в музей поступили коллекции из Московского университета и Ленинградского горного института. Была приоб-ретена отличная коллекция уральских минералов Л.И. Крыжа-новского. Таким образом, Академия располагала прекрасной ба-зой для обучения студентов минералогии.

С 1918 г. начали работу институты петрографии и рудных ме-сторождений, объединенные весной 1923 г. Заведующим был из-бран В.А. Обручев, с которым В.И. Лучицкий был хорошо зна-ком по работе в Таврическом университете. В.А. Обручев и В.И. Лучицкий много сделали для обеспечения института самой современной исследовательской базой. К осени 1922 г. институт имел пять поляризационных микроскопов и некоторое количест-во образцов горных пород и шлифов. Ежегодно приобретались новые приборы и коллекции, изготовлялись шлифы. В 1929 г. было уже 13 поляризационных микроскопов (7 для студентов и 6 для научных целей), 5 федоровских столиков с полным комплек-том принадлежностей, приобретенных за рубежом, и много дру-гих приборов. Институт располагался в 10 комнатах и имел соб-ственную аудиторию. Всего за несколько лет были накоплены солидные петрографические коллекции: пороодообразующих ми-нералов для общего практикума – 365 образцов и 27 шлифов; ос-новная для общего практикума – 532 образца из зарубежных ме-сторождений и 323 из отечественных; для сокращенного курса петрографии – 176 отечественных и 27 зарубежных образцов без шлифов; дополнительная коллекция шлифов, в основном зару-бежных, – 717 штук; собрание жильных пород – 10 образцов и 16 шлифов; коллекция по региональной петрографии – 49 образ-цов из Миасса, 32 – из Кыштыма и 122 – щелочных пород; запас-ная коллекция – 900 образцов и 40 шлифов; богатая коллекция образцов из рудных и неметаллических месторождений.

Отличная база позволяла образцово наладить учебный про-цесс: “Учебная работа, выполняемая институтом, состоит в чте-нии лекций, ведении практических занятий и руководстве дип-

ломными работами студентов. Практические занятия по курсу петрографии состоят в усвоении работ с поляризационным микроскопом, ознакомлении с пороодообразующими минералами, макро- и микроскопическом определении типичных горных пород, применении федоровского метода, а по курсу рудных месторождений в изучении методов определения руд в полированных шлифах при отраженном свете и в проработке коллекций по рудным месторождениям, ознакомлении с представленными в них рудами, сопровождающими их жильными и горными породами и изменением последних в связи с процессами оруденения. Работа в химической лаборатории связана с дипломным проектированием и состоит в анализе руд и силикатов. Пропускная способность института следующая: в комнате практикума одновременно занимается 16 студентов... дипломным проектированием в четырех отведенных для этого комнатах могут заниматься 8 студентов”³.

Характерной чертой Московской горной академии была значительная исследовательская работа преподавателей, к которой широко привлекались студенты, с практической направленностью для нужд народного хозяйства. Работавшие на геологоразведочном факультете крупнейшие специалисты решали актуальные проблемы, связанные с восстановлением и реконструкцией хозяйства. В 1923–1924 гг. академик А.Д. Архангельский с участием студентов проводил исследования на Курской магнитной аномалии и затем обрабатывал полученный интересный материал. Профессор Г.Ф. Мирчинк вместе со студентами работал над исследованием гидрогеологии Прикубанья. Институт петрографии и рудных месторождений по заданиям Уралхима и Уралзолота проводил разведку и изучение рудных месторождений в окрестностях Челябинска и в Северо-Вятском горном округе, а для Геологического комитета обследовался район течения реки Бухтармы на Алтае. Е.А. Кузнецов с 16 студентами изучал корундовые месторождения Урала для треста “Русские самоцветы” и меденосные песчаники восточного склона Урала. Большую исследовательскую работу вели В.А. Обручев, А.Н. Мазарович, А.А. Гапеев, М.С. Швецов, А.М. Жирмунский, М.М. Жуков, Е.Н. Наследов, Г.Н. Каменский и др.

Под руководством В.И. Лучицкого с привлечением студентов во второй половине 1920-х годов по заданию Геологического комитета велась геологическая съемка Южного берега Крыма, Киевской губернии и Мариупольского уезда; по заданию Украинской государственной мелиоративно-строительной конторы – ги-

³ Московская горная академия: 10 лет. М., 1929. С. 95.

дрогелогическая съемка с целью выяснения возможностей водоснабжения города Сталино; по заданию Продасиликата – разведка Волновахского каолинового месторождения.

Владимир Иванович, перебравшись в Москву, потерял созданный им коллектив Укргеолкома, эффективно работавший по выдвинутой им программе геологического изучения республики, но приобрел в Московской горной академии хорошие возможности для качественного преподавания петрографии, совершенствования курса в методическом отношении. Сильный состав преподавателей, совершенная учебно-лабораторная база, связь преподавания и исследовательской работы с конкретными задачами народного хозяйства позволили ему подготовить целый отряд высококвалифицированных специалистов. В 1924–1929 гг. геологоразведочный факультет Московской горной академии окончили: М.М. Чарыгин, П.Н. Марков, В.В. Штильмарк, В.Е. Руженцев, А.И. Силин-Бекчурин, Е.В. Павловский, Б.Н. Рожков и многие другие крупные геологи.

Уехав с Украины, Владимир Иванович не прерывал с ней связей. Это проявлялось и в продолжении полевых геологических исследований по заказам украинских учреждений, и в участии в съездах и конференциях, проходивших на Украине. Еще работая в Киеве, В.И. Луцицкий многое сделал для подготовки Съезда по исследованию производительных сил и народного хозяйства Украины. Съезд состоялся, когда он уже преподавал в Москве. Открытие съезда состоялось 27 декабря 1925 г. в Харькове в зале заседаний Всеукраинского Центрального исполнительного комитета и продолжался съезд восемь дней. Секционные заседания проходили в Харьковском университете и Технологическом институте.

В съезде приняли участие чуть ли не все активно работавшие в те годы на Украине ученые в области естествознания, техники, сельского хозяйства, экономисты и инженеры. В.И. Луцицкий заявил на съезд несколько докладов: “О результатах исследования марганцевых руд и каолинов Правобережной Украины”, “Гидро-геологическая карта Украины”, “Горючие газы на Украине”, “Состояние промышленности по добыче каолинов”, “Кристаллические породы Украины”, “Организация геологических исследований для изучения производительных сил Украины”, “Рудные и нерудные ископаемые богатства Украины”, но на съезд он опоздал. Некоторые его доклады зачитал Б.Л. Личков. Тезисы всех докладов В.И. Луцицкого были опубликованы⁴.

⁴ Бюлетень № 3–12 Організаційного комітету З'їзда у справі дослідження продукційних сил та народного господарства України. Харьков, 1925.



Село из туфов. Армения. Фото В.И. Лучицкого. 1928 г.

В “Трудах” съезда был опубликован доклад В.И. Лучицкого “Об организации геологических исследований на Украине”, основной мыслью которого стал тезис о необходимости создания в республике самостоятельных научных и научно-практических учреждений в области геологии. Он подчеркнул исключительность минеральных ресурсов Украины: “При таких условиях не совсем нормальным является то, что геологические работы, которые должны были совершаться на Украине, являются в сильной степени стесненными благодаря тому, что нет того учреждения, которое обладало бы достаточными для этой работы средствами, которое могло бы привлечь к своей работе все видные геологические силы, чтобы развивать наше геологическое познание Украины в смысле изучения горных богатств и подземных вод, которые так обильны на Украине и так мало используются. Не раз приходилось слышать в Ленинграде и вообще в Союзе, что Украина является в значительной степени обследованной... на территорию Украины тратить большие средства нет смысла. В результате получается такое распределение средств: из 1 млн 300 тыс. руб. – на Украину приходится 60 тыс. или около 5%⁵.

⁵ Праці першого з'їзду дослідження продукційних сил та народного господарства України. Геологія. 1926. Т. 1. С. 292–293.

Именно на съезде В.И. Лучицкий зачитал резолюцию, принятую Украинским отделением Геологического комитета, о скорейшем решении вопроса придания ему самостоятельного статуса.

Другим важным событием в научной биографии В.И. Лучицкого, а также коллектива Украинского отделения Геологического комитета, с которым он поддерживал связь, стал Второй Всесоюзный съезд геологов, который состоялся в Киеве в октябре 1926 г. В его подготовке принял участие фактически весь состав УГК. Основные пункты повестки: 1) геологическое строение Украинского кристаллического щита, его петрография, геохимия и тектоника; 2) происхождение и геологическая история Черноморской впадины; 3) генезис железорудных месторождений Украины; 4) четвертичные отложения Украины. По первому вопросу были заслушаны доклады В.И. Лучицкого, Н.И. Безбородько (Киев) и Л.Л. Иванова (Днепропетровск), по третьему – один доклад В.И. Лучицкого. Не смогли прибыть на съезд крупные специалисты по железным рудам Кривого Рога – Н.И. Свитальский, И.И. Танатар, П.П. Пятницкий.

Много докладов было по второму и четвертому вопросам. Кроме того, на пленарных заседаниях были зачитаны доклады Д.Н. Соболева (Харьков) «Геологические циклы “эры жизни”», П.Н. Чирвинского (Новочеркасск) «Метеориты, их состав, классификация и происхождение», В.В. Ризниченко (Киев) «Каневские дислокации». Большой интерес вызвал доклад В.И. Лучицкого «Геология и геохимия Украинской кристаллической полосы».

Цикл докладов был посвящен физико-географическим условиям отложения лесса Европейской части СССР и стратиграфии четвертичных отложений. По этой тематике на съезде выступали Г.Ф. Мирчинк (Москва), Д.Н. Соболев, В.И. Крокос (Одесса), А.Н. Мазарович (Москва). Большой резонанс вызвал доклад Б.Л. Личкова, полемизировавшего с идеями П.А. Тутковского о пустынях Северного полушария. В.И. Лучицкий в отчете о съезде писал: «Большой интерес представляет доклад Б.Л. Личкова (Киев), детально разработавшего вопрос о существовании широкой террасы Днепра выше порогов, существование которой намечалось в одном из докладов УАН В.И. Лучицким в 1919 г., также Г.Ф. Мирчинком в более северных районах Приднепровья. Эта терраса, согласно Б.Л. Личкову, начинается тотчас выше Днепропетровска, где высота ее незначительна; по направлению к северу высота ее постепенно повышается, одновременно она расширяется, достигая свыше 200 км ширины в Полтавской губернии, где она отчетливо прослеживается в рельефе и захватывает области, лишенные пестрых глин, очевидно размытых; на этой

террасе, особенно широкой около Десны, располагается ряд уездных городов Полтавской губернии. Возможно, что расположенные на территории Среднего и Северного Приднепровья так называемые барханы, согласно терминологии академика П.А. Тутковского, на самом деле представляют скопления речно-го песка на поверхности этой террасы”⁶.

Геологической истории Азово-Черноморского бассейна были посвящены доклады В.В. Богачева (Баку) и П.А. Двойченко (Симферополь). Несколько докладов по геологии Молдавии и Подолья представил Р.Р. Выржиковский. Геология Крыма обсуждалась в докладах Б.А. Федоровича (Симферополь) и В.С. Ильина (Москва).

С интересом был выслушан доклад Л.В. Пустовалова (Москва) “К вопросу об установлении хромоносного горизонта в верхнепермских отложениях”. Вопросы петрографии осадочных пород рассматривались В.Н. Чирвинским (Киев).

Весьма представительной была секция гидрогеологии, где в докладах Д.Ф. Рамма и Н.Н. Лоташевского (Киев), Н.И. Криштафовича (Харьков), А.К. Алексеева (Одесса) обсуждались вопросы артезианского водоснабжения Киева, Харькова, Юго-Западной Украины. В.И. Лучицкий представил здесь доклад о снабжении питьевой водой населенных пунктов Донбасса. Е.В. Оппоков (Киев) выступил с докладом “Об основанном в Киеве Научно-исследовательском институте водного хозяйства и его задачах в области изучения подземных вод Украины”.

Проблемам полезных ископаемых Украины посвятили свои доклады Е.С. Бурксер (Одесса), Н.И. Криштафович, П.А. Двойченко, В.И. Лучицкий, Р.Р. Выржиковский, Н.А. Родыгин (Харьков).

Украинские геологи хорошо подготовились к съезду, провели ряд геологических экскурсий. Были изданы путеводители: В.В. Ризниченко “В горах и кручах района Каневских дислокаций”, Р.Р. Выржиковского “Геологический путеводитель по Западной Подолии”, В.Н. Чирвинского “Путеводитель по Киеву”, П.А. Тутковского по геологии севера Украины, Н.И. Безбородько по геологии восточной части Подолии.

Съезд прошел под председательством В.И. Вернадского, впервые после многих лет отсутствия приехавшего в Киев. Съезд продемонстрировал возможности научной школы геологов Украинского Геологического комитета, сформированной В.И. Лучицким и Б.Л. Личковым.

⁶ Лучицкий В.И. II Всесоюзный геологический съезд // Науч. работник. 1926. № 11. С. 25–26.



Здание Московского геологоразведочного института

В 1930 г. Московская горная академия была расформирована. Весной того же года на базе ее геологоразведочного факультета был основан первый в стране геологоразведочный вуз – Московский геологоразведочный институт (МГРИ), в котором В.И. Лучицкий продолжил руководить кафедрой петрографии.

В МГРИ были открыты четыре факультета (геологический, разведочный, гидрогеологический и геофизический), с подготовкой инженерных кадров по специальностям: поисково-съёмочной, разведке рудных и нерудных полезных ископаемых, гидрогеологии и геофизике (сейсмо-, электро-, грави- и магниторазведке). В результате впервые в стране был налажен массовый выпуск инженеров-геологов. Если до революции Московский университет ежегодно выпускал 12–15 геологов, то МГРИ за 10 лет существования выпустил 1240 специалистов, из них 120 геологов-разведчиков, 159 геофизиков, 394 геолога, 236 гидрогеологов и 32 экономиста-геолога⁷. Это было серьёзное кадровое пополнение для страны, вставшей на путь индустриализации. Достаточно сказать, что в 1940 г. в СССР работало 7810 инженеров-геологов и 3753 техника. Кроме того, за этот же период институт подготовил 18 кандидатов наук.

⁷ Труды Московского геологоразведочного института. М.; Л., 1940. С. 3.

В институте сформировался сильный коллектив высококвалифицированных преподавателей. В 1930-е гг. в нем работали Г.Ф. Мирчинк, В.М. Крейтер, Г.Н. Каменский, Ф.П. Саваренский, Б.Л. Степанов, Н.А. Смольянинов, А.И. Заборовский, С.Д. Четвериков, М.С. Швецов, М.А. Болховитинова, Н.С. Шатский, П.К. Соболевский, А.Л. Петровский, Е.А. Роде, В.Т. Тер-Оганезов, И.А. Снобков и др.

Институт унаследовал от Московской горной академии хорошо поставленную научно-исследовательскую работу, в том числе с выходом на решение актуальных задач народного хозяйства. Исследования проводились как за счет госбюджетных средств (2–3 млн руб. в год), так и по хоздоговорам с промышленными предприятиями: «Темы, выдвигаемые профессорско-преподавательским составом института, всегда актуальны и имеют большое народнохозяйственное значение и проводятся на высоком научно-техническом уровне. Наиболее большим вопросом, мешающим еще лучше развернуть учебную и научно-исследовательскую работу, является недостаточность учебных помещений. Профессора и преподаватели института публикуют свои научные работы в издаваемых сборниках “Труды Московского геологоразведочного института”, которых выпущено 20 томов. Издательским сектором (Н.А. Карпов) также выпущено литографическим путем большое количество учебников. При научно-исследовательском секторе МГРИ имеется экспериментальная мастерская, в которой сконструировано много ценной научной аппаратуры и проведена большая работа по освоению заграничной геологической аппаратуры»⁸.

В институте велась большая методическая работа по совершенствованию учебного процесса. В частности, традицией стали летние производственные практики. Богатые геологический и минералогический музеи выполняли учебные, исследовательские и популяризаторские функции. В институте оказалась первоклассная геологическая библиотека со 111 тыс. томов книг, в нее, в частности, вошла завещанная А.П. Павловым его личная библиотека.

В МГРИ был высоко поднят статус петрографии как одной из ведущих дисциплин: “Это вполне естественно, так как каждый геолог, будь он поисковик, разведчик, гидрогеолог или геофизик, должен обладать хорошими знаниями в области состава, структурных особенностей и происхождения горных пород, слагающих земную кору. Естественно также, что не вполне одинаковы-

⁸ Труды Московского геологоразведочного института. М.; Л., 1940. С. 5.



В.И. Лучицкий руководит практическими занятиями по петрографии в МГРИ

ми знаниями в области петрографии должен обладать, с одной стороны, геолог-поисковик и геолог-разведчик, с другой – геолог-гидрогеолог или геолог-геофизик. В то время как первые два специалиста, изучая более или менее значительные территории или месторождения полезных ископаемых, должны в совершенстве знать методику петрографических исследований, чтобы с возможно большей полнотой вникать в понимание состава, структуры и генезиса горных пород, изучаемых ими, геолог-геофизик или геолог-гидрогеолог, применяя эту методику, в значительно меньшей степени сумеет использовать результаты работы других специалистов”⁹.

Учитывая специфику работы будущих инженеров, курс петрографии в МГРИ был разбит на четыре цикла, различавшихся объемом и глубиной. Для геологов-поисковиков читался курс петрографии объемом 360–400, геологов-разведчиков – 300–240, гидрогеологов – 100–164, геофизиков – 90–105 часов. Для готовившихся в небольшом количестве специалистов в области минералогии и петрографии к обычному курсу петрографии (около 300 часов) прибавлялись спецкурсы физико-химических основ петрографии (60 часов), петрографических провинций СССР (50 часов), силикатного анализа (50 часов) и др.

⁹ Труды Московского геологоразведочного института. М.; Л., 1940. С. 25.



Сергей Дмитриевич Четвериков

При слиянии геологических факультетов Московского университета и Горной академии были учреждены две самостоятельные кафедры МГРИ – петрографии (заведующий – В.И. Лучицкий) и петрографии осадочных пород (заведующий – профессор М.С. Швецов). Позднее было признано рациональным объединить всех петрографов на одной кафедре, руководить которой стал Владимир Иванович. Состав кафедры оказался очень сильным и высококвалифицированным: профессора М.С. Швецов, Е.А. Кузнецов, Н.Н. Смирнов, доцент С.Д. Четвериков, молодые преподаватели В.С. Коптев-Дворников, В.А. Шашко-Гед-

ройц, Е.С. Доброхотова, Л.М. Афанасьев, Я.Д. Готман, старший лаборант А.В. Епифанцева, лаборант при кабинете, лаборант при музее, два препаратора.

Объединение кафедр способствовало укреплению их лабораторно-экспериментальной базы: было приобретено много поляризационных микроскопов и другой аппаратуры. К 1935 г. удалось добиться того, что даже в группах из 30 студентов во время практических занятий все могли работать с микроскопами, закрепленными именно за ними. Одновременно велась большая исследовательская работа преподавателей и студентов. Расширены были коллекции горных пород с разделением их на музейные, лекционные, коллекции для практических занятий.

Преподавателями кафедры петрографии велась большая работа по подготовке учебников и учебных пособий. За десятилетие (1930–1940) вышли из печати: третье (1932), четвертое (1934) и пятое (1938) издания двух томов “Петрографии” В.И. Лучицкого, а также третий том “Петрографии” – “Петрология” (1937); “Петрографические провинции СССР” (1936) Е.А. Кузнецова и В.И. Лучицкого; “Петрография осадочных пород” (1934) М.С. Швецова, “Методика петрографического исследования в шлифах” (1939) С.Д. Четверикова, его же “Задачник по кристаллооптике” (1939); “Зональный метод” (1939) В.С. Коптева-Двор-

никова. По инициативе и под редакцией В.И. Лучицкого была издана серия полезнейших зарубежных руководств: “Введение в петрографию” Х. Смита (два издания: 1932, 1935), “Спутник петрографа” Э. Вейншенка (два издания: 1934, 1935), “Эволюция изверженных пород” Н. Боуэна (1934).

Трудно переоценить значение учебников и руководств, подготовленных кафедрой петрографии МГРИ в довоенный период, для воспитания целого поколения геологов. Эти пособия в совокупности с хорошей приборной базой, наглядными пособиями и коллекциями горных пород, породообразующих минералов и шлифов способствовали качественной подготовке будущих специалистов в области петрографии.

Кафедрой велись также курсы повышения квалификации в области петрографии, петрологии и микроскопических методов исследования для геологов и горных инженеров “Цветметразведки”, “Союззолоторазведки” и др.

Педагогическая работа кафедры совмещалась с интенсивной научно-исследовательской деятельностью преподавателей. В.И. Лучицкий в 1930-е годы много занимался стратиграфией, тектоникой и петрологией Украинского кристаллического щита, ультраосновными и щелочными породами Приазовья. На XVII сессию Международного геологического конгресса им был подготовлен доклад “Щелочной комплекс Мариуполя”.

В эти же годы кафедрой были проведены исключительно важные работы по изучению петрографии Урала методом поперечных его сечений. Е.А. Кузнецов, В.С. Коптев-Дворников, К.И. Асташенко, Е.С. Доброхотова с большими группами студентов, ежегодно выезжая в поле, провели крупную геолого-петрографическую работу по договору с уральскими геологическими организациями, в результате которой были составлены специ-



Владимир Сергеевич Коптев-Дворников, впоследствии заведующий кафедрой петрографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

альные петрографические карты Урала большого масштаба. М.С. Швецов занимался изучением каменноугольных отложений Подмоскownого угольного бассейна. С.Д. Четвериков исследовал искусственные продукты из силикатных расплавов.

Кафедрой велась большая консультативная работа для научно-исследовательских и производственных организаций. В.И. Лучицкий консультировал Всесоюзный институт минерального сырья, Научно-технический совет силикатной промышленности, тресты “Кривруда”, “Союзкаолин”, “Союзграфит”, Украинский геологический трест и др.; С.Д. Четвериков – Метрострой, Институт охраны труда и другие предприятия по вопросам искусственных силикатов для стекольной и цементной промышленности; М.С. Швецов – горнопромышленные предприятия Подмоскownья, Средней Азии; Е.А. Кузнецов и В.С. Коптев-Дворников – предприятия и геологические учреждения Урала.

Можно с уверенностью утверждать, что работа В.И. Лучицкого в Московской горной академии и МГРИ оказалась плодотворной и эффективной как в педагогическом, так и в исследовательском плане. Тем не менее свой научный потенциал он не мог полностью реализовать в стенах московских втузов, поэтому активно участвовал в работе научно-исследовательских институтов.

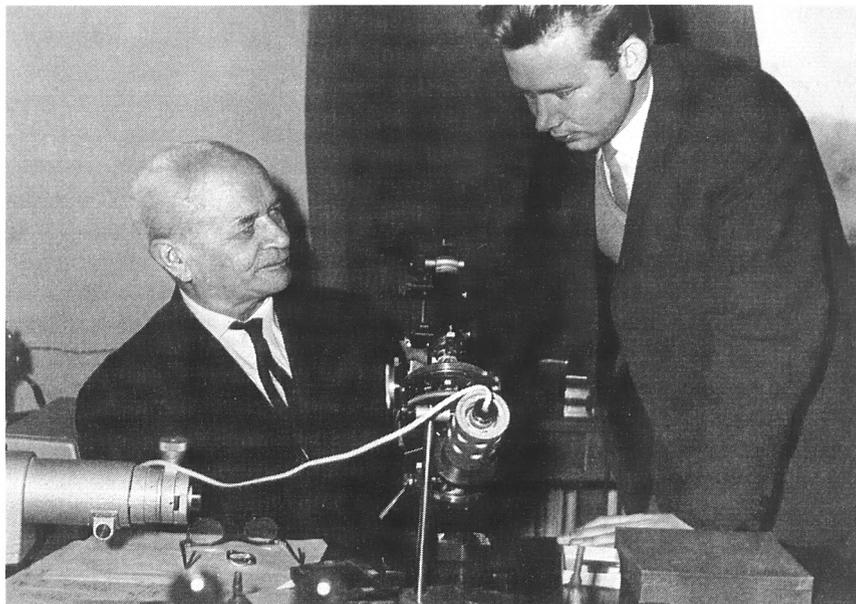
Изыскатель месторождений минерального сырья

В 1920–1930-е годы, когда В.И. Лучицкий находился на пике своих творческих возможностей, важно было найти им применение в полной мере. Это ему удалось в результате включения в работу по совместительству в выделившийся в 1923 г. из Московской горной академии научно-исследовательский Институт прикладной минералогии (ИПМ), который возглавлял Н.М. Федоровский.

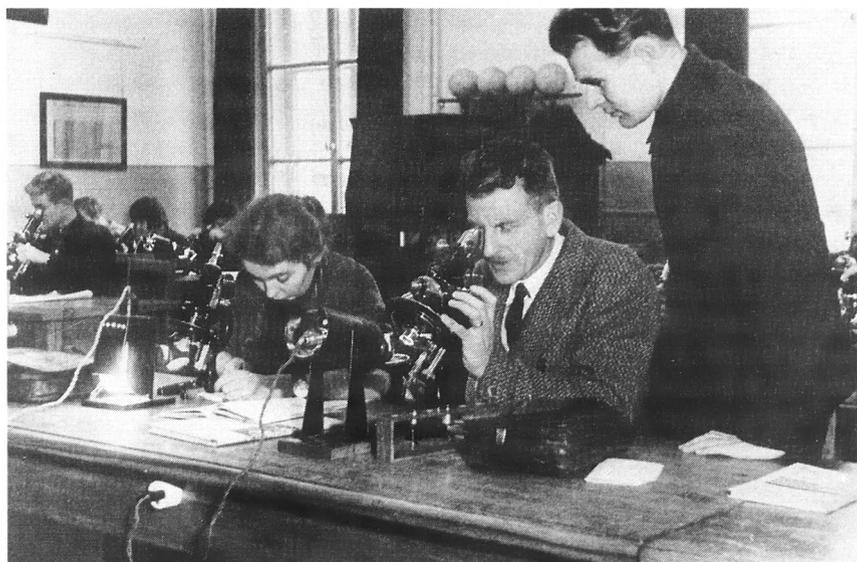
Институт был организован «...в целях развития собственной рудоминеральной промышленности и прекращения импорта рудоминерального сырья. Стоимость импорта неметаллических ископаемых в 1913 г. достигала 40 млн золотых рублей. При этом импортировались не только ценные продукты, как химическое сырье, графит, слюда и др., но и простейшие строительные материалы, глины и даже булыжный камень. Советскому Союзу пришлось строить заново эту новую, сложную и малоисследованную отрасль горного дела в условиях полной невыявленности сырьевых баз, при полном отсутствии данных об их мощности и качестве сырья и при полной неизученности технологических процессов производства. В этом деле Институт прикладной минералогии занимает ведущую роль. Большинство советских предприятий неметаллической горной промышленности обязано своим возникновением или развитием Институту прикладной минералогии. Методологической основой научных работ института является так называемый “комплексный метод”, т.е. изучение каждого месторождения как комплекса полезных ископаемых, каждое из которых при соответствующем исследовательском подходе можно использовать в той или иной отрасли народного хозяйства»¹.

Главное внимание ИПМ сосредоточил на изучении геологии и минералогии месторождений неметаллических полезных иско-

¹ Федоровский Н.М. Научно-исследовательский институт геологии и минералогии // Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности. М.; Л., 1935. С. 613.



Профессор Ефрем Александрович Кузнецов с аспирантом В. Рябовым



С.Д. Четвериков ведет практические занятия по кристаллооптике

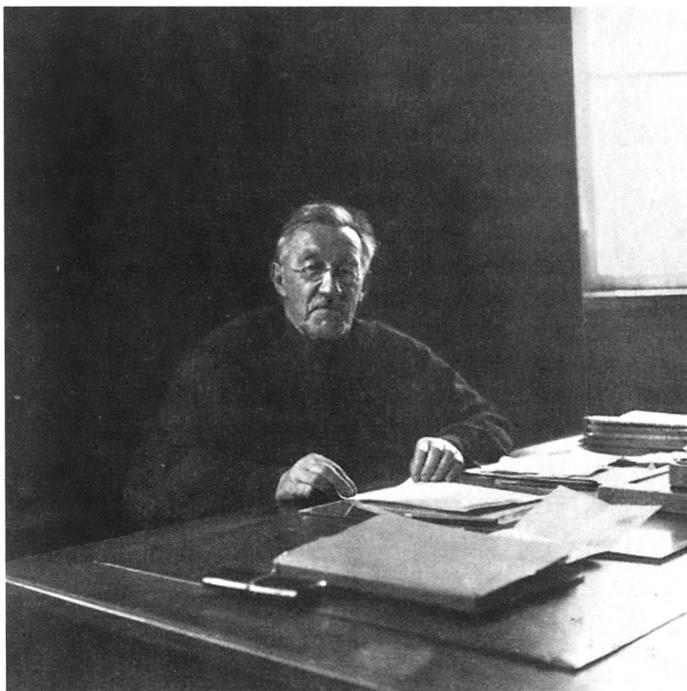
паемых, а также на разработке методик изучения минерального вещества и технологии его переработки. В общем ИПМ был подлинным детищем индустриализации, эффективно работавшим на пользу восстанавливаемых и вновь создаваемых отраслей промышленности. Разработка научно-прикладных проблем велась в нем, начиная с изучения месторождения, по линии детального изучения свойств всех основных полезных ископаемых в нем, методов их обогащения, технологической переработки и заканчивалась исследованием полупродукта, а иногда и готового продукта. Другая линия работы шла от экономического обоснования к составлению планового задания для проектирования предприятия, его монтажа, пуска и к сдаче в эксплуатацию. В конце 1920 – начале 1930-х годов главной ориентацией в работе института были поисково-разведочные работы по выявлению сырьевых баз и промышленной оценке месторождений. Позднее, когда в результате проведения этой работы выявилась обеспеченность страны минеральным сырьем на достаточно длительную перспективу, акцент в исследованиях передвинулся в сторону технологического изучения сырья.

Большое значение имели методические работы института, в особенности по кристаллооптике. В институте была изобретена полусфера, значительно упростившая работу с поляризационным микроскопом. Справочник сообщает: «В целях усовершенствования скорых, дешевых и точных методов количественного анализа минерального сырья под микроскопом (вместо химического анализа) был создан новый метод “точечного” минералогического анализа и изобретен прибор для его применения – “пушннтегратор”, позволяющий ускорять анализ в 3–4 раза. В 1934 г. уже организовано серийное производство этих приборов. Они патентуются за границей, и подготавливается их экспорт. Для определения кроющей способности красок (способности располагаться равномерным слоем на поверхности и делать невидимым цвет закрашиваемого предмета) институтом сконструирован прибор “декрафтометр”, позволяющий механически определять свойства красочной пленки. Прибор премирован и получил широкое применение во втузовских, научно-исследовательских и заводских лабораториях, а также признание за границей со стороны крупнейших красочных фирм. Авиапромышленность ввела прибор в качестве стандартного для определения качества красок»².

² Федоровский Н.М. Научно-исследовательский институт геологии и минералогии // Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности. М.; Л., 1935. С. 613.

Структура института постоянно менялась. К середине 1930-х годов в нем работали: сектор геологии и гидрогеологии с секциями геолого-тектонической, стратиграфо-палеонтологической, четвертичных отложений, угольной, гидрогеологии, инженерной геологии, геохимической группой по изучению Якутской АССР; сектор минералогии и рудных месторождений с лабораториями петрографической, экспериментальной минералогии и петрографии, минералогической, рентгенотехнической, кристаллохимической, фото- и микрофотографической и группами неметаллов, редких и рассеянных элементов, цветных металлов и золота; сектор горнобуровой с секциями горной, буровой техники и горной механики; лаборатория камнеобработки; технологический сектор с лабораториями обогащения, химико-технологической, термической, физико-химической, физико-механических испытаний, электротехнических испытаний; проектно-конструкторское бюро; химико-аналитический сектор с группами производственных, арбитражных анализов, редких элементов, методических работ; сектор минеральных ресурсов и экономических исследований с группами геологоразведочного фонда, учета и промышленных исследований минерального сырья, технико-экономической; секция минералов по изготовлению коллекций. При институте работал завод "Геомашина", изготовлявший опытные конструкции и производственную аппаратуру по бурению для разведочных партий института; тальковая испытательная станция ползаводского типа, на которой испытывались образцы талька разных месторождений на обогащение и размол и готовились крупные пробы для отраслей промышленности; экспериментальная установка коллоидно-графитовых препаратов и внедрению их в производство; экспериментальная буровая вышка и т.д.

Институт был укомплектован исключительно высококвалифицированным составом. В 1935 г., когда он был объединен с Институтом геологии и минералогии Союзгеоразведки в единый Научно-исследовательский институт геологии и минералогии, в нем работали академики А.Д. Архангельский (геология Русской платформы и геохимия главных породообразующих осадочных пород), Э.В. Брицке (технология минерального сырья), профессора В.В. Аршинов (минералогия и петрография), К.С. Висконт (минералого-петрографические и физико-химические исследования минералов), М.П. Воларович (вопросы вязкости и пластичности), А.А. Гапеев (геология каменноугольных месторождений), И.Ф. Григорьев (геология месторождений), В.В. Дерягин (физико-механические свойства поверхностей), В.А. Зильберминц (минералогия), Д.И. Иловайский (палеонтология мезозойских отложений), Г.Н. Каменский (гидрогеология), А.Ф. Капустинский

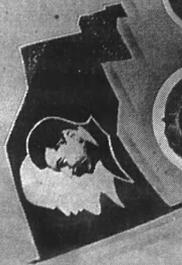


В.И. Лучицкий в своем рабочем кабинете

(кристаллохимия и физическая химия), Е.А. Кузнецов (петрография), В.И. Лучицкий (петрография, месторождения полезных ископаемых), А.К. Матвеев (геология каменноугольных месторождений), Г.Ф. Мирчинк (геология четвертичных отложений), П.П. Пилипенко (геология), М.М. Пригоровский (геология каменноугольных месторождений), И.П. Попов (инженерная геология), К.А. Путилов (термодинамика, электродинамика, молекулярная физика), П.А. Ребиндер (физико-химия поверхностей), Ф.П. Саваренский (гидрогеология и инженерная геология), В.К. Семенченко (физико-химия расплавов), Е.Е. Флинт (кристаллография), Н.И. Червяков (аналитическая химия), Н.С. Шатский (тектоника), М.С. Швецов (геология каменноугольных месторождений Подмосковского бассейна).

В.И. Лучицкий руководил в ИПМ работами горнотехнического отдела, перед которым стояла задача завершать исследовательский цикл геологоразведочных работ по месторождениям с передачей всех материалов технологическим отделам института. В первые годы решение этой задачи затруднялось из-за несистематического обеспечения работ финансами и техническими сред-

Московский Геолого-Разведочный Институт имени Орджоникидзе.



Каждый
решишь
все.

(Л.В. Сидоров)

Здесь сидят
Москва 1936 г.



←

ствами. Положение дел изменилось в 1927–1928 гг., когда благодаря поддержке промышленных округов и главных управлений ВСНХ удалось наладить систематическое планирование комплексных геологоразведочных работ. Владимир Иванович писал в 1930 г.: “В течение всего последующего времени, и в особенности последних двух лет, велись работы по комплексному методу, которому институт придает особенно большое значение, считая его наиболее целесообразным и плодотворным при изучении сырьевых баз различных минеральных тел, в особенности в случае применения их к тем видам минерального сырья, которые являются новыми для промышленности СССР или же в том случае, когда открывают новые пути использования минеральных баз, происходит углубление использования тех или иных видов минерального сырья, в связи с изучением минеральных баз в тесной связи с проработкой технологических вопросов по этим базам. Этот комплексный метод, постепенно примененный с большим успехом институтом к ряду объектов (слюда, плавиковый шпат, гранат, графит и др.), лег в основание работ института и дал значительный толчок в области развития ряда новых отраслей горной промышленности, способствовал уменьшению импорта, развитию экспорта или подготовке экспорта новых видов минерального сырья. Однако не всегда удавалось Институту ограничиваться узкими целями изучения только минеральной базы; отсутствие геологических карт в ряде районов, где производились работы института, или наличие карт чрезвычайно малого масштаба (для Сибири – 1 : 4 200 000, для других – обычно, в лучшем случае, 1 : 420 000) в значительной степени затрудняло работу института. Громадные затруднения встречались также в отсутствие сведений для ряда районов не столько относительно распространения полезных ископаемых, но, что особенно важно, относительно связи месторождений полезных ископаемых с геологическим строением района, хотя бы самой элементарной характеристики месторождений с точки зрения их различий в отношении минералогического состава, условий залегания, не говоря уже о возможной мощности месторождений, тем более о технологических качествах полезного ископаемого; все это вынудило институт временно идти, в силу крайней необходимости, также и по другому пути – проведению геологических съемок...”³.

³ Работы горнотехнического отдела Института прикладной минералогии в 1927/28 и 1928/29 гг. // Минерал. сырье. 1930. № 4. С. 559–560.

Геологические съемки были проведены институтом в районе месторождений графитов в Побужье на Украине, в районах Кривого Рога и Приазовья, в Армении на склонах горы Алагёз. Проведение столь трудоемких предварительных работ сильно затрудняло геологоразведочные и оценочные исследования на месторождениях.

С 1927 г. хозяйственными органами и главками на разведочные работы института выделялось 300 тыс. руб. ежегодно. Это позволило поставить экспедиции на надлежащий уровень. Почти все они производились по месторождениям неметаллических полезных ископаемых. Работы охватили 16 видов минерального сырья, из них лишь два приходились на руды цветных металлов, что было связано с позицией Геологического комитета, монополизировавшего последние работы. Из-за этой позиции была, например, прекращена разведка Таналык-Баймакского района.

Широко развернулась разведка Абзаковского и Чебаркульского месторождений асбеста на Урале, причем в первом шурфовании были определены запасы асбеста около 70 тыс. т категории А и около 120 тыс. т категории В. На Чебаркульском месторождении залежи роговообманкового асбеста были разведаны на площади 100 тыс. кв. м. В лабораториях института исследовались образцы асбеста различных месторождений на гигроскопическую и химически связанную воду и модуль упругости. Разведка асбестовых месторождений расширялась в 1928–1929 гг. на месторождениях Урала – Баженовском, Ильчирском, Миасском.

Велись работы на трепел, диатомит, ракушечный известняк, кровельные сланцы, туфовые лавы, пемзу, мел, тальк – для строительной промышленности; ильменит, волконскоит – для химической; огнеупорные глины, пески – для керамической; слюду, графит, гранат, каолины, песчаники, халцедон – для электротехнической и абразивной отраслей. К 1930 г. были усилены работы по графиту, каолинам, слюдам, титано-магнетитам.

В 1927 г. экспедиция ИПМ во главе с В.И. Лучицким обследовала залежи каолинов и каолиновые заводы на Украине. Обследование установило, что только одно Глуховецкое месторождение Винницкого округа имеет достаточно разведанные запасы каолина высокого качества, и Глуховецкий завод работает вполне нормально.

По мнению В.И. Лучицкого, мелкие заводы в Лозовиках, Турбове и Райках, совокупная добыча которых составляет 25 тыс. т против 20 тыс. т в Глуховцах, следовало закрыть, усилив мощность Глуховецкого завода, эксплуатирующего очень богатые и надежные месторождения – 10 млн т. разведанных запасов. Для расширения Глуховецкого завода частично могло

быть использовано оборудование заводов, предлагаемых к ликвидации. При условии концентрации применяемых там методов отмучивания, себестоимость одной тонны каолина могла снизиться до 15–16 руб.⁴

Помимо этих выводов, экспедиция пришла к заключению о необходимости в кратчайший срок выстроить большой каолиновый завод (60 тыс. т) на первичных месторождениях Белой Балки, в 75 км от Мариуполя. Каолин этих месторождений, очень высокий по качеству, предназначался к вывозу в Италию, Францию и другие страны Западной Европы. Завод мог быть выстроен в течение года и обошелся бы в 750 тыс. руб. вместе с железнодорожной веткой до Мариупольского порта.

Начиная с 1924 г. Институт прикладной минералогии и металлургии цветных металлов производил частью на госбюджетные и промфондовые ассигнования, частью на средства хозорганов (тресты “Русографит”, “Химуголь”, “Минеральное сырье”, “Нерудкопал”) систематические исследования по изучению графитовых месторождений СССР. Основной целью этих работ, проводившихся одновременно с промышленными разведками и технологическими испытаниями, было выявление месторождений и установление их промышленных запасов. Технологические испытания были вызваны тем, что графитовые руды требовали для установления промышленных их запасов разрешения вопросов способности к обогащению, отсутствия прорастаний кальцитом и др.

ИПМ провел работы по графитам на Курейке, на Ботогольском гольце (Алиберовское месторождение) в Бурятии, в Приазовском, Криворожском и Прибужском районах Украины, а также на Урале и в Казахстане. Особенно интенсивно работы развернулись в 1927–1928 гг., когда Главгортон ВСНХ СССР отпустил на них 35 тыс. руб.⁵ К сожалению, в 1928–1929 гг. ассигнования на продолжение работ не были отпущены, и исследования оказались незавершенными, что затормозило ввод в эксплуатацию ряда месторождений. Тем не менее работы ИПМ под руководством В.И. Лучицкого по изучению и разведке графитовых месторождений оказались весьма существенными и обеспечили развитие графитовой промышленности в 1930-е годы.

Потребности промышленности в графитовом сырье в те годы возрастали. ИПМ все более расширял как геологоразведочные ра-

⁴ Результаты обследования каолиновых заводов Украины // *Керамика и стекло*. 1927. № 11. С. 407.

⁵ Лучицкий В.И. Краткая характеристика сырьевых баз графитовой промышленности СССР на основании исследовательских работ последних лет // *Горн. журн.* 1930. № 4–5. С. 90.



В.И. Лучицкий у обнажения кристаллических пород. 1930-е годы

боты на этот вид сырья, так и исследования по обогащению руд и методов их использования. Особенно перспективными представлялись месторождения графитов на Украине, с которыми Владимир Иванович был хорошо знаком. Среди них выделялось месторождение у с. Завалье на Буге с крупными запасами графитовой руды с 8% содержанием углерода и крупной чешуей. В.И. Лучицкий рекомендовал организовать разведку этого месторождения специальным трестом под научным руководством ИПМ, который к тому же будет прорабатывать вопросы технологии извлечения графита и обогащения его из “хвостов” месторождения.

Крупнейшим в СССР месторождением плотного графита было в те годы Курейское, на котором промышленную разведку развертывал Комсевпуть под руководством ИПМ с решением последних вопросов технологии и применения курейских графитов. Намечалась вполне определенная стратегия изучения графитовых месторождений Алиберовского района, где актуальным было выяснить генезис руд месторождений Урала и Средней Азии. Владимир Иванович писал: «...графитовые месторождения СССР требуют дальнейших исследований как полевых, так и лабораторных; эти исследования должны вестись в направлении: 1) геологической съемки в районах, прилегающих к этим месторождениям; 2) поисковых работ и предварительных разведок с

целью выявления новых месторождений в указанных выше местах; 3) промышленной разведки отдельных месторождений, на которых возможно будет в ближайшее время поставить разработки и промышленное использование самого графита; 4) выработки механического и химического методов обогащения графитов из различных месторождений, имея в виду, что качества графита и структура его из различных месторождений даже одного района (например, Украины) в ряде случаев далеко не одинаковы и обоснования, проектирования соответствующих установок; 5) изучения способов применения графитов различных типов из различных месторождений и полученных при различных способах обогащения. Этот план работ должен проводиться таким образом, что выполнение задачи по п.п. 1 и 2 должно быть возложено на Главное геологоразведочное управление; по пункту 3 в виду непрерывной связи разведки с технологией – на Институт прикладной минералогии; по пункту 4 – на Институт прикладной минералогии, в некоторых случаях также и на “Механобр” и, наконец, по пункту 5 – на Институт прикладной минералогии при участии в этой работе по мере надобности также и других научно-исследовательских институтов»⁶.

Многие работы ИПМ по поискам и разведке месторождений обеспечивались за счет привлечения В.И. Лучицким и другими специалистами института студентов Московской горной академии, а позднее Московского геологоразведочного института.

В Институте прикладной минералогии уделялось большое внимание правильной организации и планированию работ, в частности, геологоразведочных. Однако в целом организация геологической службы в стране на рубеже 1920–1930 годов оказалась неудовлетворительной. Научно-исследовательские учреждения и территориальные органы работали в трудных условиях. В.И. Лучицкий, много сил отдавший организации Украинского геологического комитета и хорошо знавший всю систему геологической службы, отмечал в качестве существенных недостатков работы по изучению геологии СССР и его минеральных ресурсов следующие: неправильное проведение планирования научно-исследовательских работ и реализации этих планов при изучении минерального сырья; отсутствие какой-либо координации в проведении работ различными ведомствами; несвоевременную обработку и публикацию результатов геологоразведочных работ.

⁶ Лучицкий В.И. Ближайшие перспективы научно-исследовательских работ в области изучения графитовых месторождений СССР // Минерал. сырье. 1930. № 3. С. 440.

Главной бедой организации геологоразведочных работ в стране в те годы было то, что изучение минеральных ресурсов не обеспечивалось надежными геологическими картами, составление которых должно было опережать геологоразведочные работы: “Средства на геологическую съемку отпускались далеко не достаточно для обеспечения того темпа развития горной промышленности, которое имеет место в настоящее время; число съемочных партий с каждым годом сокращалось (1925–1926 гг. – 83 партии; 1927–1928 гг. – 75 партий); перед началом полевых работ еще более урезывались средства, и часть партий вопреки желанию Геологического комитета либо сокращалась полностью, либо урезывали срок их работы. Помимо того, что самый масштаб геологической съемки часто десятиверстной для ряда районов, где такого рода съемка производится, является в значительной степени устаревшим; неблагоприятны условия геологической съемки и по тем картам, которые следует считать актуальными, в частности 1-верстного масштаба. Результаты съемок не публикуются или публикуются со значительным запазданием. Не говоря об 1-верстной съемке Донбасса, это относится и к ряду съемок, производящихся в данное время в других районах. В последние годы Геологическим комитетом публикуется лишь ничтожное сравнительно число карт, иллюстрирующих геологическую съемку страны. Происходит это по ряду причин, не только благодаря тому, что нет достаточно средств, но и по тому, что слишком перегружены геологи, ведущие съемку: не закончив обработки одного планшета, они перебрасываются на другой или на другую работу. Можно думать, что эта спешка и перегрузка работой отдельных геологов-съемщиков, ведущих иногда работу одновременно в различных частях СССР, ведет и к понижению качества геологической съемки. Так, некоторые карты 1-верстного масштаба Закавказья, где проводится такого рода съемка, далеко не приближаются к тому идеалу, которым должны характеризоваться такие карты, как карты геологической съемки в 1-верстном масштабе. Это между прочим обусловлено и конкуренцией геологов Геолкома с геологами других учреждений, в частности Академии наук”⁷.

Центральному Геологическому комитету к тому времени Совет Труда и Оборона поручил проведение геологической съемки страны. В.И. Лучицкий настаивал на том, чтобы планирование геологосъемочных работ разрабатывалось, исходя из интересов организаций, ведущих поиски и разведку минерального сырья.

⁷ Лучицкий В.И. О работе Геологического комитета и научно-исследовательских институтов // Минерал. сырье и цветные металлы. 1929. № 2. С. 29.

Кроме того, все работы по съемке различного масштаба не могли вестись лишь Геологическим комитетом. К этой работе следовало привлечь как можно большее количество квалифицированных геологов из самых разных учреждений. Следовало включить в систему этих работ все геологические работы целевого назначения, которые проводились по заданиям ВСНХ, Академии наук, научно-исследовательских институтов, кафедр вузов, Наркомзема и т.д., поскольку стало очевидным, что силами одного Геолкома провести такой огромный объем работ невозможно. Но такой подход требовал больших усилий по организации и координации работ, а главное – преодоления крайнего монополизма Геологического комитета путем выработки единой стратегии геологосъемочных работ.

Суть предложений Владимира Ивановича сводилась к следующему: 1) на Геологический комитет следует возложить обязанность проведения планомерной систематической геологической съемки; 2) планирование работ по съемке Геолком должен осуществлять совместно с заинтересованными в ней научно-исследовательскими учреждениями; 3) Геологический комитет должен регулировать и координировать путем проведения геологосъемочных работ в различных районах разными ведомствами при изучении минеральных ресурсов; 4) Геолком должен содействовать производству геологической съемки другими учреждениями.

Если в области систематического территориального геологического картирования, несмотря на все недостатки в его организации, обнаружившиеся к 1930-м годам, Геологическим комитетом были достигнуты большие успехи, то геологическое картирование крупного масштаба в горнопромышленных районах оказалось в особенно бедственном состоянии. Детальные съемки на месторождениях проводились бессистемно, да и сами такие съемки оказывались часто некачественными: нередко даже при одноверстных съемках пропускались перспективные участки месторождений. В.И. Лучицкий предлагал: «Неразрывно связанная с геологической съемкой работа Геологического комитета в области поисковых разведок и картирования полезных ископаемых ни в коем случае не может вестись индивидуально. Здесь также должна иметь место коллективная работа ряда учреждений в непосредственном контакте с Геологическим комитетом. Тут тоже Геологическому комитету не подобает по существу дела запрещать те или иные аналогичного рода исследовательские работы, но они должны поощряться и регулироваться им. И если Геологическому комитету должно быть предоставлено, как определенному центру, регулирование и руководство этой работой, то и на

него, на Геологический комитет, должен иметь право воздействовать коллектив исследовательских учреждений. Этих задач огромных размеров и основных в деле изучения минеральных ресурсов уже достаточно для того, чтобы Геологический комитет был полностью загружен при наличии своих помещений и лабораторий, которых может и не хватить для такой работы. Все эти работы должны быть планированы не только одним Геологическим комитетом, но и заинтересованными научно-исследовательскими учреждениями страны – Академией наук и научно-исследовательскими институтами”⁸.

Относительно работ по разведке месторождений полезных ископаемых В.И. Лучицкий полагал, что поскольку эти работы тесно связаны с проработкой технологии извлечения и применения руд, рациональнее вывести эти направления из ведения Геологического комитета и передать научно-исследовательским институтам Наркомтяжпрома. Намеченная им схема стратегии в области геологических исследований, несомненно, обладала рядом преимуществ перед сложившейся в те годы системой.

В 1930 г. Институт прикладной минералогии был передан в объединение “Минералруд”, теоретические же работы по генезису минералов и горных пород были выделены в Институт геологии и минералогии, вошедший в систему Коммунистической академии. Реформа последней в 1931–1932 гг. привела к передаче Института геологии и минералогии в систему Наркомтяжпрома по линии “Союзгеоразведки”, где он развернул широкую поисковую и разведочную работу и спустя два года был объединен с Институтом прикладной минералогии в единый Научно-исследовательский институт геологии и минералогии, составивший мощный исследовательский комплекс, который возглавил член-корреспондент АН СССР Н.М. Федоровский. В 1936 г. НИИ геологии и минералогии был преобразован во Всесоюзный институт минерального сырья, в котором В.И. Лучицкий проработал недолго.

Важным событием в жизни В.И. Лучицкого в предвоенный период, как и в истории всей советской геологии, стала состоявшаяся в 1937 г. в Москве XVII сессия Международного геологического конгресса. Еще 15 февраля 1927 г. Совнарком принял постановление о проведении в 1932 г. в СССР XVII сессии МГК. Для переговоров по этому вопросу с зарубежными геологическими учреждениями осенью 1927 г. побывал в Англии, США и Канаде директор Геологического комитета Д.И. Мушкетов, которому

⁸ Лучицкий В.И. О работе Геологического комитета и научно-исследовательских институтов // Минерал. сырье и цветные металлы. 1929. № 2. С. 26.

удалось убедить зарубежных геологов в необходимости проведения конгресса в СССР. Однако сложная политическая обстановка в мире оттянула проведение сессии в Москве до 1937 г.

XVII сессия МГК стала наиболее представительной за всю историю конгресса. В ней участвовало 2362 геолога, в том числе 490 из-за рубежа. Были представлены 50 стран. Президентом конгресса на сессии был избран академик И.М. Губкин. Советской делегацией руководил академик В.А. Обручев. На сессию было представлено 750 докладов, из них 600 – советскими геологами; заслушано 188 докладов. Работало 10 секций. В.И. Лучицкий принял активное участие в работе секции “Докембрий” и выступил на ней с докладом “Щелочной комплекс Мариуполя”.

На этой секции выступили с докладами известные ученые: О.О. Баклунд (Швеция), П.П. Пятницкий, А.А. Полканов, Х. Вейринен (Финляндия), М.Г. Судовиков, Ю.С. Неустроев, Н.А. Елисеев, Д.Н. Соболев, Ю.Ир. Половинкина, П.И. Лебедев, И.И. Танатар, И.Г. Кузнецов, Е.А. Кузнецов, В.А. Обручев, А.Л. Хаккер (Бельгия), Н.П. Семенов и др. Уровень обсуждения проблем докембрия был очень высок.

Владимир Иванович не только выступил с интересным докладом, но и принял деятельное участие в развернувшихся дискуссиях. Так, О.О. Баклунду, выступившему с докладом “О принципах подразделения докембрия”, он задал вопрос: “Какие данные имеются у докладчика для того чтобы утверждать, что гранитные массивы повсюду, где они прорывают более древние породы, обладают малой мощностью?”⁹. Этот вопрос стимулировал интересный поворот дискуссии. По докладу Н.П. Семенова “Гранитные пегматиты Украины” у В.И. Лучицкого возник вопрос: “Где наблюдались докладчиком пегматиты среди железистых кварцитов Кривого Рога, и не являются ли выводы его относительно Криворожья выходящими за пределы фактического материала?”¹⁰. В связи с докладом Д.Н. Соболева “О стратиграфии и тектонике Украинской плиты” Владимир Иванович заявил: “Докладчик вводит новую сложную терминологию, которая вряд ли будет целесообразна. Докладчик говорил о том, что коростеньские граниты и рапакиви имеют разный возраст. Вопрос генезиса руд Донецкого бассейна не ясен, так как наряду с щелочными присутствуют также щелочноземельные породы, магмы которых могли быть основным источником руд”¹¹.

⁹ Труды XVII сессии Международного геологического конгресса. М., 1939. Т. 2. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 143.

¹¹ Там же. С. 99.



В.И. Луцицкий в предвоенные годы

Советской геологии удалось продемонстрировать на конгрессе достигнутые ей действительно значительные успехи, особенно в регионально-геологических исследованиях и геологическом картировании. К сессии была издана первая сводная геологическая карта территории СССР в масштабе 1 : 5 000 000.

В 1930-е годы происходила реорганизация академических научных учреждений в области геологии. Возникшие в 1930 г. на базе бывшего Геологического и минералогического музея Академии наук Геологический, Петрографический и Ломоносовский институты, в 1935 г. были переведены в Москву. В.И. Луцицкий пере-

шел работать в Петрографический институт АН СССР накануне еще одной реорганизации. В конце 1937 г. Институт геохимии, минералогии и кристаллографии им. М.В. Ломоносова, Петрографический и Геологический институты были объединены в Институт геологических наук АН СССР, который возглавил академик А.Д. Архангельский, в 1939 г. его сменил академик А.Н. Заварицкий, а в 1941 г. член-корреспондент АН СССР И.Ф. Григорьев. В соответствии с основными направлениями работы в ИГН АН СССР были созданы пять секторов. В.И. Луцицкий работал в петрографическом секторе. Перед объединенным ИГН АН СССР были поставлены задачи изучения физических свойств Земли, процессов исторического ее развития; исследования явлений, происходящих в земной коре, и выяснения условий залегания полезных ископаемых и их генезиса¹².

ИГН АН СССР в конце 1930-х годов стал авторитетнейшим научным центром в области геологических наук. В ученый совет института входили академики А.Н. Заварицкий, А.Д. Архангельский, В.А. Обручев, В.И. Вернадский, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, М.А. Усов, А.Е. Ферсман, А.А. Борисьяк, члены-корреспонденты Д.С. Белянкин, П.И. Лебедев, И.Ф. Григорьев, Ф.П. Саваренский,

¹² АРАН, ф. 1612, оп. 1, д. 44, л. 20–21.

А.В. Шубников. Владимир Иванович, прийдя в институт, так же стал членом ученого совета.

В петрографическом секторе института в 1939 г. вместе с В.И. Лучицким работали: Д.С. Белянкин (заведующий сектором после смерти Ф.Ю. Левинсона-Лессинга), М.К. Бельштерли, В.И. Влодавец, М.П. Воларович, Л.И. Корчемкин, А.А. Леонтьева, Р.С. Фридман, В.В. Иванов, В.О. Коптев-Дворников, Д.С. Коржинский, В.В. Лапин, А.А. Меняйлов, С.И. Набоко, Н.Ф. Сосунов, И.А. Островский, В.П. Петров, И.А. Преображенский, И.В. Боржевич, Е.В. Павловский, Е.А. Кузнецов, П.И. Лебедев. Значительная часть сотрудников сектора, как и В.И. Лучицкий, не была в штате, а работала по совместительству и договорам. Исследования петрографического сектора охватили широкий круг фундаментальных, прикладных и экспериментальных вопросов.

В 1939 г. В.И. Лучицкий совместно с Ф.Г. Рудиком изучал гранитоиды и их пегматиты в районах Волыни и Приазовья. Во время полевых работ производилось сравнительное изучение гранитных массивов, были выявлены возрастные взаимоотношения между отдельными породами. В гранитах рапакиви был обнаружен касситерит¹³.

В.И. Лучицкий перешел работать в Академию наук по настоянию В.И. Вернадского, который в предвоенные годы, как это видно из переписки ученых, в разное время выдвигал В.И. Лучицкого в академики и члены-корреспонденты АН СССР. В.И. Вернадский полагал, что шансы быть избранным в АН СССР возрастут, если В.И. Лучицкий будет работать в академическом учреждении. Трезво оценивая ситуацию в советской науке в конце 1930-х годов, В.И. Вернадский наряду с глубоким анализом основных направлений научной деятельности В.И. Лучицкого отмечал и его заслуги в общем-то чуждой ему общественной работе: “Работает в качестве активиста в местном МГРИ, руководит общественной работой на кафедре петрографии в МГРИ. Считается отличником учебного и научного дела в МГРИ; неоднократно премирован грамотами и подарками в МГРИ и ИПМ; награжден т. Орджоникидзе за руководство научными и геологоразведочными работами в ИПМ 3000 р.”¹⁴. Поддерживал кандидатуру В.И. Лучицкого на выборах в АН СССР и лидер советской петрографии академик Ф.Ю. Левинсон-Лессинг. Но Владимир Иванович так и не был избран в Академию наук СССР.

¹³ АРАН, ф. 1612, оп. 1, д. 17, л. 65.

¹⁴ Там же. Ф. 512, оп. 5, д. 97, л. 5.

С началом Великой Отечественной войны Владимир Иванович был прикомандирован к Миасской группе Института геологических наук АН СССР, направлен на Урал в качестве консультанта “Союзалюминзавода” Наркомата цветной металлургии в Каменск-Уральском.

Сотрудники ИГН АН СССР с началом войны были объединены в пять региональных групп: Башкирскую (руководители – профессор А.А. Блохин и доктор геолого-минералогических наук Н.С. Шатский), Казахстанскую (руководители – член-корреспондент АН СССР И.Ф. Григорьев и кандидат геолого-минералогических наук М.Ф. Стрелкин), Восточно-Сибирскую (руководители – академик В.А. Обручев и член-корреспондент АН СССР С.С. Смирнов), Кавказскую (руководители – член-корреспондент АН СССР П.И. Лебедев и доктор геолого-минералогических наук Д.И. Щербаков) и Миасскую.

Геологические работы на Урале велись через Уральскую комплексную экспедицию АН СССР под руководством академика А.Н. Заварицкого, много сделавшего для решения вопросов обеспечения оборонной промышленности медными рудами¹⁵.

Миасской группой руководил А.А. Сауков. В нее входили: один академик, два доктора наук, восемь старших и 13 младших научных сотрудников, основная часть административно-хозяйственного аппарата ИГН АН СССР. Исследования велись по таким направлениям: месторождения меди (А.Н. Заварицкий), месторождения марганцевой руды (А.Г. Бетехтин), нерудное сырье (В.П. Петров), изучение газообильности шахт Кузбасса (А.И. Кравцов), лабораторные минералогические исследования (Г.П. Барсанов), лабораторные химические исследования (А.А. Сауков)¹⁶.

В.И. Лучицкий был мобилизован на работы по обеспечению промышленности алюминиевым сырьем.

Еще в середине 1930-х годов академик А.Д. Архангельский в записке “Задачи Геологического института” писал: “К настоящему моменту можно считать установленным, что распространенный ранее взгляд о бедности территории СССР алюминиевыми рудами и, в частности, бокситами, совершенно ни на чем не основан и, наоборот, есть основания утверждать, что на площади СССР в будущем могут быть найдены еще весьма многочисленные месторождения бокситов”¹⁷. Действительно, прогноз А.Д. Архангельского оправдался: перед войной геологами были

¹⁵ АРАН, ф. 1612, оп. 1, д. 47, л. 5.

¹⁶ Там же. Д. 80, л. 8.

¹⁷ Там же. Ф. 664, оп. 1, д. 24, л. 17.

обнаружены новые месторождения бокситов. Тем не менее вопрос обеспечения промышленности стратегическим сырьем стоял очень остро.

В отчете ИГН АН СССР за 1941 г. отмечалось: “По специальному обращению Наркомцветмета вновь организованы геологические работы по алюминиевому сырью в четырех перспективных районах Урала: Северо-Уральском (А.В. Пейве), Каменском (Б.А. Петрушевский), Южно-Уральском (В.А. Вахромеев) и Орско-Кемпирсайском (А.Л. Яншин и Р.Н. Принц). Под руководством члена-корреспондента Д.В. Наливкина были получены существенно новые данные по геологии бокситоносных районов Урала, явившиеся прочной базой для прогноза дальнейших поисков. Д.В. Наливкиным проведена экспертиза на главнейших месторождениях бокситов Урала (Красная Шапочка, Богословские, Актая-Талицкие, Фусовские) с заключением о дальнейшем направлении промышленной разведки. А.В. Пейве составлена тектоническая карта Северо-Уральского бокситоносного района. Эта карта и дальнейшие работы А.В. Пейве позволили обосновать восточные выходы как безусловно промышленную вторую полосу бокситовых месторождений Петропавловского района, что подтверждается разведочными работами, проводимыми в начале 1942 г. Для Каменского бокситоносного района уточнена стратиграфия бокситоносных отложений и найдены три новых выхода бокситов. В Орско-Кемпирсайском районе А.Л. Яншину удалось проследить и осмотреть выходы бокситоидных пород на значительной площади... В.А. Вахромеевым были проведены детальные стратиграфо-тектонические исследования Айминского месторождения бокситов на Южном Урале и даны ценные указания для дальнейшего направления промышленной разведки”¹⁸.

В.И. Лучицкому пришлось работать в Каменске-Уральском на месторождениях бокситов, приуроченных к мезозойским отложениям. Хотя он считался научным консультантом “Союзалюминзавода”, фактически ему пришлось выполнять функции рудничного геолога. Условия жизни и работы были крайне тяжелыми, о чем можно найти свидетельства в письмах В.И. Лучицкого В.И. Вернадскому. Трудности возрастали от того, что В.И. Лучицкий работал здесь в одиночку, в отрыве от общения с другими учеными. От В.И. Вернадского он получил за войну одно письмо из Борового, датированное 24 августа 1942 г.: “Давно не имел от Вас никакой весточки. Как провели зиму? Я уж больше года сижу здесь, работаю все время и, по-видимому, пребывание здесь было мне полезно, т.к. у меня в первый раз после 1937 года

¹⁸ АРАН, ф. 1612, оп. 1, д. 47, л. 8–9.

не было серьезного сердечного осложнения. Кончаю сейчас статью о геологическом значении симметрии, которую хочу возможно скорее напечатать. Надеюсь осенью вернуться в Москву. Н.Е. болела крупозным воспалением легких, сейчас поправилась. Всего лучшего”¹⁹.

Работа В.И. Лучицкого в Каменске-Уральском, несмотря на все тяготы, оказалась весьма полезной: в 1945 г. он был награжден за нее орденом Трудового Красного Знамени и медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.

¹⁹ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 33.

На закате жизни в Киеве

В.И. Лучицкий вернулся в Москву в 1943 г. и продолжил работу в Институте геологических наук АН СССР. Но вскоре по инициативе В.И. Вернадского его пригласили работать в Академию наук УССР, учреждения которой начали возвращаться в Киев после эвакуации. Институт геологических наук АН УССР, которым с 1939 г. руководил академик АН УССР Б.И. Чернышев, исполнявший также обязанности вице-президента АН УССР, во время войны работал в Уфе и его сотрудники, как и большинство ученых, выполняли задания по обеспечению страны минеральным сырьем. В 1930-е годы в институте сформировался сильный состав исследователей: В.А. Сельский, П.П. Будников, А.Н. Соколовский, А.А. Дубянский, Л.Г. Ткачук, К.И. Маков, С.П. Родионов, Н.Ф. Балуховский, Н.И. Безбородько, Д.К. Биленко, П.К. Заморий, В.И. Крокос, Н.В. Пименова, П.П. Пятницкий, В.Н. Чирвинский, Ю.Ю. Юрк и др.

В предвоенные годы в ИГН АН УССР разрабатывались проблемы геологии Полесья и Нижнего Днепра (Л.Г. Ткачук), изучались полиметаллические руды и медистые песчаники Донбасса (Н.И. Свитальский, Ф.Е. Лапчик, И.А. Личак, Ю.Ю. Юрк), марганцевые руды Никопольщины (И.А. Лепикаш), карбон Донбасса (Е.О. Новик); осуществлялись работы по выявлению нефтегазоносности Днепровско-Донецкой впадины (Ф.О. Лысенко, И.Т. Шамека, А.М. Куцыба), биостратиграфии отложений различного возраста (Н.В. Пименова, О.К. Каптаренко-Черноусова, Е.О. Новик), четвертичной геологии (В.Г. Бондарчук, Д.К. Биленко, П.К. Заморий, В.И. Крокос, И.А. Лепикаш, Г.И. Моляво), по изучению Украинского щита (Н.И. Свитальский, Н.И. Безбородько, Л.Г. Ткачук)¹.

Репрессии 1930-х годов и тяжелые испытания в годы войны нанесли серьезный урон кадровому составу института. Фактически в нем почти не осталось геологов, с которыми Владимир Иванович в начале 1920-х годов начинал разворачивать работы по изучению минеральных богатств Украины.

¹ История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 601.



**На даче в Успенском под Москвой с внучками Сашей (слева)
и Машей**

22 июня 1944 г. академик АН УССР, организатор отдела геофизики и сейсмологии АН УССР В.А. Сельский представил в Физико-математическое отделение АН УССР краткие сведения о научной работе В.И. Лучицкого и сопроводил их заявлением: “Это дает мне основания выдвинуть кандидатуру выдающегося петрографа, лучшего специалиста в этой области знаний нашего Союза, проф. Владимира Ивановича Лучицкого на избрание его действительным членом Академии наук”².

Изданный 23 июня 1944 г. приказ № 39 по Институту геологических наук АН УССР гласил: “Проф. Лучицкого Владимира Ивановича с 15.06 этого года назначить научным руководителем петрографической группы отдела минералогии, петрографии и рудных месторождений с окладом 1700 руб. в месяц”³.

Владимир Иванович, находившийся еще в Москве, прислал в институт записку с согласием занять предлагавшуюся ему должность при условии обеспечения квартирой и перевоза за счет Академии наук его научной библиотеки⁴. Видимо вскоре он был уже в Киеве и приступил к работе.

На заседании ученого совета ИГН АН УССР 7 октября 1944 г. член-корреспондент АН УССР Н.П. Семененко выступил с предложением рекомендовать В.И. Лучицкого для избрания в действительные члены АН УССР⁵. В тот же день кандидатура В.И. Лучицкого для избрания в Академию наук была единогласно поддержана научно-техническим советом Украинского Геологического управления⁶. А 21 октября 1944 г. рекомендацию о выдвижении В.И. Лучицкого кандидатом в академики АН УССР по специальности “петрография”, подписанную директором института академиком Д.С. Белянкиным⁷, выслал в АН УССР Институт геологических наук АН СССР, который был местом последней работы Владимира Ивановича. Поддержал это предложение и ученый совет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Рекомендацию ректор профессор В.Г. Бондарчук подписал 28 ноября 1944 г.⁸

17 ноября 1944 г. В.И. Лучицкий был утвержден Президиумом АН УССР в должности старшего научного сотрудника⁹, а в феврале 1945 г. он был избран действительным членом

² АП НАН Украины. Личное дело В.И. Лучицкого. Л. 2.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 20.

⁹ Там же. Л. 21.

АН УССР (утвержден 12 февраля 1945 г.)¹⁰. В Институте геологических наук АН УССР вскоре был организован отдел петрографии, и В.И. Лучицкий 13 июля 1945 г. был утвержден его заведующим и исполняющим обязанности заведующего музеем института¹¹. 21 сентября того же года он был введен в ученый совет института¹².

Владимир Иванович пришел в институт не с пустыми руками, а с конкретными планами развития фундаментальных и прикладных исследований в АН УССР в области геологических наук. После возвращения в Киев из эвакуации на ИГН АН УССР были возложены функции межведомственного центра по геологии. Институт должен был содействовать восстановлению и развитию государственной геологической службы в республике. В.И. Лучицкому были близки эти задачи по всем его устремлениям двадцатилетней давности. Вместе с тем он хорошо понимал, что задачи академического учреждения никак не могут быть сведены к решению лишь сиюминутных прикладных задач. Ему представлялось актуальным даже в условиях крайней разрухи народного хозяйства в результате ущерба, нанесенного войной, наметить перспективные планы фундаментальных исследований, совмещая их с задачами расширения минерально-сырьевой базы республики.

Он полагал основной задачей института изучение в геологическом, стратиграфическом, литолого-петрографическом отношениях отложений различного возраста, распространенных на территории Украины. При этом особое внимание Владимир Иванович уделял изучению докембрия Украинского щита, с которым связаны многие месторождения полезных ископаемых и прежде всего железных руд Криворожья. Геофизические исследования открыли новые перспективы прироста запасов криворожских железных руд. Но сделать это можно на широкой основе изучения состава, истории формирования, структуры железорудных месторождений, закономерностей в распределении оруденения и происхождения руд. Как известно, эта проблема на многие десятилетия стала центральной в исследованиях Института геологических наук АН УССР, а впоследствии и выделившегося из него Института геохимии и физики минералов АН УССР.

Из других полезных ископаемых, связанных с докембрием Украинского щита и подлежащих изучению, Владимир Ивано-

¹⁰ АП НАН Украины. Личное дело В.И. Лучицкого. Л. 24.

¹¹ Там же. Л. 30.

¹² Там же. Л. 45.

вич называл марганцевые руды Никополя, пегматиты как источник минерального сырья для керамической промышленности, а также рудные и радиоактивные элементы. Изучение структуры пегматитовых полей и установление связей разных типов пегматитов с разными гранитами стало актуальной геологической задачей.

Характеризуя задачи в области изучения геологии палеозойских отложений Украины, В.И. Лучицкий писал: “С отложениями палеозоя (верхнего) связаны очень важные полезные ископаемые: каменный уголь, соль, гипс, медистые песчаники, нефть, горючие сланцы и т.д., которые играют большую роль в народном хозяйстве СССР и УССР. Комплексное изучение стратиграфии, фаций, тектоники и палеогеографии палеозойских отложений ставится впервые на Украине. Работы по данной проблеме в новой пятилетке планируются в основном в Донбассе и в пределах Большого Донбасса. Будут разрабатываться отдельные темы по изучению фауны и ископаемой флоры каменноугольных отложений. Будет также изучаться сапропелевый уголь Донбасса, который может быть использован для получения редкого топлива. Значительная работа будет проведена институтом по обработке материалов разведок для координации геологоразведочных работ на каменный уголь”¹³. Этим была обозначена еще одна из центральных задач исследований института.

С изучением мезозойских отложений Владимир Иванович связывал открытие новых месторождений нефти, горючих газов, фосфоритов, сырья для цементной и керамической промышленности, а с кайнозойскими отложениями – месторождения нефти, озокерита, горючих газов, марганцевых руд, огнеупорных глин, диасовых кварцитов, керамического сырья, строительных материалов, бурого угля. Он предполагал составление монографических описаний различных горизонтов кайнозойских отложений и построение карт прогнозов основных полезных ископаемых, связанных с этими отложениями, что дало бы возможность верно ориентировать поиски и разведку месторождений.

Говоря о задачах в области изучения геологии месторождений полезных ископаемых, Владимир Иванович писал: “Одной из основных проблем является проблема нефтегазоносности Днепровско-Донецкой впадины, Приазовья, западных областей Украины и т.д. Необходимо отметить, что в совершенно неудовлетворительном состоянии находятся материалы по геологии нефтяных и газовых месторождений западных областей Украи-

¹³ Лучицкий В.И. Основні проблеми геологічної науки на Україні в новому п'ятиріччі // Вісті АН УССР. 1946. № 9–10. С. 100.



**Академик В.И. Лучицкий – директор
Института геологических наук
АН УССР**

ны. Сложность геологического строения Прикарпатья, с одной стороны, и бессистемная, полузасекренная методика разведки в условиях капиталистического хозяйства довоенной Польши – с другой, требуют в предстоящей пятилетке обратить серьезное внимание на геологическое изучение нефтяных и газовых месторождений и провинций западных областей. Работа имеет особо важное значение в связи со строительством газопровода Дашава-Киев”¹⁴.

В планах, разработанных В.И. Лучицким, большое место уделялось изучению гидрогеологических условий различных районов Украины, геохимии месторождений с целью составления прогноз-

ных карт, исследованию глубинной структуры земной коры геофизическими методами.

В целом концепция дальнейшего развития ИГН АН УССР, предложенная Владимиром Ивановичем, оказалась хорошо проработанной и реальной. В значительной мере ее удалось реализовать уже в 1950-е годы. Вот как охарактеризован этот период деятельности института в “История Академии наук Украинской ССР”: “Усилиями ученых института была поставлена и разрешена проблема нефтегазоносности Днепровско-Донецкой впадины (В.Г. Бондарчук, В.Н. Головцын), а также промышленной угленосности нижнего карбона в западном секторе Большого Донбасса (так называемый Западный Донбасс) (Д.Е. Айзенберг, Н.Е. Бражникова, Е.О. Новик); с их участием завершена разведка Львовско-Волынского бассейна (П.А. Шульга, А.М. Ищенко), открыто Шебелинское месторождение природного газа (Н.Ф. Балуховский), создана геолого-углехимическая карта Донбасса (В.С. Попов). Большим достижением было расширение перспектив Криворожского железорудного бассейна на глубину (Н.П. Се-

¹⁴ Лучицкий В.И. Основні проблеми геологічної науки на Україні в новому п'ятиріччі // Вісті АН УССР. 1946. № 9–10. С.101.



Памятник В.И. Лучицкому в Киеве у здания Геологической службы Украины

мененко, Я.Н. Белевцев), оценка ресурсов подземных вод главных гидрогеологических районов республики (А.Е. Бабинец)...”¹⁵.

Ценным качеством программы В.И. Лучицкого было то, что для ее выполнения привлекались многочисленные произ-

¹⁵ История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 601.

водственные организации, Украинское геологическое управление, университеты, вузы и втузы, горнорудные и нефтяные предприятия.

Наличие такой программы сыграло свою роль при утверждении В.И. Лучицкого в 1946 г. директором Института геологических наук вместо ушедшего Б.И. Чернышева. Реализовать же намеченную программу Владимиру Ивановичу не пришлось: слишком краткий срок отпустила ему судьба для работы в Киеве. Единственным важным результатом стало издание монографии “Український кристалічний масив: геолого-петрологічний опис”, в которую В.И. Лучицкий вложил весь свой опыт изучения Украинского щита, в частности результаты своих предвоенных публикаций. Таким же опытом обладали и его соавторы: Л.Г. Ткачук, Н.П. Семененко, И.С. Усенко. В итоге получилась ценная сводка, широко использовавшаяся последующими исследователями.

Многие планы геологического изучения любимой им Украины В.И. Лучицкому реализовать не удалось. 7 октября 1949 г. он был помещен в стационар Лечебно-санаторного управления Министерства здравоохранения УССР, где 20 октября скончался. Диагноз: хронический нефрит с вторично сморщенной почкой, азотемия, уремия¹⁶. Так завершился жизненный путь крупного ученого, оставившего заметный след в развитии отечественной геологии.

Игорь Владимирович Лучицкий поставил на могиле отца глыбу гранита рапакиви – горной породы, которой Владимир Иванович посвятил много работ и свою докторскую диссертацию. Это хороший памятник труженику науки, работавшему увлеченно в разных областях геологии, не замыкавшемуся в кабинетной и лабораторной работе, чувствовавшему потребность в практической реализации своих знаний, исследовавшему самые различные районы страны, прежде всего Украину, способствовавшему реальному приращению минерально-сырьевой базы в годы индустриализации и Великой Отечественной войны.

¹⁶ АП НАН Украины. Личное дело В.И. Лучицкого. Л. 56.

Научное наследие

Владимиру Ивановичу Лучицкому пришлось работать в самых различных областях геологических наук, много заниматься прикладными и практическими задачами. Анализ его творческого наследия следует проводить в контексте исторической судьбы отечественной науки в XX в. Многие из крупных ученых нашей страны в 1920–1930 годы вынуждены были перейти от исследования фундаментальных научных проблем к частным, конкретным, прикладным работам, которые имели народнохозяйственное значение. Пагубное значение имела изолированность советской науки от научных достижений Запада, которая нарастала с 1930-х годы. Все это нанесло ущерб реализации творческого потенциал многих ученых нашей страны. Не избежал этого и Владимир Иванович, который на пике своих творческих возможностей вынужден был заниматься почти исключительно прикладной тематикой.

Вместе с тем следует отметить, что у него была и внутренняя потребность заниматься практическими вопросами обеспечения промышленности минеральным сырьем, водоснабжения городов и поселков, инженерно-геологическими исследованиями. Представление о нем как ученом-петрографе в значительной мере связано с многочисленными изданиями его учебника петрографии, долгое время единственного в стране, и с педагогической деятельностью по этой дисциплине в Московской горной академии и МГРИ. На самом деле он был геологом широкого профиля, который даже занимаясь петрографическими и петрологическими вопросами, использовал и приспосабливал их для решения задач стратиграфии, геологии вообще и геологии полезных ископаемых в частности. Как и многие отечественные геологи в начале XX в., В.И. Лучицкий был увлечен перспективами работ по изучению природных богатств страны, реализованными В.И. Вернадским, А.Е. Ферсманом, Н.С. Курнаковым, Я.В. Самойловым и др. в программе Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Владимир Иванович стал проводником этих прогрессивных идей на Украине, разработав программу Украин-

ского Геологического комитета и академической Комиссии по изучению природных богатств Украины. Так что поворот в годы советской власти к фронтальному решению практически важных проблем геологии в целом способствовал раскрытию его потребностей заниматься ими. Большой ущерб его творческим возможностям нанес вынужденный отъезд с Украины, в результате которого он был оторгнут от постоянной работы с геологическими объектами региона, который он лучше всего знал.

В Архиве АН СССР обнаружен отзыв В.И. Вернадского, датированный 1940 г., для выборов В.И. Лучицкого в члены-корреспонденты АН СССР. Видимо, он составил основу для рекомендации его спустя четыре года в академики АН УССР. В этом отзыве дана общая характеристика различных направлений деятельности Владимира Ивановича, которую имеет смысл привести:

«В области научно-исследовательской проф. Лучицкий работал преимущественно над изучением вопросов описательной и генетической петрографии, тесно увязывая вопросы петрографические, с одной стороны, с вопросами геологическими (им создана новая стратиграфия украинского докембрия, которая ложится в основу поисков полезных ископаемых, проработан ряд вопросов петрографии, главным образом, Украины, Крыма, Воронежской области, Средней Азии, также других районов СССР), с другой стороны, с вопросами, касающимися полезных ископаемых.

В течение ряда лет им проводились исследования полезных ископаемых в связи с их петрографическим изучением в различных районах СССР одновременно с организацией геологоразведочных работ, отысканием путей их использования и руководством и частью проведением их; таковы работы по железным месторождениям Керченского полуострова, Курской магнитной аномалии, Кривого Рога, по месторождениям каолинов, главным образом Украины, также Урала и Сибири, с обоснованием мощного развития каолиновой промышленности СССР (результаты этих разведок и исследований – развитие плавиковошпатовой промышленности СССР), по месторождениям слюд – мусковита и флогонита в Сибири (руководство разведочными и минералого-петрографическими работами), по туфовым лавам Армении, по месторождениям графитов СССР, в первую очередь Украины, частью также и Урала (в результате обнаружены новые крупные месторождения графита и построен графитовый завод на р. Буге УССР). Велись работы также по изучению ряда других полезных ископаемых в связи с их петрографией и с нахождением путей использования. Руководство велось также одновременно и петро-

графами Уральского Института прикладной минералогии при изучении ими месторождений графита, вермикулита, хромитовых и титан-магнетитовых руд и других объектов минерального сырья.

Значительная часть этих работ получила отражение либо в трудах самого Лучицкого (монография по каолинам УССР, в статьях по плавиковому шпату, килу, по каменным строительным материалам и т.д.), а также в добавлениях и издаваемых под его редактированием монографиях, трудах и статьях различных исследователей, проводивших работы под его руководством – так, например, монографии по хромитам уральских петрографов (“Хромиты Урала”, 1936), по флогопитовым месторождениям Слюдянки сотрудников ИПМ (“Флогопитовые месторождения Слюдянки”, 1939 – Труды ВИМС), по плавиковому шпату сотрудников ИПМ (монография “Такоб, месторождение плавикового шпата”, 1937), по оптическому плавиковому шпату сотрудников ИПМ (монография “Оптический флюорит”, 1936) и др. В последнее время на основаниях исследований петрографии УССР им же установлено присутствие оловянного камня на Украине. Редактировал I том “Стратиграфии СССР” (Европейская часть).

Тесно связывая петрографическое и геологическое исследование с поисками, а в ряде случаев с разведками полезных ископаемых, Лучицкий одновременно привлекал к своим работам многочисленных научных сотрудников, помогая им в их работе по полевым работам, во время камеральной обработки материала и во время опубликования ими своих работ.

В области педагогической Лучицкий с 1899 года является по настоящее время преподавателем высшей школы, проводя лекции и занятия, руководя также и окончившими вузы и втузы молодыми специалистами в области главным образом петрографии и учения о полезных ископаемых. Им опубликован ряд учебников по петрографии. Курс петрографии выходил повторными изданиями (в 1909 г. – первое литографированное издание, в 1910 г. – 1-е изд., в 1922 г. – 2-е изд., в 1932 г. – 3-е изд., в 1934 г. – 4-е изд., в 1938 г. – 5-е изд., ныне разошедшееся; в 1937 г. выпущен первым изданием III том “Петрографии” – “Петрология”). В 1936 году совместно с проф. Е.А. Кузнецовым издал учебное пособие “Петрографические провинции СССР”; издавался с дополнениями ряд учебников и руководств: “Краткий курс петрографии” Смита, “Спутник петрографа” Вейншенка. В настоящее время печатается “Сокращенный курс петрографии” Лучицкого, а также “Петрология” Оллинга под его редактированием и с дополнениями; опубликовано в 1937 г. руководство по петрологии Боуэна “Эволюция изверженных пород” под его редакцией.

Проф. В. И. Лучицкий.

КУРСЪ ПЕТРОГРАФІИ.

Съ 155 рисунками въ текстъ.



Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ“
ПЕТЕРБУРГЪ-КІЕВЪ
1910.

Титульный листъ первого издания учебника В.И. Лучицкого
“Курсъ петрографии”. Киев. 1910 г.

В настоящее время проводит работу по: 1) написанию монографии “Гранитоиды Украинского кристаллического массива и их металлогения”; 2) изучению алтайских гранитоидов и их металлогении; 3) изучению петроминералогии докембрия СССР, в первую очередь Украины с увязкой данных петроминералогии с петрологией и генезисом полезных ископаемых; 4) составлению сводки по месторождениям графитов СССР и их генезиса в связи с применением их в промышленности и ряд других работ»¹.

В этом документе отражено многообразие исследовательских интересов В.И. Лучицкого и тем не менее упущены некоторые важнейшие направления его деятельности, например, в области гидрогеологии: в 1920-е годы он очень многое сделал по обеспечению водоснабжения промышленных районов Украины, особенно Донбасса, а самое главное – способствовал формированию небольшой, но жизнеспособной школы украинских гидрогеологов.

Но начинал Владимир Иванович, действительно, как петрограф, получив в начале XX в. у зарубежных специалистов прекрасную подготовку в этой области и став одним из немногих квалифицированных петрографов России того времени. У него, правда, не было склонности к изучению химизма пород, что стало ведущей тенденцией развития петрографии в XX в. Тем не менее он хорошо владел различными методами. Направлением его работ стала региональная петрография и тектоника Украинского щита (УЩ). Им были составлены сводки по петрографии отдельных районов Украины, внесены на этом основании коррективы в стратиграфические схемы, охарактеризованы процессы инъекционного метаморфизма, гранитизации и метасоматоза в докембрийских породах.

В.И. Лучицкий внес лепту в обсуждение проблемы происхождения гранитов. В статье “К вопросу о происхождении гранитов Юга России” (1910) им были впервые рассмотрены вопросы их петрогенезиса: “Это было смелое выступление молодого магистра против укоренившихся взглядов на происхождение гранитов и гнейсов. По мнению виднейших авторитетов того времени И.А. Морозевича, П.П. Пятницкого и других, граниты и гнейсы УЩ – первозданные породы, остатки первичной земной коры; гнейсы и граниты тесно связаны между собой переходами и являются разновозрастными. По этой гипотезе, чем глубже мы будем проникать в земную кору, тем моложе породы будут нам встречаться. В.И. Лучицкий впервые доказал существование различных по происхождению и возрасту гнейсов, выделив среди них

¹ АРАН, ф. 518, оп. 5, д. 97, л. 2–5.

три группы: парагнейсов, ортогнейсов и микстогнейсов, или инъекционных гнейсов. Признавая магматическое происхождение всех гранитов, он считал их также разновозрастными”².

В.И. Лучицкий много занимался рапакиви Украины. Как известно, этой проблеме посвящена его докторская диссертация. Для объяснения своеобразной структуры рапакиви исследователи привлекали разнообразные петрологические гипотезы из области магматического петрогенезиса. Предшественник В.И. Лучицкого по изучению украинских рапакиви Б.А. Попов для объяснения структуры этих пород еще в 1903 г., т.е. задолго до работ Н.Л. Боуэна, выдвинул гравитационную гипотезу. Б.А. Попов полагал, что округлая форма овоидов определялась тем, что выделившиеся кристаллы калишпата, погружаясь в более глубокие части магматического бассейна, оплавливались: “Большая часть ранее выделившегося плагиоклаза опустилась раньше калишпата, чем объясняются малые размеры кристаллов плагиоклаза. На определенном уровне (при равенстве плотностей кристаллов и магмы) погружение прекращалось. В более глубоких горизонтах оплавленные кристаллы ортоклаза заставляли продолжавшуюся там кристаллизацию более высокотемпературных олигоклаза, роговой обманки и слюды. Эти минералы отлагались в виде корки на оплавленной поверхности овоидов ортоклаза”³. Владимир Иванович разделял эти взгляды, как впрочем, и гипотезу И.Л. Фогта, считавшего рапакиви Выборгского массива антиэвтектическими породами.

Вслед за И.Л. Фогтом В.И. Лучицкий полагал, что в двойной системе $Ort-Ab$ кристаллизация калишпата сопровождается переохлаждением (пересыщением) раствора и кристаллизация калишпата продолжается при температуре более низкой, чем эвтектическая. При выделении олигоклаза выделяется скрытая теплота плавления, которая вызовет частичную резорбцию калишпата.

Эти взгляды внесли определенный вклад в обсуждение проблемы рапакиви, которая и ныне является дискуссионной.

Как отмечал П.Я. Армашевский в своем отзыве на докторскую диссертацию Владимира Ивановича, заслугой последнего является первое определение и описание в составе рапакиви Украины оливина и грюнеритового амфибола. Позднее, правда, на

² Личак И.Л., Усенко И.С. Значение трудов В.И. Лучицкого для познания докембрия Украины и развития петрографической науки // Геол. журн. 1979. № 1. С.79.

³ Романова М.М. История представлений о происхождении гранитов. М. 1977. С. 146.

основе новых представлений о парагенезисе оливина и кварца было установлено, что оливин распространен не во всех разновидностях рапакиви и отсутствует в наиболее типичных из них, например, в крупноовоидных рапакиви Коростенского и Корсунь-Новомиргородского плутонов.

В.И. Лучицкий своими работами (1913, 1927) оставил след в решении другой сложной петрологической проблемы – генезиса чарнокитов (гиперстеновых гранитов). Он был среди тех петрографов, которые считали их магматическими породами на основании формы их массивов, наличия апофиз, даек, пегматитов и контактовых изменений во вмещающих породах. Вместе с тем Владимир Иванович отмечал и отличие чарнокитов от магматических пород – гранулитовую их структуру и полосчатую текстуру. Он считал чарнокиты Северной Украины изверженными породами, состав магмы которых в значительной степени был изменен в результате ассимиляции известняков и мергелей. Полосчатость их текстуры он объяснял давлением.

Большое значение для развития представлений в области региональной петрографии и петрологии имела крупная сводка В.И. Лучицкого и П.И. Лебедева “Петрография Украины” (1934), в которой авторы поставили цель свести в единое целое существовавшие представления о кристаллических породах территории УССР. В.И. Лучицкий был автором той части монографии, где излагались сведения о породах преимущественно кислой гранитной магмы. Профессор Н.И. Безбородько, часто и не всегда доброжелательно разбиравший работы В.И. Лучицкого, писал об этой книге: “Индивидуальности авторов сказываются в изложении, но это в общем не нарушает целостности содержания, что также является одним из положительных качеств книги. Является желательным возможно более широко использовать книгу при разрешении задач, стоящих перед исследователями кристаллических пород Украины. Это возможно сделать, придвинувши содержание книги вплотную к наиболее актуальным проблемам и планам сегодняшнего дня по изучению кристаллической полосы УССР”⁴.

Вместе с тем Н.И. Безбородько в своих “Заметках” высказал и ряд упреков в адрес книги, указав, например, на то, что авторы “находились вне повседневной напряженной работы, нашедшей отражение в рукописях по трехверстной карте Геолтреста и в других материалах”⁵. Часть практических замечаний

⁴ Безбородько Н.И. Петрографические заметки к книге “Петрография Украины” В.И. Лучицкого и П.И. Лебедева // Проблемы сов. геологии. 1935. № 3. С. 246.

⁵ Там же. С. 246.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПЕТРОГРАФИЯ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД. Ф. Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГА

Серия I · РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕТРОГРАФИЯ · Выпуск 3

В. И. ЛУЧИЦКИЙ и П. И. ЛЕБЕДЕВ

**ПЕТРОГРАФИЯ
У К Р А И Н Ы**

ЛЕНИНГРАД · ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · 1934



**Титульный лист монографии В.И. Лучицкого и П.И. Лебедева
“Петрография Украины”**

Н.И. Безбородько оказалась вполне основательной. Он, в частности, отметил, что в книге типы гранитов не всегда описаны с учетом их территориальности, тогда как без введения территориальной характеристики их описание неизбежно будет страдать неполнотой и разрозненностью.

Н.И. Безбородько отмечал: «В соответствии с новейшей методикой исследования кристаллической полосы Украины Лучицкий неизменно вводит индивидуальную терминологическую характеристику гранитов, используя как введенные лично им обозначения типов (антоновский, коростышевский типы гранитов), так и наименования, данные другими лицами... Возвращение к старому описательному, преимущественно минералогическому термину встречается реже; таковы термины – двуслюдяной гранит (стр. 33), биотитовый гранит (стр. 60) и др. Однако при всем том типология гранитных районов выступает у авторов в недостаточно отчетливом виде. Это в особенности касается территориальности массивов. В одних случаях автор вовсе не стремится к общему охвату замкнутой территории и свидетельствует о “распространении гранита коростышевского типа пятнами, отдельными массивами” (стр. 30). В этом выступает несогласованность с выдвинутым в литературе кристаллической полосы УССР принципом территориальности гранитных массивов и вообще петрогенетических районов... идея типологии гранитных массивов наряду с коэффициентом территориальности их не находит у Лучицкого достаточно определенного выражения»⁶.

Несмотря на острую форму выражения критика, Н.И. Безбородько затронула существенную сторону петрографического ис-



Петр Иванович Лебедев

⁶ Безбородько Н.И. Петрографические заметки к книге “Петрография Украины” В.И. Лучицкого и П.И. Лебедева // Проблемы сов. геологии. 1935. № 3. С. 251–254.

следования и обратила внимание на действительные недостатки работы. Этот факт был тем более досаден, что в это время В.И. Лучицкий и Е.А. Кузнецов работали над своим фундаментальным трудом, оставившим глубокий след в истории геологических наук, “Петрографические провинции СССР”, в которой принципы территориальности и типологии стали стержневыми. Монография была опубликована в 1936 г. и с тех пор широко используется геологами не только как справочное руководство, но оказала и методологическое влияние на последующие работы в области региональной петрографии.

В “Петрографических провинциях СССР” В.И. Лучицким были написаны разделы по Украине, Воронежскому массиву и Курской магнитной аномалии, Крыму, Кавказу, Закавказью, Кольскому полуострову и Карелии. Монографию высоко оценивают и современные специалисты: “Эта работа содержит много фактического материала, не утратившего своего значения по сей день. Авторы показали, что изучение петрологии и распространения горных пород во всем их разнообразии позволило выявить на территории СССР все возрастающую роль в металлогении различных районов страны не столько гранитов, сколько гранодиоритов, а также то, что только плагиогранитные породы могут быть произведены путем дифференциации из базальтовой магмы. Нормальные граниты с высоким содержанием K_2O из этой магмы не могут быть получены без синтектики с древними породами или без смешения с самостоятельной гранитной магмой”⁷.

В 1930-е годы В.И. Лучицкий, занятый прикладными исследованиями по линии ИПМ, тем не менее продолжал много работать как петрограф, изучая наряду с гранитами основные и ультраосновные породы, габбро-норитовые магмы, взаимоотношения интрузивных и эффузивных пород. Владимир Иванович, как и многие советские геологи, занимался в те годы установлением связи горных пород с месторождениями полезных ископаемых, обоснованием надежных поисковых критериев: “Так, описывая основные и ультраосновные породы Украины и их металлогению, В.И. Лучицкий пришел к заключению, что кристаллизационная дифференциация Волынского габбро-анортозитового массива происходила не путем погружения кристаллов плагиоклаза, как считал А. Полканов, а путем их всплывания. В связи с этим более глубокие горизонты массива обогащались темноцветными рудными минералами с большим удельным весом. Поэтому наиболее вероятными участками концентрации рудных

⁷ Личак И.Л., Усенко И.С. Значение трудов В.И. Лучицкого для познания докембрия Украины // Геол. журн. 1979. № 1. С. 80.

В 198171
Проф. В. И. ЛУЧИЦКИЙ и проф. Е. А. КУЗНЕЦОВ

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОВИНЦИИ СССР

*ГУУЗ НКТП СССР утвержден в качестве
учебного пособия для геологоразведочных вузов*

6101.✓-



19 36

ОБЪЕДИНЕННОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКТП СССР
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОЙ И ГЕОДЕЗИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Титульный лист фундаментального труда В.И. Лучицкого и Е.А. Кузнецова
“Петрографические провинции СССР”



**Ефрем Александрович Кузнецов –
заведующий кафедрой петрографии
МГУ. 1960-е годы**

тел могли быть краевые части этого массива. Отмечая большое сходство химического состава гранитов рапакиви с некоторыми оловоносными гранитами Восточного Забайкалья, он рекомендовал в дальнейшем изучение Коростенского плутона для оценки его оловоносности. Как известно, касситерит был обнаружен В.И. Лучицким и М. Минаковым летом 1938 г. в коростеньских гранитах и в аллювиальных отложениях рек Уж и Жерев. Небольшие месторождения касситерита были найдены позже вдоль р. Перга”⁸.

В области изучения месторождений полезных ископаемых в нашей стране вклад В.И. Лучицкого весьма весом. Он изучал железные руды, графиты, огнеупорные мате-

риалы, каолины, керамическое сырье, различные строительные, облицовочные, декоративные материалы. В 1930-е годы, когда проблема обеспечения промышленности минеральным сырьем стояла очень остро, ему приходилось осуществлять в своих работах весь цикл исследований – от научной проработки до поисков, разведки месторождений полезных ископаемых, а иногда и до изучения технологии извлечения руд.

В послевоенный период, переехав на Украину, Владимир Иванович, провел серию работ по изучению щелочных пород Кривого Рога, процессам натриевого метасоматоза; ассимиляции и гибридизации на территории Украинского щита.

В.И. Лучицкий – автор серии стратиграфических схем докембрия Украинского щита. Еще в 1914 г. он с профессором Новороссийского университета В.Д. Ласкаревым разделил докембрийские породы северо-западной части щита на древние катархейские и более молодые иотнийские. Новая схема была им предложена в 1926 г., когда в докембрии Украины он выделил пять

⁸ Личак И.Л., Усенко И.С. Значения трудов В.И. Лучицкого для познания докембрия Украины // Геол. журнал. 1979. № 1. С. 81.

групп: катархейскую, днепровскую, тетерево-бугскую, саксаганскую и иотнийскую. Границы между ними из-за недостатка фактического материала были еще достаточно неопределенными и условными. В “Петрографии Украины” были определены объемы трех нижних групп.

Эта схема уточнялась и детализировалась в ряде работ конца 1930-х годов. В 1947 г. в монографии “Український кристалічний масив” В.И. Лучицкий разработал стратиграфическую схему докембрия, которая легла в основу всех последующих работ украинских геологов в этом направлении. В ней все породы Украинского щита объединены в пять комплексов: днепровский, тетерево-бугский, криворожский, киевский и мариупольский, охватывающие осадочные породы разного возраста и более молодые по отношению к ним магматические образования. Комплексы разделены большими перерывами.

Вот оценка схемы В.И. Лучицкого современными исследователями: “В этой схеме породные объемы выделенных комплексов более полно представлены и более четко разграничены. Так, в днепровский комплекс включены биотитовые парагнейсы-параамфиболиты, пироксено-плагиоклазовые гнейсы и связанные с этой группой парапород мигматиты; из магматических пород отнесены гранодиориты, огнейсованные граниты, их аплиты и пегматиты. Тетерево-бугский комплекс объединил парагнейсы – пироксено-биотитовые, амфиболовые, амфиболо-биотитовые, биотитовые, силлиманитовые, кордиеритовые, графитовые, кристаллические силикатные известняки, кварциты, мигматиты. Магматические породы этого комплекса представлены гранитами житомирскими, коростышевскими, бердичевскими, кировоградскими, породами чарнокитовой серии – гиперстеновыми гранитами, диоритами, габбро-норитами, пироксенитами, перидотитами. Криворожскому комплексу, как наиболее изученному, в стратиграфической схеме отведено наибольшее место. Его осадочные породы разделены не только на серии и отделы, но и на горизонты, и даже на пласты. Киевский комплекс, называвшийся в более ранних схемах иотнийским, включает породы овручской толщи (кварцитовидные песчаники, пироксилитовые сланцы), а из магматических пород осницкие и коростенские граниты, рапакиви, габбро-нориты, лабрадориты и связанные с ними дайковые породы. Мариупольский комплекс представлен известными в то время щелочными породами Приазовья и Криворожья”⁹.

⁹ Личак И.Л., Усенко И.С. Значение трудов В.И. Лучицкого для познания докембрия Украины // Геол. журнал. 1979. № 1. С. 82.

Анализ показывает, что значимым оказался вклад В.И. Лучицкого в различные области геологии, как в теоретическом, так и в практическом плане. Выделяя наиболее перспективные его идеи и разработки, следует вернуться к его и Е.А.Кузнецова капитальному труду “Петрографические провинции СССР”, материал которого оказался весьма актуальным в связи с разработкой в современной геологии, тектонике, геофизике и геохимии проблемы латеральной неоднородности мантии Земли и геодинамики. Эта проблема по-новому связывает вопросы генезиса и природы геологических процессов в петрологии и геохимии. Наличие латеральной неоднородности мантии находит все большее подтверждение на новом фактическом материале – петрографическом, геологическом и геохимическом.

Исследовательская деятельность В.И. Лучицкого постоянно была сопряжена с преподавательской. Его учебники петрографии издавались на протяжении четырех десятилетий и стали школой для поколений геологов. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг писал в своем труде “Успехи петрографии в России”: “Если русской петрографии в чем-либо можно сделать упрек, так это за то, что она не дала оригинального ценного руководства. Решаюсь высказать этот упрек, так как он в значительной степени относится и ко мне самому. Насколько позволительно судить по субъективным мотивам, объяснение этому факту следует искать в том, что личные взгляды петрографов все время эволюционировали, что разработка научных проблем всегда более привлекательна, чем составление учебника, в котором по самой сути дела всегда много кропотливой, малоинтересной и компилятивной работы”¹⁰.

До выхода в свет первого издания (1910) “Курса петрографии” В.И. Лучицкого в русской литературе имелось лишь три учебных пособия по петрографии: “Петрография в геологии” А.А. Иностранцева, “Краткий курс петрографии для студентов Института инженеров путей сообщения” И.В. Мушкетова и “Петрография” Е.С. Федорова. Все они, несмотря на ряд достижений, в целом никак не исчерпывали программных требований, носили вводный характер. По существу, публикация первого издания учебника В.И. Лучицкого восполнила пробел в учебной геологической литературе. “Курс петрографии” был хорошо оформлен, достаточно полон, соответствовал уровню развития науки. Поэтому учебник В.И. Лучицкого стал популярен у студенчества и преподавателей. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг отмечал как достоинства учебника, так и его недостатки: “Курс Лучицкого сослужил свою службу студентам, как единственный учебник

¹⁰ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Успехи петрографии в России. Пг., 1923. С. 383.

на русском языке, которым они могли пользоваться и который приходится им рекомендовать, несмотря на то, что книга слишком тесно примыкает к Розенбушу и в этом смысле является односторонней”¹¹.

Второе издание “Курса петрографии” вышло уже в советское время (1922). В.И. Лучицкий внес в него дополнения и коррективы, подновил и пополнил фактический материал, описание методов. К сожалению, учебник был напечатан на бумаге низкого качества и большой иллюстративный материал оказался фактически непригоден. Тем не менее, учебник получил высокую оценку, в частности такого придирчивого специалиста, как В.А. Обручев. Рецензент вместе с тем отметил ряд недостатков издания: “При описании методов изображения состава горных пород следовало бы дать понятие о тетраэдре Федорова и об американском методе. Из форм залегания изверженных пород не упомянуты этмолиты, бисмалиты, факолиты и даже пластовые жилы (sill); иглы только упомянуты, но не описаны, лакколиты охарактеризованы слишком кратко. Совершенно не говорится о послевулканических процессах. Нет отдельной характеристики вулканических туфов и брекчий и способа их образования. Не упомянуты столь распространенные в Сибири трапсы, а также авгитогранатовые породы и кедабекит Федорова. Контактное влияние гранитов было бы более уместно поместить в главе о метаморфических породах, в которой контактовому метаморфизму уделено слишком мало места; ничего не говорится о пиропнеуматометаморфизме и метасоматическом метаморфизме. В осадочных породах не объяснено образование штоков каменной соли (согласно новым взглядам – из пластов благодаря боковому давлению в связи с растворением и выкристаллизацией); среди теорий образования лесса не упомянуты пролювиальная А.П. Павлова и элювиальная Л.С. Берга. Не совсем верно и слишком отзывается местным патриотизмом утверждение, что важнейшие теории и гипотезы, объясняющие происхождение лесса, разработаны киевскими геологами. Укратиофильство автора выражается еще в том, что среди приводимых им анализов горных пород слишком много места отведено малочисленным месторождениям Украины, напр. из 13 анализов гранита – 3 украинских; из 16 габбро-норитов – 5 украинских, из 15 гнейсов – 4 украинских. Это было бы понятно, если бы курс петрографии был написан по-украински; но для русского учебника можно было уделить больше места многочисленным и разнообразным породам Сибири, Туркестана, Урала, для которых имеется уже много анализов. В частности, местона-

¹¹ Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Успехи петрографии в России. Пг., 1923. С. 383.

Проф. В. И. ЛУЧИЦКИЙ
Действительный член Украинской Академии наук

В.И. Лучицкий
Мая 19/VI 1948

ПЕТРОГРАФИЯ

Том первый

ШЕСТОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

*Допущено
Министерством высшего образования
в качестве учебника для геолого-
разведочных институтов и геологических
специальностей других вузов*



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ГЕОЛОГИИ СССР
Москва 1947 Ленинград

Титульный лист первого тома шестого издания учебника
В.И. Лучицкого

хождение немногих пород Сибири, анализы которых приведены, указано или слишком неопределенно, напр., близ берегов р. Ангары, область р. Ангары (это все равно, как если бы указать “Украина”, так как область р. Ангары не меньше украинской территории) или неверно”¹².

Третье издание (1932) – “Петрография” в двух томах – явилось по существу новым учебником. Владимир Иванович писал в предисловии к нему: “Со времени последнего издания этого руководства произошло коренное преобразование характера преподавания петрографии в высшей школе СССР. Переход к активному методу делает необходимым перестройку учебника, его плана, характера отдельных частей. Поэтому и данное руководство по петрографии в значительной степени изменено, дополнено, переработано. Так как в настоящее время руководство по петрографии должно обеспечивать ту систему преподавания, которая проводится с успехом в геологоразведочных вузах СССР, то в ней сосредоточивается все то, что необходимо для прохождения курса петрографии кристаллических пород, т.е. кристаллооптика, постольку-поскольку она ложится в основу оптических методов исследования, методы петрографического исследования, основанные на изучении порообразующих минералов, характеристика порообразующих минералов, особенно часто встречающихся главным образом в кристаллических горных породах... Так как изучение теоретических вопросов обосновывает разрешение различных, часто крупнейших проблем практического характера, необходимо усиление внимания на рассмотрении вопросов, касающихся связи, существующей между рудными и нерудными месторождениями и теми или иными типами горных пород, и установлении генетической зависимости между процессами рудообразования как полезных ископаемых, так и горных пород; этому также отводится место в руководстве”¹³.

В последующих изданиях продолжался процесс совершенствования учебника. Четвертое издание вышло в трех томах, четырех частях (1934, 1937), пятое и шестое (1938; 1947–1949) выходили в двух томах. В 1948 г. был опубликован популярный у студентов “Сокращенный курс петрографии”. Можно с уверенностью утверждать, что учебники петрографии В.И. Лучицкого оказались наиболее долгоживущими среди отечественной учебной геологической литературы XX в.

¹² Обручев В. Лучицкий В.И. Курс петрографии: Рец. // Вестн. Москов. горн. акад. 1922. № 2. С. 305–306.

¹³ Предисловие к третьему изданию // Лучицкий В.И. Петрография. М.; Л., 1938. Т.1. С. 5.

Личность ученого

Владимир Иванович рос и формировался в среде отечественной научной и художественной интеллигенции, уже в детстве проявил способности к исследовательскому труду, рано выбрал свой жизненный путь. Его способности были замечены в годы студенчества в Киевском университете. Первые шаги на научном поприще серьезно укрепила первая зарубежная командировка, в которой В.И. Лучицкий основательно познакомился с новейшими методами и идеями в области петрографии ученых Западной Европы, работал в их лабораториях. Найдя широкое поле для исследовательской деятельности по изучению геологии и петрографии Украинского щита и став в 30 лет профессором, Владимир Иванович поступательно и успешно продвигался как ученый широкого профиля. Жизнь его и быт в начале XX в. ничем не отличались от жизни профессоров университетов России, разве что на нем в какой-то мере отражалась известность его отца – крупнейшего ученого и активного общественного деятеля. В отличие от отца у Владимира Ивановича не было сколько-нибудь заметной склонности к общественной деятельности. Но все его жизненные ориентации существенно преобразились в годы Первой мировой войны и революции на Украине, когда деятельность ученого отмечена высокой общественной активностью. В эти годы В.И. Лучицкий возглавлял Киевское общество естествоиспытателей, Отдел сырья Киевского комитета военно-технической помощи, Гидрогеологическое управление армий Юго-Западного фронта, инициировал организацию и стал первым директором Украинского Геологического комитета, возглавлял секции Комиссии по изучению природных богатств Украины. Из всех геологов, работавших тогда на Украине, В.И. Лучицкий представил самую глубоко разработанную программу геологического изучения украинской территории.

В.И. Вернадский, формируя первый состав Украинской Академии наук, совершил ошибку, предложив академиком по кафедре геологии П.А. Тутковского, которого считал еще по работам начала века “лучшим знатоком неорганической природы Украи-

ны". Сыграла роль в этом выдвижении и национальная принадлежность П.А. Тутковского. Между тем это был уже 60-летний ученый, по существу исчерпавший свой творческий потенциал, к тому же в течение последнего десятилетия работавший преимущественно как географ, занимавший кафедру географии в Университете св. Владимира и представивший в Комиссию по подготовке законопроекта об основании Украинской академии наук записку об открытии академической кафедры географии. К сожалению, последующие события показали, что П.А. Тутковский сыграл далеко не прогрессивную роль в развитии геологических исследований на Украине в 1920-е годы. Он активно выступал против многих начинаний Украинского Геологического комитета, инициировал передачу богатых коллекций геологического кабинета Киевского университета (Института народного образования) в Академию наук, способствовал формированию обстановки монопольного развития только определенных направлений геологических наук, создал невыносимые условия для работы в Киеве В.И. Лучицкому, Б.Л. Личкову и другим способным геологам, переехавшим в Москву и Ленинград.

Владимир Иванович не обладал качествами борца, хотя последовательно отстаивал научную истину. Переписка его с Б.Л. Личковым неопровержимо свидетельствует о тех поистине титанических усилиях, которые он затратил в трудные 1920-е годы на отстаивание Украинского Геологического комитета. Письма показывают, что к этому времени он хорошо представлял общественно-политическую ситуацию в стране, структуру власти, засилье центра, расстановку сил в руководстве отраслью, что заставляло его действовать энергично и неустанно в извилистых коридорах аппарата. Вообще история драматической борьбы за сохранение Украинского Геологического комитета – наглядная иллюстрация неправомерной и беспринципной централизации народного хозяйства и науки, начавшейся в 1920-е годы и в конце концов заведшей страну в тупик.

Читая письма В.И. Лучицкого Б.Л. Личкову, не складывается впечатление о пассивности и инертности Владимира Ивановича, о спаде его научно-организационной деятельности в советское время. Напротив, он действовал активно и целеустремленно, обнаруживая недюжинные способности администратора.

Фактом остается и то, что именно в УГК под руководством В.И. Лучицкого и Б.Л. Личкова в 1920-е годы сформировалась дееспособная школа украинских геологов, много сделавшая для геологического изучения территории республики, ее минеральных ресурсов, гидрогеологической обстановки и водоснабжения городов и поселков, для решения инженерно-геологических за-

дач строительства. У Владимира Ивановича был талант воспитателя научных кадров, подлинного педагога. Студентов он часто брал с собой на полевые работы, заботился о практической значимости их учебных проектов, многое сделал для повышения уровня подготовки в области петрографии. Преподавательская его деятельность продолжалась полвека, начавшись сразу после окончания университетского курса в 1899 г., и до самой смерти: в Киевском университете (1899–1907, 1912–1919, 1921–1924, 1945–1949). Варшавском политехническом институте (1907–1912), Таврическом университете (1919–1921), Московской горной академии (1924–1930), Московском геологоразведочном институте (1930–1941). Таким образом, школу В.И. Лучицкого прошли сотни специалистов.

Вот воспоминания о преподавательской деятельности Владимира Ивановича доктора геолого-минералогических наук, профессора М.С. Нагибиной, которая училась в МГРИ в начале 1930-х годов, а затем много общалась с ним в семье и в Геологическом институте АН СССР. Эти воспоминания были переданы автору в октябре 1989 г.: “В тридцатые годы В.И. вместе с научной работой в Академии наук СССР большое внимание уделял преподавательской деятельности. На свою кафедру в МГРИ он пригласил квалифицированных петрографов: Ефрема Александровича Кузнецова, Владимира Сергеевича Коптева-Дворникова и Сергея Дмитриевича Четверикова, которые стали его ассистентами, со временем доцентами, позже профессорами. Среди преподавателей кафедры была также Елизавета Сергеевна Добротова. В 1933–1934 гг. мне, студентке МГРИ, посчастливилось слушать лекции В.И. Они не были украшены ораторскими приемами и не были блестящими по форме, но отличались большой глубиной и интересным содержанием. В своих лекциях В.И. стремился отразить новейшие достижения отечественной и мировой петрографии, обычно давал более богатый материал по сравнению с тем, что был изложен в его учебнике, ставя своей целью воспитать мыслящих активных студентов, приучая их творчески мыслить с перспективой в отношении их будущей самостоятельной работой.

По стилю изложения из его учеников и доцентов ближе всего к нему был С.Д. Четвериков. Он также давал в своих лекциях всегда много нового и дополнял В.И. обычно очень живой формой изложения материала. Лекции В.С. Коптева-Дворникова отличались большой детальностью освещения главных проблем петрографии, которые излагались в курсе В.И., и были очень доходчивыми. Лекции по петрографии на кафедре В.И., читавшиеся им и его доцентами дополняли друг друга и, таким образом,

обеспечивали хорошее усвоение курса студентами разных уровней. Надо сказать, что общий уровень подготовки студентов того времени был весьма различным, некоторые из них принимались в вуз без экзаменов и даже без среднего образования, и поэтому лекции В.И. не всегда до них доходили. Были случаи, когда после лекции В.И. некоторые из них подходили к его сыну Игорю Лучицкому, который в это время учился в МГРИ и слушал лекции отца, и просили: “Расскажи-ка нам популярно, о чем говорил твой отец”.

Общая учебная обстановка на кафедре В.И. была очень хорошая, товарищеская и деловая. Студентам во всем старались помочь. Очень большое внимание уделялось практическим занятиям с микроскопом. Для усовершенствования и лучшего усвоения знаний по методике изучения шлифов кристаллических пород под микроскопом разрешалось задерживаться после занятий. Нередко оставались для консультации и преподаватели, а сами студенты охотно помогали друг другу, все старались хорошо усвоить диагностические методы определения минералов и пород.

В.И. любил практические занятия, придавал им исключительно большое значение. На кафедре они были очень хорошо поставлены, было достаточное количество микроскопов, которые В.И. добывал с большой энергией, содержались они в хорошем состоянии, за этим следил лаборант кафедры, мастер по оптическим приборам. Нередко В.И. проводил занятия с микроскопом сам лично и принимал экзамены. Среди преподавателей не было строгого разделения, кто вел теоретическую или практическую часть курса. Все без исключения доценты читали лекции и вели практические занятия сами. В результате такого обучения, высокой ответственности и требовательности преподавателей студенты на кафедре В.И. получали прекрасную подготовку по специальности.

Могу сказать о себе. В дальнейшей своей работе я не стала петрографом, а занялась геологией и тектоникой, однако петрографические методы изучения горных пород меня никогда не затрудняли, и я не отдавала свои шлифы для определения специалистам петрографам, а изучала их сама, и это позволяло мне глубже анализировать полевые материалы и извлекать из них принципиально новую и разностороннюю информацию. Со мною, уже зрелым научным работником-тектонистом, был такой случай. Ко мне нередко, в порядке консультации в ГИНе, обращались по вопросам петрографии и особенно микроскопии. Однажды я определила какой-то редкий минерал, который трудно поддавался диагностике. Пришедший ко мне на консультацию геолог затем обратился с этим же минералом для проверки к

С.Д. Четверикову, и тот подтвердил мое определение. И когда ему сообщили, что определила я, С.Д. воскликнул: “А это Марина определила правильно, но ведь она наша ученица!”.

Много учеников прошло через руки В.И. Лучицкого, недаром он считается основателем московской школы петрографов.

В ГИНе В.И. нередко посещал меня. Мы сидели за письменным столом и обменивались результатами своей работы. Как-то я пожаловалась В.И., что не могу закончить свою статью, так как недовольна ею. Он ответил: “Это очень хорошо, что ты недовольна статьей, было бы плохо, если бы ты была довольна, тогда бы я считал, что на тебе, как на исследователе, надо поставить крест. Статью же надо кончать в том виде, как она есть. При этом необходимо твердо знать, что процесс познания бесконечен, и в любой научной работе, ставя точку, мы должны понимать, что это не конец, и продолжение неизменно последует”. Таков был его принцип как исследователя-новатора и учителя».

Дети

Владимир Иванович рано обзавелся семьей. Первый брак продолжался более двух десятилетий, родились два сына: Олег в 1908 г. и Игорь в 1912 г. В 1920-е годы В.И. Лучицкий женился вторично. С переездом в Москву его связи с детьми нарушились. Детям между тем приходилось трудно. В Киеве не забывалась либерально-демократическая деятельность их деда, члена кадетской партии и депутата Государственной думы. Путь в вузы был для них закрыт. Оба окончили Киевский гидромелиоративный техникум. Олег Владимирович Лучицкий, старший сын Владимира Ивановича, родился в 1908 г. в г. Киеве. После окончания техникума он работал инженером-геологом, а затем научным сотрудником в Киевском геологическом институте. Известие о начале Великой Отечественной войны застало Олега Владимировича в г. Львове, где он находился в служебной командировке. В 1941 г. он добровольцем ушел на фронт, участвовал в боевых действиях в районе Карпат и на Украинском фронте. Контуженным он попал в плен и был отправлен в концлагерь г. Белая Церковь. После освобождения из концлагеря советскими войсками больной Олег Владимирович опять был отправлен на фронт, где у него открылась язва. 5 мая 1945 г. он был прооперирован в военном госпитале г. Железноводска, но умер на операционном столе. Ему было 38 лет.

Жена Олега Владимировича, Капитолина Павловна Лубнина (Лучицкая), 1912 г. рождения, была родом из семьи потомственных священников г. Воткинска Вятской губернии. В послевоенные годы она, вдова рядового солдата, получала мизерную пенсию и работала художником в Каменец-Подольской художественной мастерской. Умерла в возрасте 51 года.

Игорь Владимирович Лучицкий после окончания в 1931 г. Киевского гидромелиоративного техникума не без помощи отца был принят в Московский геологоразведочный институт, учился хорошо, со студенческих лет начал работу геолога-полевика. Женился на своей сокурснице Марине Сергеевне Нагибиной. После окончания института они стали работать в Институте геологических



**Старший сын В.И. Лучицкого
Олег Владимирович Лучицкий**

наук АН СССР. В 1937–1940 гг. Игорь Лучицкий проводил исследования в Забайкалье и Приангарье. В 1940 г. он был призван в армию и с 22 июня 1941 г. принимал участие в Великой Отечественной войне, попал в плен. После освобождения советскими войсками вновь вернулся в строй.

После демобилизации вернулся в ИГН АН СССР, начал преподавать в Московском государственном университете. В 1946 г. Игорь Владимирович защитил кандидатскую диссертацию “Основные черты вулканизма Восточного Забайкалья”, продолжал полевые исследования в этом районе и в верховьях Амура, начал работы по экспериментальной тектонике.

В 1949 г., в год смерти отца, Игоря Владимировича, как побывавшего в плену, по существу выслали из Москвы. Он был переведен на работу в “Енисейстрой” начальником Центральной петрографо-минералогической лаборатории. Затем работал главным геологом Красноярской тематической экспедиции. В 1954 г. был избран заведующим кафедрой Черновицкого университета. Через два года геологический факультет в Черновцах был закрыт, И.В. Лучицкий вернулся в Красноярск, где организовал комплексную лабораторию Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. В 1957 г. защитил докторскую диссертацию “Вулканизм и тектоника девонских впадин Минусинского межгорного прогиба”. В 1962 г. стал заведующим лаборатории экспериментальной тектоники ИГГ СО АН СССР и заведующим кафедрой общей геологии Новосибирского университета. В 1968 г. Игорь Владимирович был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Многочисленные соратники и ученики И.В. Лучицкого (1912–1983) писали в некрологе о нем: “Ушел из жизни выдающийся советский геолог и ученый высокой эрудиции, обладавший огромной работоспособностью и организаторским талантом. Вся научная деятельность И.В. Лучицкого, начиная со сту-

денческой практики от Московского геологоразведочного института, который он окончил в 1936 г., была направлена на изучение геологии Сибири, выявление скрытых в ее недрах минеральных ресурсов, необходимых для наращивания промышленного потенциала нашей Родины. Под его руководством и при непосредственном участии были составлены первые сводные геологические карты Забайкалья и Красноярского края, обосновано важное народнохозяйственное значение нефелиновых руд Кузнецкого Алатау. Многолетние экспедиционные работы на территории Сибири предопределили устойчивый научный интерес к магматическим горным породам и особенно к древним вулканическим областям”¹.

И.В. Лучицкий обосновал новую научную дисциплину – палеовулканологию. Его двухтомная фундаментальная монография “Основы палеовулканологии” (1971) обобщила отечественный и мировой опыт изучения современных и древних вулканов. Президиум АН СССР высоко оценил эту работу, присудив И.В. Лучицкому премию им. А.П. Карпинского в 1976 г. И.В. Лучицкий организовал работу по составлению серии карт “Древние вулканические области и их минералогения”, имеющих целью выявление закономерностей развития вулканизма, формирования и размещения полезных ископаемых, связанных с вулканической деятельностью в фанерозе.

С 1972 г. И.В. Лучицкий – постоянный член Петрографического комитета АН СССР – возглавил Палеовулканологическую комиссию и был организатором целого ряда всесоюзных симпозиумов по основам палеовулканологии, которые проводились систематически каждые два года. Одной из важнейших проблем, обсуждавшихся на симпозиумах, была методика составления мелкомасштабных палеовулканологических карт, принципиальные основы которых разработаны в трудах И.В. Лучицкого.

Яркой чертой Игоря Владимировича была его самоотверженность и высокая преданность профессии, он был в высоком смысле слова настоящим геологом-полевиком, с предельной отдачей работавший во многих районах Сибири и Дальнего Востока, накопивший огромный фактологический материал по геологии, тектонике, магматизму Сибири. Высокая требовательность к себе и другим сочеталась у него с открытостью к товарищам по работе, педагогическим талантом, который раскрылся не только в его преподавательской деятельности в Московском, Черновицком, Новосибирском университетах, но и в полевых условиях, где

¹ Изв. АН СССР. Сер. “Геология”. 1984. № 5. С. 136.



**Младший сын В.И. Лучицкого
Игорь Владимирович Лучицкий
на фронте**



**И.В. Лучицкий
в послевоенные годы**

он с высоты своей эрудиции не устал разъяснять своим спутникам и младшим коллегам сложность геологического строения изучавшихся территорий. В течение многих лет он руководил кафедрой общей геологии и геологии СССР Новосибирского университета, где читал лекции по геотектонике, общей геологии, структурной геологии и палеовулканологии, был вдохновителем проведения Сибирской геологической олимпиады школьников, способствовавшей предварительной подготовке и отбору будущих геологических кадров.

В течение многих лет И.В. Лучицкий являлся заместителем научного руководителя совместной Советско-Монгольской геологической экспедиции АН СССР и АН МНР, в рамках которой им организовано систематическое изучение разновозрастных вулканических областей Южной Сибири и Центральной Азии. По его инициативе и при активном участии коллективом научных сотрудников экспедиции составлены первая карта геологических формаций Монгольской Народной республики масштаба 1:1 500 000, краткая записка к ней и ряд опубликованных трудов, посвященных различным аспектам магматизма и континентального вулканизма МНР.

С 1979 г. Игорь Владимирович работал в Москве в Институте литосферы АН СССР, где им была создана лаборатория палеовулканологии, ставшая центром координации и объединения научных исследований по вулканизму различных регионов Советского Союза. Совместно с ведущими сотрудниками этой лаборатории И.В. Лучицкий руководил большим коллективом советских геологов и палеовулканологов по осуществлению Межведомственной программы АН СССР и Мингео СССР по составлению и изданию серии палеовулканологических карт нашей страны.

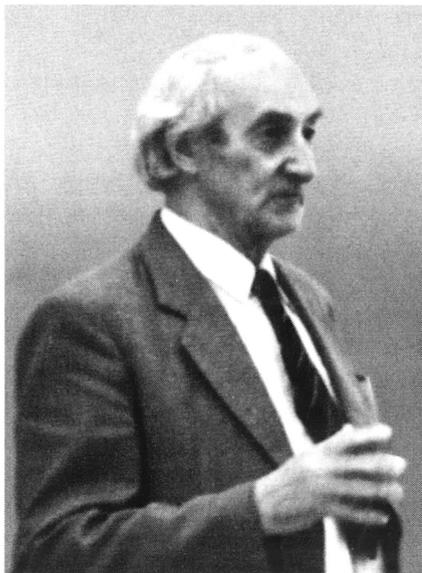
Наряду с проблемами палеовулканологии И.В. Лучицкий в течение ряда лет занимался проблемами тектонофизики и моделированием природных геологических структур. В Институте геологии и геофизики СО АН СССР им была создана лаборатория экспериментальной тектоники. За короткий срок эта лаборатория добилась значительных успехов и приобрела заслуженную известность. В ней впервые для СССР проведено экспериментальное изучение деформаций горных пород при высоких давлениях и температурах, соответствующих условиям глубоких горизонтов земной коры и мантии, а также моделирование различных тектонических структур (рифтовых зон, сводовых поднятий, надвигов, флексур и др.). Все это способствовало разработке принципиально новых тектонических реконструкций, которые имеют важное значение как для теоретической, так и прикладной геологии.

Игорь Владимирович достойно и на новом уровне продолжил дело своего отца, приумножил его достижения в петрологическом изучении горных пород, вывел изучаемые им проблемы вулканизма и тектонофизики на передний край мировой геологической науки.

С судьбой, научной деятельностью Владимира Ивановича Лучицкого связана жизнь первой жены Игоря Владимировича – Марины Сергеевны Нагибиной (1914–2000) – крупного российского ученого-геолога.

Марина Сергеевна родилась в Москве 15 апреля 1914 г. в семье ботаников Сергея Федоровича и Марии Павловны Нагибиных. В 1936 г. с отличием окончила Московский геологоразведочный институт, была оставлена в аспирантуре при кафедре исторической геологии Н.С. Шатского и одновременно направлена вместе с Игорем Владимировичем в Геологический институт Академии наук в отдел тектоники.

Первые свои шаги на геологическом поприще, начатые еще в студенческие годы, М.С. Нагибина сделала совместно с И.В. Лучицким, проводя геологическое картирование в Восточном За-



**И.В. Лучицкий в Президиуме
Всесоюзного палеовулканического
симпозиума в г. Миассе (Урал).
1983 г.**

байкалье. В годы Отечественной войны с 1941 по 1943 гг. М.С. Нагибина, эвакуированная с дочерью и матерью в Иркутск, работала начальником Восточно-Сибирской экспедиции Геологического института АН СССР, проводила геологическое картирование и поиски марганцевых месторождений в окрестностях Байкала и занималась геологией оловянных и вольфрамовых месторождений Забайкалья в группе О.Д. Левицкого и Е.А. Радкевич под руководством академика С.С. Смирнова. В 1944 г. ею была закончена и защищена кандидатская диссертация-монография “Тектоника верхне-мезозойских впадин Забайкалья”, оппонентом которой выступал В.А. Обручев, один из фактических ее учителей.

В последующие годы Марина Сергеевна проводила полевые геологические исследования в малоизученных районах Монголо-Охотского пояса от Прибайкалья и Монголии до Тихого океана, а также в Приамурье, на Сихотэ-Алине, в Якутии и Китае – на Большом Хингане, в Яньшане. Ее монографии “Тектоника и магматизм Монголо-Охотского пояса” (1962), “Стратиграфия и формации Монголо-Охотского пояса” (1969), “Мезозойская и кайнозойская тектоника и магматизм Монголии” (1975) стали настольными книгами для геологов Восточной Сибири, Бурятии, Монголии.

В статье к ее юбилею отмечалось: «Монография “Тектоника и магматизм Монголо-Охотского пояса” была первым в России опытом анализа взаимосвязи тектонических и магматических процессов, проведенного с единых позиций и одним автором. В этой работе была предложена новая концепция тектоники Монголо-Охотского пояса, выделен новый тип мезозойских структур ревивации (оживления ранее созданного гранитного основания), которые по формациям, морфологии и геолого-историческому положению отличаются от платформенных и геосинклинальных. Было предложено и обосновано понятие о внегео-

И.В.ЛУЧИЦКИЙ

Избранные
труды

ВОПРОСЫ
ПАЛЕОВУЛКАНОЛОГИИ

Ответственный редактор
академик А.Л. ЯНШИН



МОСКВА "НАУКА" 1988

Титульный лист тома двухтомного издания избранных трудов
И.В. Лучицкого



**Марина Сергеевна Нагибина и первая супруга В.И. Лучицкого
Маргарита Артемьевна Лучицкая (Каменцева)**

синклинальных гранитоидах. Эта монография в 1961 г. была защищена М.С. Нагибиной в качестве докторской диссертации. Дальнейшие исследования М.С. Нагибиной позволили рассмотреть глобальные закономерности развития структур ревивации и магматизма (пояса активности континентальных окраин в современном понимании), особенно широко проявившихся в мезозое. В работах М.С. Нагибиной показана латеральная изменчивость состава вулканоплутонических формаций внегеосинклинальных гранитоидов и их синхронное развитие с одновозрастными геосинклинальными системами в зоне сочленения континент-океан. Ею обоснована новая концепция структурных связей месторождений олова и вольфрама. На востоке Азии в периферической



М.С. Нагибина на полевых работах в Приамурье. 1950 г.

зоне мезозойд Тихоокеанского кольца она обособила Монголо-Охотский, Яньшанский и Катазиатский структурно-металлогенетические пояса, к которым приурочены крупнейшие оловянные и вольфрамовые месторождения Азии»².

С 1968 г. начался новый этап научной деятельности М.С. Нагибиной – работа в Монголии в составе совместной Советско-Монгольской геологической экспедиции. Благодаря большому опыту и эрудиции М.С. Нагибина возглавила тектоническое направление в изучении мезозоя еще слабо исследованной части Внутренней Азии. В 1981 г. АН СССР за монографию “Мезозойская и кайнозойская тектоника и магматизм Монголии” присудила М.С. Нагибиной, В.И. Коваленко и Е.В. Девяткину премию им. В.А. Обручева, которая присуждается за выдающиеся исследования по геологии Азии.

Работая в Северо-Восточном Китае, М.С. Нагибина на основании сравнительно-тектонического изучения мезозойских геосинклинальных структур и континентальных впадин Востока Азии пришла к выводу о выделении нового типа тектонических

² К юбилею Марины Сергеевны Нагибиной // Геотектоника. 1994. № 2. С. 91.



М.С. Нагибина на полевых работах в Китае (Б. Хинган)



**М.С. Нагибина и Е.С. Долманова на экскурсии в Японском море.
1965 г.**



М.С. Нагибина на экскурсии международного Тихоокеанского конгресса (Хабаровск, 1979). Сидят Н.П. Херасков и П.Н. Кропоткин, стоит Л.Н. Леонтьев

структур, которые отличаются от геосинклинальных и от платформенных. С развитием этих структур (восточно-азиатского и тихоокеанского типа) связано гранитообразование во внегеосинклинальных условиях. Структуры восточно-азиатского типа имеют определенные пространственные закономерности развития и связаны с процессом ревивации (оживления) древних платформ или областей завершённой складчатости в зоне, прилегающей к геосинклинальным системам, одновозрастным этим структурам. Было установлено, что образование структур этого типа не ограничивается только Востоком Азии, а имеет широкое развитие и на других континентах. Это одно из известных научных достижений М.С. Нагибиной.

Многое было сделано Мариной Сергеевной в области тектонического картографирования: составлены тектонические карты Монголо-Охотского, Яншаньского и Катазиатского поясов, карта мезозойской и кайнозойской тектоники Монголии и др.

Как и Игорь Владимирович, Марина Сергеевна была настоящим геологом-полевиком, совершившим множество пеших маршрутов по труднодоступным районам Азии, пустыне Гоби и горам Хингана; сплавов по таежным рекам, тысячи автомаршрутов в Монголии.

Среди учеников М.С. Нагибиной – десятки кандидатов и докторов геологических наук.

Потомки В.И. Лучицкого – наши современники

Среди потомков Владимира Ивановича – наших современников – семь внуков и четверо правнуков. Из них трое внуков и старшая правнучка унаследовали потомственную профессию и стали геологами.

Дети старшего сына Олега Владимировича

Лучицкая Нора Олеговна родилась в 1934 г. в Киеве. Общеобразовательную и музыкальную школы она закончила в г. Каменец-Подольском. После окончания Харьковского музучилища и Новосибирской консерватории по специальности “Музыковедение” преподавала теоретические дисциплины в Новосибирском музучилище, работала на радио и телевидении г. Новосибирска. В настоящее время живет в г. Курске вместе с мужем и дочерью. Занимается просветительской деятельностью и преподает фортепиано детям. Муж Норы Олеговны, Дмитрий Борисович Спасский, – биолог, преподавал ботанику в Фармацевтическом колледже г. Курска. Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер ордена “Знак почета”. Ныне пенсионер. Дочь Норы Олеговны, Елена Спасская, уже в зрелом возрасте окончила Саратовскую консерваторию по специальности “Музыковедение”. В настоящее время ведет филармонические концерты в г. Курске, является ведущим музыковедом и лектором Курской филармонии, преподает в Педагогическом колледже.

Нора Олеговна уже в зрелом возрасте стала писать стихи. Вот одно из ее стихотворений.

Ученый дед купил старинный дом.
Когда-то, видно, счастье было в нём.
Но знал ли милый добрый дед,
Как много в доме будет бед.
Ушел на фронт и не вернулся сын.
Потом отправился еще один.
Олег и Игорь – было только два,
Дед княжеские дал им имена.



Нора Олеговна Лучицкая



Елена Андреевна Спасская

И в лагере два брата побывали,
Но Игорь долго жил, Олег погиб вначале.
А мамочка осталась вдовой.
(Ох сердце наполняется тоской).
Такой красивой, светлою была,
Покой свой только в смерти обрела.
Какой прекрасной в памяти осталась,
Не выдержала мама, надорвалась.

А дед из дома сам ушел потом
И навсегда покинул старый дом.
А бабушка (жестокая судьба!)
В подвале дома страшно умерла.

Вот и теперь стоит чужой тот дом,
Но нет давно Лучицких в доме том,
Большевики наш дом забрали,
другие так и не отдали.

Еще в 17-м году нам дали комнату одну,
Ну а война взяла и ту,
И подвела навек черту.
Живут чужие люди в нем,
И дом теперь за рубежом!

Лучицкая Ирина Олеговна родилась в 1939 г. в Киеве. После окончания общеобразовательной школы поступила на географи-

ческий факультет Черновицкого государственного университета, который окончила по специальности “Метеорология”. В 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию. В настоящее время работает заведующей лаборатории гидрометеорологических исследований СибНИГМИ в Новосибирске, имеет научные публикации. Муж Ирины Олеговны, Ломанов Леонид Александрович, доцент Новосибирского медицинского института. У них двое сыновей Владимир и Александр. В опубликованной работе И.О. Лучицкой “Климатология и климатологи института – целая эпоха” сказано: “Отца давно нет с нами – он умер в госпитале г. Железноводска на операционном столе после тяжелой язвенной болезни 8 марта 1945 г. До войны – инженер-гидромелиоратор, затем научный сотрудник Института геологии АН Украинской ССР в г. Киеве. Война застала его во Львове в командировке. После освобождения из плена был тяжело болен, отправлен в госпиталь. Похоронен в г. Железноводске. Ему было 37 лет. Его жена Капитолина прожила 51 год, умерла в 1961 г.

Семье Олега Владимировича после его ухода на фронт в годы Великой Отечественной войны пришлось пережить трудное время оккупации Киева немцами. Только благодаря помощи сельских жителей окрестностей Киева, приютивших семью, им удалось выжить и не погибнуть от голода.

Дети младшего сына Игоря Владимировича от первого брака

Лучицкая Александра Игоревна родилась 26 апреля 1935 г. в Москве. В довоенные годы семья Игоря Лучицкого жила в коммунальной квартире на ул. Заморенова, где проживали мать М.С. Нагибиной и ее сыновья с семьями. После ухода на фронт Игоря Владимировича, его семья (жена М.С. Нагибина с дочерью Сашей и матерью, Марией Павловной Нагибиной) были эвакуированы в Иркутск, где Саша поступила в школу.

После возвращения в Москву в 1943 г. Саша продолжила учебу в общеобразовательной школе № 609, которую окончила в 1952 г. с золотой медалью. Одновременно окончила она и музыкальную школу-семилетку им. Гнесиных. В том же 1952 г. поступила на геохимическое отделение геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и в 1957 г. окончила его по специальности “Петрография”. Была направлена на работу в только что созданный в АН СССР выдающимся геохимиком-минералогом К.А. Власовым Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов



**А.И. Лучицкая и Г.М. Фремд на могиле В.И. Лучицкого в Киеве.
1972 г.**

(ИМГРЭ), которому после кончины его первого директора было присвоено имя К.А. Власова.

А.И. Лучицкая работала в этом институте около 40 лет. Занималась изучением редкометаллоносных интрузивных и вулканогенных формаций и закономерностей размещения и прогноза связанного с ними редкометалльного оруденения. Участвовала в работах по геологическому изучению обстановки формирования важных в промышленном отношении редкометалльных гранитов и пегматитов Восточного Саяна, работала на Центральном и Восточном Памире, в восточном Забайкалье и Монголии. Защитила кандидатскую диссертацию (1968), имеет многочисленные научные публикации. Была участницей ряда Всесоюзных металлогенических и вулканологических совещаний. Имеет двух дочерей Марину и Елену, 1962 и 1967 гг. рождения. Сейчас пенсионер, помогает старшей дочери воспитывать ее дочерей Марию и Марьяну, 1989 и 1994 г. рождения.

Старшая правнучка В.И. Лучицкого *Марина Валентиновна Лучицкая*, дочь Александры Игоревны, родилась в Москве 20 июля 1962 г. Единственная из взрослых правнуков В.И. Лучицкого продолжила семейные геологические традиции. После окончания в 1979 г. спецшколы с углубленным изучением английского языка поступила на геологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1984 г. окончила его по той же специальности, что и ее дедушка и бабушка И.В. Лучицкий и М.С. Нагибина, – “геологическая съемка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых” при кафедре исторической геологии, возглавляемой академиком Е.Е. Милановским. После окончания университета в 1984 г. и по настоящее время работает в Геологическом институте РАН в лаборатории “Тектоника океанов и приокеанических зон земной коры” под руководством С.Д. Соколова. Она успешно защитила кандидатскую диссертацию, является старшим научным сотрудником. Специализируется в области геодинамики гранитоидного магматизма, петрологии и геохимии гранитоидных комплексов. Научные интересы связаны с изучением аккреционного (тоналит-трондьемитового) магматизма на Тихоокеанской конвергентной окраине. Она побывала на полевых работах в самых отдаленных окраинах России, в Корякии и на Камчатке. Имеет многочисленные научные публикации и монографию “Тоналит-трондьемитовые комплексы Корякско-Камчатского региона, геодинамика и магматизм” (2001 г.), опублико-



Марина Валентиновна Лучицкая



Елена Валентиновна Троц

валась в журнале “Природа”. Имеет двух дочерей, 1989 и 1994 гг. рождения.

Младшая дочь Александры Игоревны Лучицкой, *Елена Валентиновна Троц*, родилась в Москве 7 марта 1967 г. После окончания московской спецшколы № 80 с углубленным изучением английского языка поступила на физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1990 г. окончила его радиофизическое отделение, стала работать (до 1992 г.) в Физическом институте им. П.А. Лебедева. В настоящее время работает в совместной российской-американской туристической фирме.

Лучицкая Мария Игоревна родилась 15 августа 1946 г. в Москве. В 1963 г. окончила общеобразовательную среднюю школу и поступила на биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В декабре 1968 г. уже окончивая университет, трагически погибла.

Дети Игоря Владимировича Лучицкого от второго брака

Александр Игоревич Лучицкий родился 6 сентября 1953 г. в Красноярске. Общеобразовательную школу окончил в Новосибирске, поступил на геофизическое отделение геологического факультета Новосибирского государственного университета. После переезда семьи в Москву А.И. Лучицкий был переведен в МГУ им. М.В. Ломоносова, окончил его в 1975 г. и стал работать научным сотрудником Института физики Земли АН СССР в отделе директора института академика М.Н. Страхова. Имеет многочисленные научные публикации, защитил кандидатскую диссертацию. Его научные интересы связаны с геофизическими аспектами вулканологии, в чем сказалось влияние общения с отцом, который предполагал в дальнейшем активно участвовать в таких, совместных с сыном научных разработках. Этому помешала безвременная кончина отца в 1983 г. После “перестройки” в 1991 г. А.И. Лучицкий уехал работать за границу в Новую Зеландию.

Маргарита Игоревна Лучицкая родилась 31 июля 1956 г. в г. Черновцы на западе Украины. После окончания средней общеобразовательной школы поступила на геохимическое отделение геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончила университет по специальности “Минералогия”. Работала в Институте геохимии и аналитической химии АН СССР в лаборатории директора института В.А. Барсукова по тематике “Термодинамические условия образования оловорудных месторождений

М.В. Лучицкая

**ТОНАЛИТ-
ТРОНДЪЕМИТОВЫЕ
КОМПЛЕКСЫ
КОРЯКСКО-КАМЧАТСКОГО РЕГИОНА
(ГЕОЛОГИЯ, ГЕОДИНАМИКА)**



Обложка книги М.В. Лучицкой

на основе экспериментальных данных”. Ею опубликованы многочисленные научные статьи и защищена кандидатская диссертация “Физико-химические условия формирования касситерит-кварц-флюоритовых минеральных ассоциаций” (1989). После “перестройки” из-за скудного финансирования геологических работ вместе с мужем и двумя сыновьями, Андреем и Игорем, 1989 и 1991 гг. рождения, уехала в Германию.

Светлана Игоревна Лучицкая родилась 12 мая 1960 г. в Красноярске. После окончания общеобразовательной средней школы поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, после окончания которого и по настоящее время работает в Институте всеобщей истории РАН. Продолжает исследовательскую традицию своего прадеда Ивана Васильевича Лучицкого. Защитила кандидатскую диссертацию “Господствующий класс Иерусалимского государства: структура, эволюция, особенности” (1989). Участница международных симпозиумов. Унаследовала от предков способности к иностранным языкам. Защитила докторскую диссертацию (2002).

Документы и публикации

В.И. Лучицкий

История исследования петрологии Украинского кристаллического массива*

По сути начало исследований Украинского кристаллического массива следует относить к первой половине XIX столетия, когда в изучении этого массива принимали энергичное участие геологи Кременецкого лицея и Венского университета, к которым позднее, в середине XIX столетия присоединились геологи Киевского университета.

В особенности большое значение имели для того времени работы Бессера (1820), который изучал граниты Губкова и Клесова, Андржейовского (1823–1855), который установил границу развития гранитов на р. Случь.

Очень много внес в дело изучения северо-западной части Украинского кристаллического массива Яковицкий (1827–1836), который дал довольно полную для того времени характеристику кристаллических пород в том же районе с делением их на граниты и гнейсы, с указанием на развитие графитовых гнейсов в районе Бельчаков, на присутствие здесь пород, которые вмещают турмалин. Ряд описаний этих пород дал Эйхвальд (1826–1846).

Первое детальное геолого-петрографическое описание кристаллических пород с выделением выразительно охарактеризованных типов их, главным образом, гранитов, дал Феофилактов (1851); он первый сделал попытку разделить эти породы на породы разного возраста, ввел терминологию, которая отчасти не утратила значения и до нашего времени.

Изучая кристаллические породы Волыни, Сегет (1840) дал первое описание лабрадоритов Волыни.

Можно при этом сказать, что характерным для периода времени, приблизительно, к началу семидесятых годов XIX столе-

* Публ. по: Український кристалічний масив (Геолого-петрологічний опис). Київ, 1947. С. 7–22. Перевод с украинского В.И. Оноприенко. Имена, приведенные в тексте, в указатель имен не включены.

тия, было то, что при изучении кристаллических пород УКМ применялись в основном методы геологического исследования и макроскопического описания этих пород, с выявлением распространения и взаимоотношений на основе таких исследований кристаллических пород, отличающихся одна от другой внешними признаками. Такими являются работы по изучению этих пород Оссовского на Вольни (1863–1873), Леваковского на территории бывших Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерний (1871), Борисяка (1862), Конткевича в районе Кривого Рога (1880), Клемма в нижней части Днепра (1880), Брио (1872) и прочие.

Одновременно с геолого-макроскопическим изучением кристаллических пород Украинского кристаллического массива и близлежащих к нему районов уже в 1870-х годах, почти одновременно с Циркелем (Лейпциг), Розенбушем (Гейдельберг) в Германии, Иностранцевым (Петербург) в России для изучения этих пород начинает применяться микроскопически-петрографический метод; так, детально описывается микроструктура ровенского базальта под названием вольнита И.В. Мушкетовым (1872) и почти одновременно та же порода описана под названием анамезита А.П. Карпинским (1873, 1874),

Особенно широкое применение получили микроскопические исследования докембрийских и других магматических пород в 80-х годах, в частности в работах Гурова (Харьков), при изучении им пород Мариупольского и Бердянского уездов бывшей Таврической губернии (1880), Полтавской губернии (1893), Пренделем (Одесса) при изучении им кристаллических пород г. Бузулука и верховья г. Саксагани (1883), Миклухо-Маклаем при исследовании Вольни (1888), Лагорио (1889). Еще более широко начал применяться этот метод с переходом к детальному петрографическому изучению этих пород в 1890-х годах не только в отношении микроскопии и химии, что ярко проявилось в работе Морозевича “К петрографии Вольни” (1893), но и в большой, наиболее ценной работе П.П. Пятницкого по изучению кристаллических сланцев Криворожья (1898).

В целом изучение петрографии Украинского кристаллического массива до 1896 г. происходило в петрографо-региональном направлении в связи с общегеологическим исследованием той или другой территории. Лишь некоторые из петрографических работ имели своей целью петрографическое изучение отдельных горных пород, наиболее интересных в том или ином отношении.

К числу таких работ принадлежат работы по ровенским базальтам, упомянутым выше, начало работ по диабазам Исачок в лице Соломки (1884).

4187

АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНСЬКОЇ РСР
ІНСТИТУТ ГЕОЛОГІЧНИХ НАУК

УКРАЇНСЬКИЙ КРИСТАЛІЧНИЙ МАСИВ

(ГЕОЛОГО-ПЕТРОЛОГІЧНИЙ ОПИС)

ВИДАВНИЦТВО АКАДЕМІЇ НАУК УКРАЇНСЬКОЇ РСР
КИЇВ 1942

Титульный лист коллективной монографии
“Український кристалічний масив”

Монографией, которая не утратила своего большого значения и к настоящему времени, В.Е. Тарасенко (“О горных породах семейства габбро из Радомысльского уезда Киевской губ. и Житомирского уезда Волынской губ.”, 1896) начинается новый этап в процессе петрографического изучения кристаллических пород Украины и регионального изучения этих пород, которые велись геолого-петрографическими методами, охватившими почти всю территорию УКМ. В этой монографии освещено огромное разнообразие этих пород УКМ, установлено наличие разнообразных как магматических, так и метаморфических горных пород. Недостаточное изучение минералогического и химического состава этих пород, условий их залегания и взаимоотношений не давали возможности установить их генезис и металлогению. С этим связан переход от петрографического к петрологическому, от описательного к генетическому, от регионального к детальному изучению состава этих пород, структур, взаимоотношений с соседними породами, к обоснованным ответам на вопросы их генезиса, металлогении. Из этого вытекала необходимость постановки детального всестороннего изучения петрографии и петрологии отдельных групп родственных пород, их комплексов, вопросов их генезиса и возраста.

Следует отметить, что до Октябрьской революции все главные работы по петрографии и петрологии велись профессорами и преподавателями Киевского, частично Харьковского и Одесского университетов, а также геологами Геологического комитета. Положение существенно изменилось после революции, когда значительно увеличилось число исследователей за счет Украинского Геологического комитета, потом Украинской академии наук, Украинского геологического управления. За последние годы достигнуты значительные успехи в решении проблем петрологии и петрографии Академией наук и Украинским геологическим управлением с участием Академии наук СССР и ВСЕГЕИ (бывшего Геологического комитета).

Вступление на новый путь исследования – петрологический – начинается указанной выше работой Тарасенко (1896). В ней находим с исключительной полнотой составленное описание минералов, которые входят в состав габбровых пород северной Украины, образованных из разнообразных лабрадоровых пород, данные особо точных, проведенных самим автором химических их анализов, выводы, обоснованные фактическим материалом, вытекающие из него без какой-либо натяжки и фантазии, которые указывают на взаимоотношения выделенных типов, выводы о их генезисе и возрасте по отношению к соседним породам, с выяв-

лением сходства с аналогичными породами других районов и других стран, а также отличия от них.

Конец XIX столетия завершает чисто описательный этап изучения петрографии кристаллических, магматических и метаморфических пород Украины, и петрография уступает место петрологии, в которой на основе данных детального изучения горных пород, их геологии, вещественного состава, взаимоотношений друг с другом появляется возможность получить объективно вытекающие из них выводы о генезисе и эволюции, а также выводы относительно их возможного практического значения и металлогении.

При огромном разнообразии развитых на территории Украины магматических пород – от ультраосновных до ультракислых, от щелочно-земельных до чисто щелочных, от глубинных до изверженных, и метаморфических разнообразнейших типов – первично-магматических и первично-осадочных типов с переходами в виде весьма разнообразных мигматитов и метасоматитов, от чисто магматических до чисто осадочных разной степени преобразованности, петрология получила возможность и сделала необходимой постановку большого количества петрографо-петрологических вопросов, объединенных в ряд значительных проблем научно-практического значения.

Эта серия исключительно интересных вопросов и проблем, которые получают правильные ответы при объективном подходе к их решению, вызвала большой интерес среди минералогов, петрографов, геологов, геохимиков, поставив ряд важных проблем в области петрографии и петрологии украинских магматических и метаморфических пород, на которые за последние 45 лет (1900–1945) получены ответы большого научно-практического значения, в особенности за последнюю четверть столетия.

Эти проблемы разнообразные; главные из них в области магматической петрологии, связанные с осадочной петрологией и проблемами магмы, которые Левинсон-Лессинг перед своей смертью назвал “кризисом магмы”. Это такие проблемы: 1) гранитоидов и мигматитов с метасоматитами, 2) габбро-норитов, 3) рапакиви и родственных им горных пород, которые переходят в габбро, 4) чарнокитов, 5) щелочных пород, 6) ультрабазитов, 7) петрологии тетерево-бугской свиты, 8) эффузивов, диабазов, порфиритов и связи их с щелочными породами, 9) пегматитов, 10) петрологии криворожской свиты, 11) стратиграфии докембрия и возраста его образований, 12) тектоники докембрия.

Перечисленные проблемы охватывают основной круг вопросов установления природы магматических и метаморфических

пород Украины в связи с их значением в деле обороны и народного хозяйства СССР.

Рассмотрим эти главные проблемы с точки зрения того, что сделано по ним, конечно, в очень кратком и далеко не полном виде.

1. *Проблема гранитоидов и мигматитов.* Эта проблема охватывает обе группы горных пород, так как причиной образования мигматитов, включая и метасоматиты, является гранитная магма, так или иначе в настоящее время трактуемая, она оказывает разнообразное влияние, разными средствами интрузируя осадочные (метаморфизованные и неметаморфизованные) и магматические породы, среди последних в особенности ультрабазиты и базиты.

Первое указание на широкое развитие на Украине мигматитов было сделано В.И. Лучицким в 1910 г. на основании исследования им кристаллических пород, главным образом северной части Украинского кристаллического массива в границах 17-го (житомирского) и 31-го (киевского) листов десятиверстной карты.

В 1912 г. А.В. Павлов сделал такое же указание в связи со своими исследованиями докембрия Приазовья.

Эти данные и указания целиком подтвердились последующими исследованиями всех тех геологов и петрографов, которые изучали докембрий Украины.

Подтвердили развитие мигматитов в районе Криворожья в результате своих исследований Дубяга и в особенности Половинкина (1927–1936 – Ингуло-Ингулецкий водораздел), Милай – районы западного Приазовья.

В 1928 г. на большое распространение мигматитов в том же Приазовье указал Безбородько (1928), причем им исключительно не четко охарактеризована относительная роль в процессах мигматизации более древних белых (серых) гранитов, близких по виду к житомирскому типу, с одной стороны, и более молодых, розовых – с другой, как это было показано в более поздней литературе (см. сборник № 1 “Докембрий”, 1937, с. 128). <...>

Детальная характеристика процессов мигматизации дается Безбородько в его работе “Динамограніти, схістограніти, теніограніти та споріднені новоутворення” (1931). В работе “Петрогенезис і петрогенетична карта кристалічної полоси України” (1935) им выделены такие смешанные породы, или миксолиты: 1) микрогранит и тениогранит – 0–35%; 2) мигматиты – 35–65%; 3) инъекционный гнейс – 65–100%.

Исследования последних лет показали широкое распространение на Украине мигматитов очень разнообразного типа, анало-

гичных развитым в таком же виде в других областях развития докембрия (Фенноскандия, Сев. Америка и др.).

Описание и характеристику мигматитов разных частей Украинского кристаллического массива находим в многочисленных статьях и работах петрографов и геологов, которые изучали докембрий Украины (Сердюченко, Семененко, Лучицкий, Кривенко, Лапчик, Лапоть, Козловская и др.).

В частности, Семененко в своих работах коснулся вопроса преобразования темноцветных минералов амфиболовых гнейсов (метабазитов) под влиянием гранитной магмы в породе по схеме Боуэна: оливин → пироксен → амфиболы → биотит (конечный продукт).

Разнообразие пород активных и пассивных, которые входят в состав мигматитов Украинского кристаллического массива дает основание думать, что не только два гранита – “красный”, молодой, и “белый”, более древний, являются активными агентами. Разнообразие пассивных пород, начиная от ультраосновных, сложность и разнообразие первичных осадочных, как и другие обстоятельства, в частности недостаточная изученность самих гранитов, все говорит о том, что проблема изучения мигматитов УКМ далека от разрешения, и дальнейшее изучение их в сравнении с данными по регионам СССР и других стран, в частности Сев. Америки, может дать много нового.

Тесно связанная с мигматитовой проблемой проблема гранитов, вообще гранитоидов, также находится на пути ее разрешения, но пока далека от сбора полного материала по ней.

В области изучения гранитов работал ряд геологов и петрографов, и многое сделано в области петрологии этих пород.

Начало изучения гранитов Украины, как указано выше, было заложено Феофилактовым (1851), который выделил среди них определенные типы и дал им названия, частично по их цвету, частично по месту нахождения; такими являются красные граниты, житомирский гранит, бердичевский и прочие, которые отличаются, по Феофилакову, и по возрасту: более молодыми он считал красные граниты, что подтвердилось и дальнейшими исследованиями.

Довольно подробную характеристику гранитов Волыни дал Тарасенко (1898). Подробное описание ряда гранитов на основании точной петрографической характеристики дал В.И. Лучицкий с разделением их, кроме житомирского (названного Лучицким по месту изучения его им в районе с. Антоновки около Радомышля – антоновским). Кроме того, Лучицким был выделен крупнопорфировидный, родственный житомирскому и бердичевскому, гранит под названием коростышевский (1910); подробно

были охарактеризованы им также граниты р. Рось и Ирша – рапакиви и родственные им породы – биотитовые граниты (1912).

При этом удалось установить возрастные отношения между этими гранитами, а также возраст гранитов разных районов и принадлежность их к сериям определенного возраста. Это было сделано В.И. Лучицким позднее в разработанных им стратиграфических схемах (1916). Исследование им изученных ранее Морозевичем (1901) щелочных гранитов и связанных с ними разнообразных щелочных пород дало возможность Лучицкому установить их более молодой (послекембрийский) возраст.

В специальной большой работе Тарасенко описал плагиоклазовые граниты и диориты Криворожского рудоносного района (1914). Дополнительные данные по этим породам под названием “плагиограниты”, опубликованы Дубягою (1926).

Широкое детальное петрографическое изучение гранитов Украины было проведено Безбородько, результаты изложены сначала в статье “Граниты Волыни” (1927), позднее более детально, с данными многочисленных химических анализов в работе “Петрогенезис” и др. (1935).

Выделяя ряд типов гранитов и гранодиоритов по характеру их структуры и состава, называя каждый тип по месту его нахождения, Безбородько определяет районы их распространения с границами в значительной мере гипотетически. Работа его оказала большое влияние на петрографов, изучавших УКМ.

Он делит граниты на равномернозернистые и неравномернозернистые (порфировые); первые характеризуются отсутствием флюидалльной структуры, вторые – проявлением ее; некоторые типы гранитов имеют в одних участках флюидалльную структуру, в других – она отсутствует (Коростенский, Чудново-Бердичевский и прочие).

Им выделен ряд типов гранитов (24), которые постепенно теряют свое значение.

Карта, составленная автором, является петрогенетической, так как отображает не действительное распространение соответствующих пород, а распространение их влияния; поэтому гнейсы сняты и в то же время отображены магматические процессы, связанные с ними. Наряду с изображением батолитов (Коростенский, Житомирский, Чудново-Бердичевский, Кировский и ряд других), на этой карте отображены области распространения сателлитов, которые отличаются, по автору, инъекционно-лакколитовой формой залегания, что едва ли соответствует действительности.

Автор разделяет (по Харкеру) понятие про катамагму, мезомагму, эпимагму (аплиты, пегматиты).

Автором на карте выделены три района развития эффузивов, установленные раньше другими авторами: северный (Волынь), средний (Криворожье), южный (Приазовье с заходом на Донбасс).

В этой же работе автор дает характеристику ряда других пород (рапакиви, габбро-норитовых и других), и поднимает отдельные вопросы петрогенезиса.

С некоторыми положениями Безбородько трудно согласиться, как и с выделением отдельных типов гранитов; так безосновательны его выводы об отсутствии связи между рапакиви и другими породами; самые типы пород освещены односторонне.

Очень полно описаны Половинкиной (1935) граниты кировского типа в районе Криворожья, как и родственные им типы, а также молодые чернокварцевые граниты.

Вопросы генезиса гранитов, которые широко освещаются в мировой литературе, в литературе о гранитах Украины освещаются очень мало, что актуализирует эту проблему.

В особенности мало изучены геологические условия залегания гранитов, связанные со своеобразными условиями их выходов на поверхность в границах Украины.

В фондах Украинского геологического управления есть ряд очень ценных отчетов съемки районов с развитием на их территории гранитных массивов, связанных в ряде случаев с мигматитами, в них приведены данные химических анализов и результаты петрографического их исследования.

Вообще, в области петрологического изучения гранитов Украины успехи значительны.

2. Далеко вперед продвинулось *петрологическое изучение габбро-норитовых пород*.

Эти породы, развитые, главным образом, на Волыни (северный массив) и на юге Киевской области (южный массив) и изучались в разное время Оссовским (1865), Хрущовым (1867), в особенности детально и в значительной мере с петрологическим подходом В.Е. Тарасенко (1896), Морозевичем (1893), в южном массиве В.Е. Тарасенко (1906), В.И. Луцицким (1912), также Н.И. Безбородько (1928), Л.Г. Ткачуком (1930). Эти исследования дали в значительной мере полное представление о минералогическом, химическом их составе и структуре, о разных типах с переходами от диалоговых сиенитов типа монзонитов через габбро-нориты к оливиновым габбро и габбро-норитам.

Довольно полное представление о них и их взаимоотношениях дано в работе П.И. Лебедева "Габбро-анортозит-чарнокитовый комплекс Волыни" (1934), однако с некоторыми обобщениями его нельзя согласиться в свете фактов, отличных от тех, которые были использованы автором.

Комплекс габбро-норитовых пород Волыни Лебедев выделяет под названием “Основные серии габбро-лабрадоритовых пород” и объединяет их с чарнокитовой серией пород, с чем трудно согласиться, вплоть до рапакиви, что также едва ли обоснованно.

Автор приводит большое количество химических анализов этих пород с выделением детально описанных им типов анортозитов, лабрадоритов, габбро-норитов, оливиновых габбро-норитов, габбро и пегматитов этого комплекса.

Автор проводит аналогию между габбро-лабрадоритовыми породами Волыни и Приазовья, что едва ли правильно, так как характерная особенность волынской серии пород – постоянное наличие в ней пертитового калиевого шпата, тогда как в приазовском эта особенность отсутствует. В этой же работе Лебедев поднимает проблему анортозитов, причем он присоединяется к взгляду Блока на генезис лабрадоритов как результат трения о стенки вмещающих пород кристаллов лабрадора, которые плавали в расплаве.

В работах Лучицкого о габбровых породах обоих массивов (1912, 1936) подчеркивалась своеобразная роль K_2O и в связи с этим и пертитового ортоклаза во всех породах группы габбро северной части Украины, а также существование непрерывного ряда пород, начиная от оливиновых габбро через габбро-сиениты, пироксеновые сиениты к рапакиви и коростенскому граниту; в этих породах генетическая непрерывная связь между ними подчеркивается общим парагенезом: оливин → гиперстен → диалаг → роговая обманка, близкая к щелочной, → биотит; с другой стороны – плагиоклаз (лабрадор → олигоклаз) → пертитовый ортоклаз → кварц.

Немного иначе, чем Лебедев, подходит к той же серии габбро-норитовых пород Безбородько, который объединяет их в виде “габбро-монцонитовой формации”, заменяя тем самым термины “габбровое семейство” (В.Е. Тарасенко, 1896), “габбро-норитовое семейство” (П.Н. Чирвинский, 1926), “габбро-норитовая формация” (Матковский). Эти породы он резко и в целом правильно противопоставляет породам своей “бугитовой серии”, указывая на то, что здесь получается непосредственная серия от габбрового ряда к монцонитовому ряду; при этом и он обращает внимание на наличие у всей серии пертит-ортоклаза, причем одновременно плагиоклаз антипертитовый, т.е. с характерной ролью в этих породах K_2O .

Большой интерес для решения проблемы габбровых пород Украины имеют исследования их Полкановым.

В своих работах (1936, 1937) Полканов применил почти не использовавшийся при изучении кристаллических массивов Украины метод Болка и получил ценные результаты.

Им детально была изучена структура Вольнского габбро-лабрадоритового плутона и установлено существование “краевого комплекса”, названного им “фазой интрузии Ia”, которая представлена средне- и мелкозернистыми, реже средне- и грубозернистыми породами – габбро, габбро-норитами, габбро-сиенитами и лабрадоритами; при дальнейшем охлаждении кристаллизовался “центральный комплекс” – “фаза интрузии Ib” – крупные, реже среднезернистые разности габбро, габбро-норита, норита, лейкократового норита, лабрадорита. В трещинах эта магма могла дать интрузию II незначительного масштаба.

Это новое представление о структуре плутона имеет большое значение при решении вопросов его генезиса и приближает к решению проблемы лабрадоритов в ином виде, чем с точки зрения Болка.

Таким образом, рядом исследователей проведена большая работа по изучению лабрадорито-габбровых комплексов, что позволяет приблизиться к истолкованию его петрогенезиса. Следует добавить, что большое значение имеет также работа П.Н. Чирвинского, связанная с количественным определением состава этих пород (1926), а также Л.Г. Ткачука (1930). Проблема эта также еще требует доработки, в частности в области геологии.

3. В тесной связи с габбро-лабрадоритовой проблемой находится *проблема рапакиви* и связанных с ним горных пород – диалаговых сиенитов, с одной стороны, и диалаговых и биотитовых коростенских, по всем признакам, и осницких гранитов, с другой.

После исследований рапакиви Украины Б.А. Поповым (1935), В.И. Лучицким проведено (1912) более детальное изучение этих пород в районах Ирши, Роси и Ольшанки, установлена закономерность состава рапакиви с парагенезом связанных с ним безовоидных гранитов, оливин-пироксеновых сиенитов и затем габбровых пород; этот парагенез чрезвычайно характерный и не повторяется в других сериях пород иного возраста, отличается значительной стойкостью часто сохранных парагенетических рядов схемы Боуэна (биотит → оливин, лабрадор → олигоклаз → → пертит-ортоклаз → кварц).

Установлен также молодой, иотнийский возраст рапакиви и генетически связанных с ним гранитов и габбровой серии пород.

Остался неосвещенным относительный возраст кислой серии (рапакиви) и основной (габбро). Главное, что не было выявлено, – условия залегания.

Исследование других петрографов – Матковского (1924), Ожеговой (1930) – дополнили данные В.И. Лучицкого.

Интересны данные Соболева, который указывал на то, что среди рапакиви района р. Ирши встречен участок щелочных пород. Это дает основание предполагать, что существует связь между рапакиви и щелочными породами. Следует отметить, что Лучицким в районе, который прилегает к Волновахе (Хлебодаровка), было установлено наличие диалаговых гранитов, которые содержат вместе с кварцем также кристаллы частично корродированного оливина.

Лучицким вместе с Минаковым установлено широкое распространение в районе развития рапакиви рапакививидных гранитов и коростенских гранитов на Волыни (бассейн р. Ирши, Горыни), в речных песках касситерита, часто в промышленных количествах. Касситерит был найден В.И. Лучицким и в самом рапакиви.

Основная здесь задача – выявление условий и глубины первичного залегания рапакиви и уточнение его возраста и геологии.

Кроме развития рапакиви и родственных ему пород в районе р. Ирши, Горыни, Ужа, на юг от р. Рось, р. Ольшанки Чирвинским установлено наличие массива таких же пород, как продолжение ольшанско-млиивских, описанных В.И. Лучицким. Выходы их дальше по р. Ташлык в связи с переходами к габбровым породам были изучены детально Л.Г. Ткачуком (1930). Наличие рапакиви было установлено В.И. Лучицким одновременно с лабрадоритами около Волновахи.

4. *Проблема чарнокитов* близка к проблеме мигматитов. Развитие такого рода пород установлено было В.И. Лучицким по р. Тясмин у Каменки (1913). Во втором издании “Петрографии” В.И. Лучицкого (1922) к чарнокитовым породам были отнесены гиперстеновые породы Побужья. К чарнокитам отнес эти породы и Безбородько.

Эти породы в районе Побужья занимают большое пространство. Они неоднократно изучались петрографами – Лагорио (1896), В.Е. Тарасенко (1909), Д.Н. Соболевым (1898), А.Н. Козловской (1928), подробно описаны под термином “бугитовой свиты” Н.И. Безбородько (1933–1937).

В.И. Лучицкий указал (1929) на то, что эти породы не являются породами магматическими. Установление в них характерного парагенеза – плагиоклаз, ортоклаз, кварц, гиперстен и биотит – дает основание относить их при гранитной структуре к гиперстеновым или гиперстен-биотитовым гранитам, как это и делали Лагорио, В.Е. Тарасенко и прочие.

Но установленное В.И. Лучицким (1941) большое распространение в них кордиерита часто с “висячими” полисинтетическими двойниками и нередко с резко выявленными плеохроичными ободками в сопровождении шпинели, силиманита и граната заставило В.И. Лучицкого отнести эти породы к глубоко метаморфизированным осадочным породам, судя по наличию в них силикатно-карбонатных участков, мергелистых преимущественно, описанных В.Е. Тарасенко (1913), В.И. Лучицким (1929), А.Н. Козловской (1928), В.А. Сельским (1898) и другими, причем эти породы были глубоко изменены привнесением гранитной магмы.

Интересно то, что тот же парагенез, за исключением гиперстена, но при наличии графита, существует в бердичевских гранитах, точнее гранат-кордиеритовых биотитовых серых гранитах с густыми силикатными и силикатно-карбонатными включениями; парагенез в гранитах: кварц → олигоклаз → микроклин → биотит → гранат, кордиерит → силиманит → графит, который подтверждает общую генетическую связь между чарнокитовой серией (гранит + осадок) и бердичевской серией (осадок + гранит).

В своей работе о чарнокитовой серии П.И. Лебедев (1934) разделяет породы, которые входят в выделенный из общего генезиса габбро-анортозит-чарнокитовый комплекс, на такие серии пород разной степени кислотности, распределенные в разных частях УКМ:

I) кислая серия – красные гранофировые граниты, распространенные на широкой площади по системам рек Жерев, Уж, верховьях р. Ирши и включающие: 1) красные гранофировые граниты, описанные в частности В.Е. Тарасенко (1898); 2) порфирировидные граниты, выделенные В.И. Лучицким (1912); 3) рапакиви малинского типа, описанные им же (1912).

II) средняя серия – чарнокитовые породы. Эта группа, по Лебедеву, очень сложная, номенклатура ее запутанная и неопределенная. Сюда он включает по сути разного генезиса породы, похожие лишь по некоторым признакам друг на друга – габбро-гранит Морозевича (Волынь), норито-сиенит В.Е. Тарасенко (Киевская обл., р. Ольшанка), гранодиорит и кварцевый сиенит А.С. Гинзберга (Приазовье), кварцево-биотитовый диорит В.Н. Чирвинского (Киевщина), пироксеновый сиенит Безбородько (Хлыстуновка, Киевщина), чарнокит Ю.И. Половинкиной (р. Ингулец); к ним же относится ряд пород, которые имеют более основной характер, и П.И. Лебедев объединяет их все под термином чарнокитовые породы, не считаясь с их разным возрастом.

Все же общее состоит в том, что Лебедев объединяет в эту группу те породы, которые находятся в северной и средней части Украинского массива в генетической связи с габбровыми породами иотнийского возраста и потому не связанные с чарнокитами Подолья, т.е. П.И. Лебедев вносит новое в терминологию, которую употребляли В.И. Лучицкий и Н.И. Безбородько; получают: 1) чарнокиты Лучицкого-Безбородько-Ткачука и в противоположность им 2) чарнокиты Лебедева.

Н.И. Безбородько подробно описал темноцветные породы Подолья (1931) и предложил новый термин “бугитовая серия” вместо термина “чарнокитовая серия”, в связи с тем что породы, которые входят в эту группу, отличаются от типичных чарнокитов. Имея в виду эти отличия, он предложил ряд новых терминов для этих пород – продуктов мезомагмы, частично и эпимагмы, к которым он относит типичный чарнокит, в понимании Голланда.

Новая терминология значительно усложняет представление о породах, с которыми связаны эти новые термины.

Один из выводов Безбородько состоял в том, что серия чарнокито-норитовых пород объединяется географически с древними осадочными породами карбонатного и глинисто-доломитового типа, которые дали начало известняково-силикатным гнейсам, мраморам, пироксено-плаггиоклазовым гнейсам и их ксенолитам.

В работах Н.И. Безбородько есть значительный, фактический материал, с теоретическим трактованием и обобщениями которого часто невозможно согласиться, а его терминология имеет только историческое значение.

Большой интерес представляет работа Л.Г. Ткачука “Гайворон-Завальський комплекс чарнокіто-норитових порід та зв'язані з ними родовища хроміту” (1940). В этом районе им установлено развитие серии осадочных пород тетерево-бугской свиты (силиманит-гранат-кордиеритовые гнейсы, биотитовые, гранат-биотитовые, графитовые гнейсы и кристаллические известняки); рядом с ними, как и дальше на север, развиты породы чарнокит-норитовой и чарнокит-анортозитовой серии, отнесенные Безбородько к комплексу “темноокрашенных пород Подолья” или к его “бугитовой серии”.

Характерно для данного района развитие серий таких горных пород: перидотиты и пироксениты, габбро-нориты и габбро-амфиболиты, чарнокиты и аплиты-пегматитовые граниты, пегматиты и кварцевые жилы гранатовых и магнетитовых пород; приведены многочисленные химические анализы этих пород.

Вопросы генезиса чарнокитовых пород поднимал ряд иссле-

дователей, которые приходили к разным, иногда противоположным, выводам (Полканов, Лебедев, Половинкина, Безбородько, Ткачук и другие).

Следует предположить, что “чарнокитовые” породы совсем мало изучены и что для решения чарнокитовой проблемы необходимо накопление дополнительного объективного материала, т.е. решение проблемы может быть достигнуто коллективной научно-исследовательской работой.

Чарнокитовая серия, с которой тесно связаны проявления металлогенеза Cr, Ni и возможно других элементов, кроме самих пород и графитовых месторождений, которые сопровождают их, имеет, бесспорно, большое научно-практическое значение.

5. Довольно детально, но далеко не целиком, разработана более сложная *проблема пегматитов*. Основные работы по пегматитам Украины проведены Безбородько (граниты и связанные с ними пегматиты), Сагайдаком (1935), в последнее время Н.П. Семеновко, который изучал особенности их парагенеза и выделил в очень интересной работе ряд типов пегматитов Украины.

Большая работа по изучению пегматитов как полевошпатового сырья проведена Назаревичем (1927) с целью обоснования источника сырья для запроектированного большого фарфоро-фаянсового завода в Мариуполе.

Ряд минералогов изучали пегматиты и граниты, с которыми они связаны, в поисках редких металлов, элементов, земель – Юрк (1937), Амбургер (1930), Б.А. Гаврусевич, Л.Л. Иванов, проводивший на протяжении ряда десятилетий изучение минералов УКМ – турмалина, ортита, топаза и других; Лапчик (1932) и другие.

В области геохимии большая работа привела к установлению закономерностей распределения этих элементов в границах УКМ (М.М. Ивантишин и другие).

Щелочные породы, наличие которых была установлено еще в начале XIX в. (Иваницкий), обратили на себя внимание ряда исследователей-петрографов. Из них Морозевич был первым, подробно изучившим их геологию, минералогический и химический состав и еще в 1901 г. выделившим среди них новый тип нефелинового сиенита – мариуполита – своеобразного нефелинового сиенита, бедного K_2O и богатого Na_2O , с полевым шпатом, представленным только альбитом.

В монографии “Мариуполит и родственные ему породы”, напечатанной на польском и немецком языках (1930) приведены также химические анализы и подробное описание оптических свойств ряда минералов, частично новых, щелочных роговых обманок (тарамит, фтортарамит), эгирина, нефелина и других.

А.С. Гинзберг описал петрографию всей серии щелочных пород Приазовья (1916), в его работе есть и ряд химических анализов этих пород, начиная от щелочных (натровых) гранитов и кончая нефелиновыми сиенитами.

Л.Ф. Айнберг после детального исследования щелочных пород Приазовья дал дополняющие Морозевича и А.С. Гинзберга (1933) данные.

Результаты этих исследований, с добавлением своих собственных, дали возможность П.И. Лебедеву (1934) привести значительно более полную характеристику щелочных пород, выделив комплекс трех групп, включив в них изученные ранее перидотиты и пироксениты (Морозевич, А.С. Гинзберг, Л.Ф. Айнберг), затем группу габбро-норитовых пород (Л.Ф. Айнберг), тесно связанных с ультрабазитами, – ее он называет чарнокитовой группой. Это дает основание для пересмотра данных по всем породам УКМ, которым присваивается этот термин, тем более, что сюда включены весьма разнообразные горные породы по вещественному составу, структуре, геологическим условиям нахождения, петрологическому парагенезу и, в конце концов, по генезису.

П.И. Лебедев выделяет здесь такие комплексы:

1. Комплекс пород *основной магмы* с выделением в ней трех серий: а) чарнокитовой (габбро-сиенитовой); б) жильной; в) габбро-пироксенит-перидотитовой.

2. Комплекс пород *щелочной магмы*, среди производных которой он выделяет:

А. *Фации глубинных пород*: 1) Щелочные сиениты (авгитовые, гастингситово-тарамитовые, графитовые) нордмаркиты; 2) нефелиновые сиениты (фойяиты гастингситово-тарамитовые, эгириновые); 3) мариуполиты.

Б. *Фации жильных пород с выделением серий*: 1) щелочных пегматитов; 2) грорудит-сельвсбергитовой; 3) лампрофировой; 4) апатит-флюоритовой.

Наличие в первом комплексе щелочных амфиболов и пироксенов оправдывает объединение этих пород в одну генетическую группу.

Приводится значительный материал по минералогическим и химическим составам пород обоих комплексов, по оптике порообразующих минералов, по характеристикам отдельных типов горных пород.

Иначе подходит к характеристике, далеко неполной, тех же пород Н.И. Безбородько (1935), включая щелочные породы в “сиенитовую формацию” и выделяя в ней мезомагматические продукты, к которым он относит щелочной гранит каранского типа, щелочно-кальциевый сиенит, монцонит, пироксенит.

Все эти породы освещены неполно, без использования данных предшествующих исследователей.

Нефелиновые сиениты он относит к составу сиенитовой формации эпимагмы.

Эти породы Н.И. Безбородько относит к продуктам воздействия процессов ассимиляции осадочных карбонатных пород на мезомагму.

Результаты исследований В.И. Лучицким этих же пород (1927, 1930, 1935) дали основание считать, что здесь существует комплекс щелочных пород, начиная от перидотитов и пироксени-тов через габбро-норитовые породы, причем все они имеют черты щелочных пород, судя по установленному Лучицким наличию в них баркевикита; дальше идет ряд пород, ненасыщенных щелочными роговыми обманками, эгирином, эгирин-авгитом – щелочные граниты, щелочные кварцевые сиениты (нордмаркиты), щелочные сиениты, частично лейкократовые (микрпертиты). Часто это по химическому, минералогическому составу и структуре разнообразные нефелиновые сиениты с большим количеством их разностей, начиная от фойяитов до мариуполитов; это естественный вывод комбинации 2–3 и больше таких минералов, кроме микроклина, нефелина и альбита, таких как: 1) канкринит; 2) содалит; 3) ряд щелочных роговых обманок; 4) эгирин; 5) эгирин-авгит; 6) лепидомелан; не говоря о таких второстепенных минералах, как циркон, пирохлор, беккелит, графит и прочих, характерных для отдельных разностей.

Установлено также незакономерное распределение состава и структур в массивах, главным образом, мариуполитовом; установлен молодой, послекембрийский возраст этого комплекса. Ценной является работа Куплетского по пегматитам Приазовского щелочного массива (1939).

Ряд дополняющих данных привел Царовский.

Вообще следует отметить большой успех в деле изучения проблемы щелочных пород, которые имеют на Украине большое распространение, а именно в Мариупольском районе – мончикиты и камптониты р. Миус (Морозевич, 1903), баркевитовые порфириты близ Нагольного кряжа, изученные В.И. Лучицким; щелочные (эгириновые) полосатые сиениты возле г. Осипенко, выявленные В.И. Лучицким; щелочные сиениты Волыни возле Гуты Потиевской (Соловьев, 1930; В.С. Соболев и Салтыков, 1935).

Тем не менее, при большой изученности этой проблемы, наличия большого обработанного материала, пока отсутствуют объективные выводы, что указывает на необходимость дальнейшего изучения комплекса этих пород (перидотиты-щелочные

граниты-нефелиновые сиениты-пегматиты- жильные серии); необходимость дальнейшей разработки этой проблемы связана с наличием в них редких элементов – Се, La, Di, Au и других – и такого минералообразования, как циркон, бекелит, паризит, пироксид и другие. Широкое развитие щелочных гранитов и сиенитов чрезвычайно показательно.

Очень мало пока сделано по изучению щелочных пород, главным образом, типа метаморфических, частично тесно связанных с рудообразованием (Свитальский, 1935; И.И. Танатар, В.И. Лучицкий, 1941 и прочие).

6. *Вопросу роли ультрабазитов* в последнее время, приблизительно после 1930 г., отводится много внимания в работах украинских петрографов. Раньше они изучались, главным образом, в Мариупольском районе в связи с нефелиновыми сиенитами (Морозевич, А.С. Гинзберг, Л.Ф. Айнберг, В.И. Лучицкий, П.И. Лебедев и другие).

Очень мало сведений было о развитии этих пород в западной части кристаллического Приазовья (Власенко, 1920); лишь в 1932 г. во время геологической съемки Побужья установлено развитие здесь серии пород перидотиты-габбро-диориты, частично сильно метаморфизованных, что резко отличает их от аналогичных пород восточной части кристаллического Приазовья; они входят здесь в состав чарнокитовой серии (Дубяга, 1937); установлено было наличие в них хромита.

В 1940 г. опубликована работа Ткачука о Гайворон-Завальском комплексе чарнокито-норитовых пород и связанных с ними хромитах, где автор подробно изучил петрографию этого района, выделил осадочные породы – силиманит-гранат-кордиеритовые, биотитовые, графитовые гнейсы, кристаллические известняки, установил свиту связанных с ними магматических пород – перидотитов и пироксенитов-габбро-норитов и амфиболитов-чарнокитов, красного аплит-пегматитового гранита, гранатовых и магнетитовых пород, хромитов, ультраосновных и основных пород, которые являются здесь древнейшими магматическими образованиями; из них сложены ксенолиты в чарнокитах и красных гранитах.

Устанавливается последовательное образование ультраосновных пород в таком виде: гарцбургиты (частично гиперстенины) → верлиты (частично диалагиты) → гиперстенины → вебстериты → диалагиты. Через плагиоклазовые пироксениты эта серия пород связывается с габбровыми породами.

Чарнокитовые породы тесно связаны с красным гранитом. Существует много химических анализов.

В.И. Лучицким изучены (1940) ультраосновные и основные породы юга Украины и установлен ряд их типов по петрографиче-

ческому составу и данными химических анализов, с указанием на то, что тогда как на севере УКМ габбровые породы при отсутствии ультрабазитов связаны с крайними членами в виде лабрадоритов (тоже и в средней части УКМ), на юге они связаны с ультрабазитами, широко здесь развитыми, при почти полном отсутствии лабрадоритов.

Для западного Приазовья характерно широкое преобразование оливина и пироксена в амфиболы, в частности, в оливин.

Очевидно, что мы находимся на начальной стадии решения проблемы ультрабазитов Украины, разнообразного состава комплексов, генезиса и возраста, при наличии в них Cr, Ni и других ценных элементов большого практического значения.

7. Серия горных пород, названная Лучицким *тетерево-бугской*, встречаемая в ряде мест Украины, до настоящего времени оставалась не изученной в достаточной мере не петрографически, не петрологически; нет также сравнительного сопоставления пород разных мест ее распространения.

Общее представление о степени ее изученности ясно выступает при сравнительном сопоставлении ее изучения в разных частях УКМ.

В северной части Украины, на Волыни и севере Киевщины тетерево-бугские породы развиты по р. Тетереву ниже Коростышева, особенно хорошо от Козиевки к местности немного ниже Радомышля.

Наличие их впервые было установлено Теофилактовым (1879), изучено петрографически Тутковским (1892) и особенно детально Лучицким (1919).

Здесь установлено развитие типичной осадочной метаморфической свиты, в состав которой входят: 1) биотитовые парагнейсы, 2) свита биотитовых сланцев, 3) силикатные известняки с минералогическим парагенезом: кальцит, кварц, зеленая роговая обманка, клинопироксен (диопсид-геденбергит), эпидот, местами плагиоклаз; 4) кристаллические известняки Козиевки со сложным парагенезом в отдельных участках.

Графит пока что здесь не был выявлен.

В районе Марьяновки силикатные известняки перерезаются дайкою серого равномернозернистого биотитового гранита житомирского типа, который явным образом указывает на более древний возраст этих пород, чем житомирский гранит.

Она прослеживается, прорезанная в ряде мест житомирскими гранитами, частично в виде мелких и крупных ксенолитов в последнем, вплоть до окраин Коростышева и Житомира и дальше выше по Тетереву, Гуйве, Гнилопятае (у Шумска), иногда в большей или меньшей мере контаминируя житомирские граниты;

следы контаминации прослеживаются и дальше в районе Бердичева, Райков, где контаминация выявлена в виде развития серых биотит-гранат-кордиеритовых гранитов, которые называют обычно чудново-бердичевскими. Осадочная метаморфическая свита представлена здесь, в частности, возле Житомира, биотитовыми парагнейсами, вмещающими местами гранат и силиманит (надо думать и кордиерит) и следы их в виде контаминаций чудново-бердичевских гранитов (по сути житомирских), проявившихся в развитии в них глиноземных минералов – граната, кордиерита, силиманита, частично и чрезвычайно характерного “осадочного” минерала – графита.

Простираение в них от Шумска к Козиевке NO: 15–45°; от Козиевки к Радомышлю NO: 15–45°; возле Радомышля и ниже NO: 5–15°.

Совокупность новых данных, в частности, В.И. Лучицкого, без сомнения доказывает неудовлетворенность петрографов исключительно сложной, нерациональной терминологией гранитов, разработанной и внедренной Н.И. Безбородько (1934).

Второй район развития горных пород Тетерево-Бугской свиты – Побужье, которое изучалось В.И. Лучицким, А.М.Козловской (1928), Дубиной (1933), в последнее время Ткачуком (1940) и другими, характеризуется как район, на территории которого развит сложный осадочно-метаморфический комплекс, интродуцированный затем молодыми гранитами и другими магматическими породами; здесь удалось обнаружить детали состава осадочно-метаморфических пород, представленных биотитовыми, частично силиманитовыми, гранато-сиенитовыми и другими, в частности мощно развитыми графитовыми гнейсами, вместе с карбонатными породами. Комплекс очень близкий Тетеревскому.

Третий район, изучавшийся Лучицким (1940), Н.П. Семененко (Ингулецко-Желтореченский, Криворожье), с развитыми вблизи криворожской свиты графитовыми гнейсами и вмещающими их биотитовыми и другими гнейсами, карбонатными породами, пока изучен недостаточно, несмотря на ряд исследований возраст этих пород пока не ясен.

Четвертый район – Старокрымский у Мариуполя, который имеет петрографический характер, очень близкий к Ингулецко-Желтореченскому, в особенности полно охарактеризованный в работе Сердюченко (1928).

Пятый район – Бердянский, очень схожий со Старокрымским, изучался рядом геологов и петрографов (В.И. Лучицкий, Шапиро и другими), но также изучен недостаточно.

8. Большая работа проведена по изучению *эффузивных и дайковых пород* Украины.

Кроме успехов в изучении базальтов Ровенского района, указанных выше, изучены диабазы Исачок (Соломко, 1884; Морозевич, 1898; П.Я. Армашевский, 1903), также роменские диабазы, сведений по которым пока недостаточно.

Выявлены новые обширные области развития этих пород на северо-западе – В.Н. Чирвинский (1925), В.И. Лучицкий и М.И. Ожегова (1941) – и другие не менее значительные “диабазовые провинции” в районе Криворожья и дальше к Днепру по Бузулуку и другим речкам (Криворожско-Никопольский диабазовый район).

Изучена выразительная по разнообразию и количеству дайковых и вулканических пород Приазовская дайковая провинция с дайками разных пород, частично типа щелочно-земельных со всеми переходами от оливиновых пикритов через базальты и диабазы, палеоандезиты и порфириты и их туфы, палеолипариты, кварцевые порфириты, кирпичные, красные палеотрахиты и порфиры, а также разнообразные щелочные породы – сельвсбергиты, баркевикитовых разной кислотности жильных пород и до баркевикитовых базальтов и камптонитов, монцонитов, лимбургитов, как это видно из работ Морозевича (1901), В.И. Лучицкого, А.Ф. Айнберг (1933), П.И. Лебедева и ряда других исследователей. Наличие в некоторых из них золота, широко распространенного от г. Осипенко до Нагольного кряжа, придает их проблеме большое значение.

С любой из указанных выше проблем тесно связан ряд практических вопросов: полезных ископаемых и металлов Mo, Be, W, Cr и других; распространенность неметаллов – графитов, бокситов, каолинов, известняка, полевых шпатов, кварца и других, исключительно разнообразных, широко распространенных строительных материалов и т.д.

Вообще на сегодня существует большой уже обработанный материал по Тетерево-Бугской проблеме, которая требует сравнительного геолого-картографического и геолого-петрографического исследования.

Исключительно сложными и в многих случаях спорными являются вопросы петрологии и геологии криворожской серии. Большая исследовательская работа геолого-петрографического характера, которая проводилась на протяжении десятилетий Конткевичем, Пятницким (1898), Михальским, Фаасом, Тарасенко (1914), Танатаром (1917–1940), Свитальским, Дубягой, Половинкиной, Дубровой, Н.П. Семененко, С.П. Родионовым, Каниболоцким, В.И. Лучицким и рядом криворожских геологов, в частности Гершойгом и Белевцевым, дала большой материал геолого-петрографического характера и

много, иногда резко противоречащих друг другу, генетических построений.

Из работ этих исследователей прежде всего следует отметить работы Пятницкого, которыми впервые установлен генезис и возраст Криворожского месторождения и которые, несмотря на свою давность, во многих вопросах не утратили своего значения и до нашего времени. Ценной работой в изучении Кривого Рога является также монография, написанная коллективом геологов Геологического комитета под общим руководством Свительского. Проведенная этим коллективом работа впервые дала возможность составить подробную геологическую карту Криворожского бассейна (1932), которая подытоживает геологические работы по Кривому Рогу за первые тридцать лет XX столетия.

Из работ, проведенных за последние годы, особого внимания заслуживают многочисленные работы Семененко (1927–1945), которые касаются как геологии и петрографии, так и особенностей структуры Криворожского месторождения и которые увенчались появлением в 1945 г. капитальной монографии о структуре рудных полей Криворожского железорудного месторождения и многофазности его формирования. Заслуживают внимание также монографические работы Каниболоцкого и Родионова, которые вместе с работами Н.П. Семененко и геологов Криворожья Белевцева, Рудницкого, Зверюги дали возможность составить новую, более обоснованную стратиграфическую схему Криворожского региона в широком понимании этого слова (Большого Кривого Рога) и определить наличие более молодых, чем Криворожская серия гранитных интрузий. Эта стратиграфическая схема в данной работе и приводится.

Следует также отметить работы Родионова по интерпретации магнитных аномалий (Верховцево, Чертомлык, Конка, Ореховое, Корсак-Могила и др.), что значительно расширяет базу Криворожского железорудного месторождения.

Тем не менее, несмотря на большое количество проведенных важных исследований, сложность строения Криворожского региона требует и дальше настойчивых исследований, которые в первую очередь должны быть направлены на изучение особенностей генезиса, структуры и геохимии месторождения, а также на расширение его территории. Проблема железистых кварцитов, могущественного источника железа для СССР, явилась во весь рост и должна быть разрешена в ближайшие годы.

Изложенная выше краткая характеристика успехов в решении ряда чрезвычайно важных и многочисленных петрографических проблем показывает насколько велики были успехи “университетского” периода развития петрологии Украины (1896–

1917) и каковы разительные успехи в этой области в советский период (1917–1945). Благодаря возможности более широко и основательно проводить исследования, геологи и петрографы Академии наук УССР, Украинского геологического управления (прежде комитета) с участием геологов Академии наук СССР и ВСЕГЕИ намного продвинули вперед дело изучения очень сложных проблем петрологии Украины.

Из писем И.В. Лучицкого

[ПУБЛИКАЦИЯ Л.В. ТАРАН]*

Публикуемые ниже семь писем И.В. Лучицкого (шесть написаны им из Франции) составляют часть его богатого, еще не введенного в научный оборот, эпистолярного наследия, которое хранится в отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве. Отобранные письма расположены в хронологической последовательности.

В 1871–1874 гг. И.В. Лучицкий находился в своей первой заграничной командировке. Два первых письма¹ адресованы им другу, профессору Киевского университета Владимиру Степановичу Иконникову (1841–1923) и отправлены из Парижа соответственно в Киев и Гейдельберг, где Иконников был в командировке с 1 сентября 1872 г. по 1 сентября 1873 г.

С В.С. Иконниковым Лучицкий переписывался в течение всей жизни. В Киеве хранятся 33 письма и одна открытка к нему, написанные с 1865 по 1911 гг. Первые – И.В. Лучицкий писал, когда ему едва минуло 20 лет, последние – в конце жизни. Корреспондентов многое связывало. Оба своей деятельностью немало способствовали тому, что, начиная с 1870-х годов Киев наряду с Петербургом, Москвой и Харьковом стал одним из центров исторического образования в стране. Лучицкий и Иконников в течение десятков лет преподавали в Киевском университете. В.С. Иконников избирался деканом историко-филологического факультета и главным редактором “Университетских известий”, на страницах которых увидели свет магистерская и докторская диссертации И.В. Лучицкого и множество других его научных статей и документальных публикаций². Оба ученых были в числе членов-учредителей и активных деятелей Исторического общества Нестора-летописца.

Труды В.С. Иконникова по истории идеологии и культуры России, русской историографии сохраняют справочное значение до сих пор.

* Публ. по: Французский ежегодник, 1987. М. 1989. С. 192–219.

¹ ОР ЦНБ АН УССР, ф. 3, д. 49991, 49990.

² См.: Библиографический указатель трудов И.В. Лучицкого и литературы о нем // История и историки, 1981. М., 1985. С. 287–294.

Следующее письмо отправлено И.В. Лучицким из Дижона в Киев³ Евгению Александровичу Кивлицкому (1861–1921), который в 1881–1889 гг. учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, слушал лекции И.В. Лучицкого и В.С. Иконникова. С 1890 г. он в течение трех лет редактировал журнал “Киевская старина”, издание “высокой культурной и научной ценности”⁴. И.В. Лучицкий поместил здесь десять статей и две документальные публикации. В 1904–1905 гг. И.В. Лучицкий вместе с Е.А. Кивлицким редактировали газету “Киевские отклики”. Среди ее сотрудников была и жена Лучицкого – Мария Викторовна. Она вспоминала, что “однажды И.В. и его соредактор пропустили статью, которая подверглась преследованию цензуры, оба редактора были привлечены к ответственности и оштрафованы на 500 рублей каждый”⁵.

В январе 1919 г. Е.А. Кивлицкий был избран членом комитета по основанию Всенародной библиотеки Украины (ныне Центральная научная библиотека АН УССР), а с декабря 1920 г. был фактически ее директором. При нем в 1919 г. библиотека приобрела у Марии Викторовны личный архив И.В. Лучицкого и около 20 тыс. книг из его собрания. К сожалению, в компактном виде эта коллекция в фондах библиотеки не сохранилась.

Третий адресат Лучицкого – Мария Викторовна Лучицкая, верный друг и помощник своего мужа, человек высокой культуры и образованности. Она прекрасно знала скандинавскую литературу, переводила с немецкого, французского, английского, итальянского, испанского, датского, норвежского и шведского языков, в том числе и исторические сочинения, выходившие под редакцией И.В. Лучицкого. В Киеве хранятся 33 письма и три открытки И.В. Лучицкого к Марии Викторовне, большинство из них написаны во Франции во время его научных командировок; 14 писем датированы 1894 г. Мы отобрали четыре письма; последнее написано из Петербурга, куда Иван Васильевич переехал в связи с избранием его депутатом III Государственной думы, и датировано нами лишь приблизительно⁶.

Первые два письма И.В. Лучицкого к М.В. Лучицкой относятся к 1871–1874 гг. и тематически дополняют его письма к

³ ОР ЦНБ АН УССР, ф. 3, д. 9972.

⁴ Тарле Е.В. И.В. Лучицкий: К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности, 1863–1913 // Собр. соч. М., 1962. Т. 11. С. 390.

⁵ Приношу благодарность С.И. Лучицкой, предоставившей возможность ознакомиться с дневником М.В. Лучицкой, откуда и взяты эти сведения.

⁶ ОР ЦНБ АН УССР, ф. 3, д. 57242, 57244, 57247, 57256.

П.Л. Лаврову, написанные в это же время и опубликованные во “Французском ежегоднике”⁷.

Четыре письма относятся к периоду научной командировки И.В. Лучицкого в 1894 г., а одно примыкает к ним по содержанию. С 1894 г. И.В. Лучицкий систематически ездил во Францию и собирал материал по истории аграрных отношений накануне и во время Великой французской революции. В 1894 г. основное время командировки И.В. Лучицкий провел в Дижоне, Тулузе и Аррасе, где находились соответственно архивы департаментов Кот д’Ор, Верхняя Гаронна и Па-де-Кале. Его попытка собирать материалы в Лионе, где находится архив ронского департамента, окончилась неудачей из-за неупорядоченности хранящихся там документов. Самую большую и блестяще составленную коллекцию ученых нашел в Дижоне, где ему помогал делать выборку данных член Дижонской судебной палаты г-н Шевалье, о семье которого И.В. Лучицкий, проводивший у него свободное время, писал с большой симпатией. Архив департамента Верхняя Гаронна в Тулузе оказался даже богаче Дижонского, хотя и не столь упорядоченным, и И.В. Лучицкий собрал здесь материал по восьми его округам: Тулуза, Рье, Вильфранш де Ларагье, Капель-Саразен, Гренада, Мюре, Ревель и Годан. Благодаря архивариусу Тулузского архива г-ну Бодуэну он смог проникнуть в архивы нескольких сельских общин, находящихся в Пиренеях. Это путешествие не только ознакомило его с особенностями аграрных отношений в горных общинах, но и оставило богатые и яркие впечатления, столь эмоционально выраженные в письмах к жене. Аррасский архив департамента Па-де-Кале разочаровал ученого из-за крайней неупорядоченности хранящихся документов, он с сожалением и довольно скоро прекратил там работу. “Очень немногое” удалось ему сделать и в департаментском архиве Верхние Пиренеи в городе Тарб.

Результаты этих изысканий были использованы Лучицким в работе над историей французского крестьянства. Первым в ряду опубликованных стоит Отчет о командировке за границу 1894 г.⁹ Дополненные новыми архивными находками в 1897 г. и позже, материалы 1894 г. стали важной частью документальной основы фундаментальных трудов ученого по истории французских земельных отношений, изучению которых он посвятил 40 лет жиз-

⁷ См.: Оболенская С.В., Гурвич С.Н. Письма И.В. Лучицкого к П.Л. Лаврову // Французский ежегодник, 1982. М., 1984. С. 225–235.

⁹ Лучицкий И.В. Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции и продажа национальных имуществ: Отчет о заграничной командировке // Унив. изв. Киев. 1895. № 1. Ч. 2. С. 1–42 (есть французский перевод).

ни. Собранные во французских архивах документы И.В. Лучицкий использовал и для подготовки докладов в Историческом обществе Нестора-летописца, статей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, черпал в них аргументы, полемизируя с М.М. Ковалевским.

И.В. Лучицкий был в числе первых русских историков, взявшихся за изучение коренного вопроса французской революции – о перемещении земельной собственности из рук одних классов в руки других. При этом он использовал новый для своего времени статистический метод исследования.

Работы Лучицкого получили мировое признание. Начиная с 1894 г. все его основные труды по истории крестьянства систематически переводились на французский, немецкий и другие языки и рецензировались за рубежом. Выводы И.В. Лучицкого прочно вошли в научный оборот и были признаны такими его выдающимися современниками, как Н.И. Кареев, Анри Сэ, Филипп Саньяк, Альфонс Олар. В 1897 г. о них говорил с трибуны палаты депутатов Жан Жорес. По совету Лучицкого Жорес внес на рассмотрение палаты депутатов законопроект об организации комиссии для издания документов по экономической истории французской революции. В конце 1903 г. по решению палаты депутатов такая комиссия была создана. За работу “Крестьянская собственность во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене)” (Париж, 1912) французская Академия моральных и политических наук в 1913 г. присудила И.В. Лучицкому премию Одифре.

Напряженная научная деятельность И.В. Лучицкого не мешала ему внимательно следить за политическими событиями текущего дня. Он хорошо знал и любил Францию, охотно общался не только с французскими учеными, общественными и политическими деятелями, но и с простыми людьми, черпая из бесед с ними крупицы знаний об особенностях аграрных отношений в современной ему Франции.

О каких бы политических событиях ни писал Лучицкий из Франции, во всех его оценках видно неприятие реакции в любых ее проявлениях, огромное уважение к традициям французского гуманизма и просвещения, традициям Великой французской революции, неподдельный интерес к рабочему и демократическому движению, искреннее сочувствие к обездоленным. С гордостью отмечал ученый симпатии широких слоев французского общества к России и русским, особенно усилившиеся после заключения русско-французского союза 1891–1893 гг.

Личность И.В. Лучицкого обретает особую привлекательность благодаря его письмам к жене и детям. В них он предстает как любящий, нежный, заботливый муж и отец.

Остается добавить следующее. С благодарностью помню, что впервые мое внимание на Киевский архив И.В. Лучицкого обратил Виктор Моисеевич Далин, помогавший мне советами в подготовке этой публикации до своей кончины в 1985 г.

Я благодарна также сотрудникам отдела рукописей ЦНБ АН УССР, помогавшим мне в чтении трудного текста писем И.В. Лучицкого.

Орфография и пунктуация писем приведены в соответствии с правилами современного русского языка.

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – В.С. ИКОННИКОВУ

Париж, 25 июня (7 июля) [1872 г.]

Извини, пожалуйста, что я долго не отвечал на твое письмо. Если бы ты пожил в Париже и притом в моем положении, ты бы понял мою причину молчания. У меня нет почти ни минуты свободной, так как я здесь только и живу как следует. То занят в библиот[еке] и проч., то поездки в Версаль в собрание нац[иональное] и на суды военные, то посещения взаимные знакомых, число которых растет, то посещение синода, то занят дома, так как я приобрел право брать книги и рукописи из нац[иональной] библиотеки. Сверх того беру их из универс[итетской] библиотеки (Сорбонны) и библиот[еки] общества истории протестантизма, то чтение газет, то путешествия, словом, если бы у меня в 4 раза [было] больше времени, то и то у меня был бы недостаток в нем.

Я узнал уже Париж достаточно хорошо, и потому могу служить отличным путеводителем. Жду с нетерпением твоего приезда. Ты напишешь мне, когда приедешь, и я отыщу тебе квартиру и все нужное. Предупреждаю тебя, что с половины августа до октября по новому стилю меня не будет в Париже. Я уеду на юг Франции для занятий. Благодаря знакомству с Шиклером¹, презид[ентом] общества истории протестантизма, я приобрел возможность и добывать книги и, кроме того, познакомиться со многими нужными мне людьми и посещать постоянно синод, собравшийся в Париже. Я дошел до того, что меня приглашают на вечера, устраиваемые по поводу синода, где я во фраке, белых перчатках и со шляпою в руке прохаживаюсь и беседую о разных материях важных с солидными буржуа или попами-пасторами.

¹ Шиклер Фернан (р., 1835) – барон, французский писатель и историк. Главные труды: L'Histoire de France dans les archives de la Grande-Bretagne (1878); L'Histoire des eglises de refuge en Angleterre (1892).

Оно не особенно весело, п.ч. эти господа очень ограничены в своих воззрениях. Постоянная политическая и религиозная борьба, страх, возбуждаемый у одной партии при мысли о возможности господства другой, враждебной, не особенно содействовал выработке действит[ельно] научного направления в среде этих господ. Они заняты не историей, а панегириками и приходили в великое изумление от вопросов, которые я им предлагал, от способа их разрешения и самого разрешения, которое я высказывал. Философская сторона вопроса для них не существует. Такое отношение к делу нужно искать у своб[одных] мыслителей, *libres penseurs*, и я находил его, хотя в неособенно сильной степени, у Мори Альфреда² и др. Посмотрю, не найдется ли оно у позитивистов. В будущий четверг я познакомлюсь и с этими господами. Они образовали, как ты знаешь из Пет[ербургских] Вед[омостей], общество, заседания которого происходят каждые 2 недели. Недавно я познакомился с Вырубовым³, и он пригласил меня на заседание [в] четверг. Он очень любезный и толковый человек. Я беседовал с ним с большим удовольствием.

Одним словом, я начинаю входить в жизнь умственную Парижа. О жизни школьной ты можешь узнать кое-что из моего отчета, который, верно, уже прислан в факультет. Я собираю материалы для статьи об универс[итетском] образовании во Франции. Кроме того, пишу статью о возрождении кальвинизма во Франции в 18 веке, по поводу вышедшей недавно книги Гюга (*Huges*)⁴. Пошлю ее в Журн[ал] Мин[истерства] Нар[одного] Просвещения].

Политические дела идут здесь не хорошо и не дурно. Буржуазная республика укрепляется, и вся Франция хохочет над жал-

² Мори Альфред (1817–1892) – французский писатель и историк, профессор истории и этики в Коллеж де Франс, директор Национального архива. Выступал с республиканских и антиклерикальных позиций, за что подвергся нападкам духовенства. Главные сочинения посвящены истории религии в эпоху античности и средневековья. Автор рецензий на труды И.В. Лучицкого и Н.И. Кареева.

³ Вырубов Григорий Николаевич (1843–1913) – русский философ, социолог-позитивист, химик. С 1864 г. жил в Париже, с 1903 г. заведовал кафедрой истории науки в Коллеж де Франс. Вместе с русским социологом Е.В. Де-Роберти и французским философом Э. Литтре разрабатывал и популяризировал позитивистскую философию во Франции. С 1867 по 1883 гг. издавал международный философский журнал “*La Revue de philosophic positive*”.

⁴ Гюг Эдмон (1846–1922) – французский историк и государственный деятель. В годы Второй империи сотрудничал в либеральной печати. В 1876 г. был министром внутренних дел в правительстве орлеаниста Л. Бюффе. Основал Музей пустыни. Автор ряда сочинений по истории и литературе. И.В. Лучицкий пишет о книге “*Antoine Court. Histoire de la restauration du protestantisme en France en XVIII siecle*”, в 1872 г. удостоенной премии Терюана.

кими попытками роялистов создать монархию и низвергнуть республику. Вчера в Национ[альном] собрании принят единогласно трактат с Германией⁵, несмотря на желание роялистов провалить его. Эти господа – отчаянные трусы и, кроме того, не могут ни в чем согласиться друг с другом, каждый тянет в свою сторону, когда заходит вопрос о том, какого монарха посадить на трон.

Но все это малоинтересно. Несмотря на осадное положение Парижа и придавленность, подземная работа идет. Рабочий класс деятельно занимается своими делами. Ежедневно собирается в собрания, трактует о своих домашних делах, вырабатывает проекты о промышленном образовании. Журналистика, не занятая исключительно политикою, пробует и здесь свои силы. Особенно работают над женским вопросом. Недавно был банкет в честь женского вопроса, и вчера вышел № газеты (Avenir des femmes)⁶ (здесь и далее подчеркнуто автором. – Л.Т.), где напечатаны целиком речи, сказанные на банкете. (Я еще не успел прочесть его.)

Что делается у Вас в Киеве? Не задушила ли холера кого-нибудь из “честных” людей? Пиши, пожалуйста, не ожидая моих писем. Я не буду скуп на них, когда окончательно установлюсь. На след[ующий] [раз], может, напишу о собрании позитивистов и о синоде, а также о Гизо⁷, которого видел и слышал.

Кланяйся жене, скажи Захарченко⁸, что я нашел Huden’a, но не познакомился с ним, п.ч. он болел. Он доселе служит при телеграфн[ом] ведомстве.

Модестов⁹ скоро будет в Париже (около 16(4) июля).

Твой всегда И. Лучицкий

⁵ Речь идет об утверждении Национальным собранием мирного договора, завершившего франко-прусскую войну. Заключен во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 г.

⁶ “Avenir des femmes” (Будущее женщин) – периодическое издание феминистского толка, основанное в Париже в 1868 г. Издатель Ришер (Richer). В газете сотрудничала Зинаида Степановна Корали (1854–1919), жена видного русского революционера Г.А. Лопатина.

⁷ Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – известный французский историк и политический деятель. И.В. Лучицкий прочел сочинение Гизо “История цивилизации в Европе” гимназистом. Впечатление было столь сильным, что это определило выбор профессии. См.: Тарле Е.В. И.В. Лучицкий // Голос минувшего. 1914. № 1. С. 44.

⁸ Ващенко-Захарченко Михаил Егорович (1825–1912) – украинский математик, с 1887 г. профессор Киевского университета.

⁹ Модестов Василий Иванович (1839–1907) – филолог, историк, публицист буржуазно-либерального направления.

P.S. В отместку за не франкированное письмо пришли и мне такое же. Далеко идти за маркою. Забыл ответить на вопрос о Петербурге. Напишу в след[ующий] раз про знакомство наилучшее с Веселовским¹⁰. Он скоро будет в Париже. Кажется, я отправлюсь с ним на юг.

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – В.С. ИКОННИКОВУ

Париж, 11 ноября 1872 г.

Сейчас получил твое письмо, которое твоей милости было благоугодно написать ко мне из Берлина и которое меня прямо порадовало, ибо твое молчание было уж слишком разительно (ведь я получил всего одно твое письмо еще по приезде в Париж).

Сегодня ровно месяц, как я вернулся из своего путешествия на юг Франции, где я пробыл 2 месяца. Никогда в жизни я не проводил время так хорошо, так весело, как там. Масса впечатлений, дивная природа и не менее, если не более, дивный виноград, который я буквально пожирал от утра до вечера, масса новых, неизвестных документов самого высокого достоинства, которые я находил в архивах, любезность искренняя тех лиц, с которыми я приходил в сношения и для которых одно мое слово: “я русский” – составляло как лучшую рекомендацию. Днем работа, вечером прогулка с большою компаниею то пасторов, то архивариусов и радости дружбы философов, неустанные беседы и неустанный (неразборчиво). Я был в Гренобле, Лионе, Авиньоне, Ниме, Монпелье, Тулузе и Монтобане. Отовсюду понабрал портретов, книг и проч. и проч. везде распивал старое отличное вино и объедал исправно публику. (М[есяе], советую ехать в Монтобан. Ты, как известно, большой любитель гусей. Вот в Монтобане тебе будет раздолье. Я нигде не ел таких гусей. Но – архивы Монтобана!)

Теперь я опять в Париже и надолго. Занят сильно: завалили меня журнальною работою; пригласили работать для журнала “Знание”. Этим я обязан Лаврову¹¹, с которым познакомился по приезде в Париж.

¹⁰ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – русский историк литературы буржуазно-либерального направления, позитивист, профессор Петербургского университета (с 1872), академик (с 1880).

¹¹ Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – идеолог русского революционного народничества, мелкобуржуазный социалист, философ и социолог.

На днях кончил статью для Ж[урнала] Мин[истерства] Нар[одного] Просвещения, в которой избил до смерти книжку одного моего знакомого француза Nora¹².

По окончании работы этой и по получении грошей поеду на 3 или 4 недели в Италию (зовет туда Кистяковский¹³, который в Неаполе оканчивает свою командировку). Потом вновь в Париж и затем, если позовет Морли¹⁴, в Лондон на месяц, и la toute (всё). Очень желаю познакомиться с французскими коммунарами и членами Интернационала. Лавров будет там и обещал познакомиться. Посмотрим, что за народ, ибо здесь – республиканцы – порядочная дрянь. Мне приходится часто встречаться с ними в республик[анском] клубе, и я имею о них очень низкое мнение.

Обращаюсь к твоей милости и первое дело ругаю: где у тебя голова? Отвечай с первым письмом, ибо мне очень желательно разрешить вопрос о том, есть ли голова у тех людей, которые едут за границу, чтобы жить по 2 месяца в Берлине и, ужас и срам! – месяц в Гейдельберге, городе, в котором я не могу усидеть и 4-х дней, который просто-напросто немецкий Чернигов. В каждом доме почти в окне торчит зеркало и пред зеркалом – сидит немецкая телка (барышня), смотрится, улыбаётся тою глупою улыбкою, которую я видел лишь у (неразборчиво) да у некоторых из наших любезных соотечественниц. (Во Франции – не то. Но об этом – ни гу-гу!) Слушать лекции? Но кого? Заскорузлого Дройзена¹⁵ или пустозвонного Трейчке¹⁶,

¹² Упомянутая И.В. Лучицким рецензия в Журнале Министерства народного просвещения не появилась.

¹³ Кистяковский Александр Федорович (1838–1885) – известный украинский ученый-юрист, профессор кафедры уголовного права Киевского университета (с 1869). В магистерской диссертации “Исследование о смертной казни” (1867) ратовал за ее отмену. Был одним из основателей и председателем Киевского юридического общества. Сотрудник украинского журнала “Основа”. Издал ценный сборник документов “Права, по которым судится малороссийский народ” (1879).

¹⁴ Морли Джон (1838–1923) – английский государственный деятель, либерал, историк и писатель. Автор ряда исторических сочинений – биографий Вольтера, Руссо, Дидро, Кромвеля, Гладстона, а также других трудов.

¹⁵ Дройзен Иоганн Густав (1808–1884) – крупный немецкий историк. Был главным теоретиком малогерманской школы историков и вел активную полемику против западногерманского позитивизма. По свидетельству Е.В. Тарле, в студенческие годы И.В. Лучицкий интересовался трудами Гервинуса и Дройзена, но они “давали ему лишь метод исторической критики” в духе требований школы Ранке. См.: Тарле Е.В. И.В. Лучицкий: К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности, 1863–1913. Собр. соч. М., 1962. Т. 11. С. 383.

¹⁶ Трейчке Генрих фон (1834–1896) – известный немецкий историк, представитель малогерманской школы, прусский шовинист, стоявший на крайне реакционных позициях.

этого больного Драгоманова¹⁷ немецкого? Удивительно, как можно их слушать!

Если хочешь быть пайнька, то брось всю эту глупость и приезжай в Париж. Жизнь здесь недорога – за квартиру в две комнаты с переднею и мебелью платится около 80–90 фр. в месяц. За стол по карте – завтрак обходится от 80 сантимов до 1 1/2 франка, обед тоже или до 2–2 1/2 франков. Есть *diners* (обеда) с определенной платою в 1 1/2, 2, 2 1/2 и 3 фр. (последний, впрочем, только и можно есть). Можно даже, поискавши, нанять квартиру дешевле (но в Латинском квартале, где я обитаю).

Насчет печати – ничего еще не могу написать. На днях мне сообщат, ибо я буду издавать кое-какие документы по истории Франции¹⁸.

Теперь в Париже собралось довольно русских, посланных за границу. Рядом со мною живет Ермаков¹⁹, просивший меня передать тебе свое желание видеть тебя в Париже скорее. Кроме того, есть еще Фойницкий²⁰ (“о мошенничестве”) и др. Жду ответа. Поклон твоим.

Адрес прежний.

И. Лучицкий

¹⁷ Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895) – украинский публицист, историк, литературовед, фольклорист, экономист, философ, общественно-политический деятель буржуазно-демократического, позже – буржуазно-либерального направления, приват-доцент (с 1864), доцент Киевского университета (1870–1875). В.И. Ленин резко критиковал М.П. Драгоманова за проявления национализма (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–65. Т. 24. С. 144; Т. 25. С. 297). Очевидно, по этой же причине И.В. Лучицкий ставит в один ряд с И. Дройзеном и Г. Трейчке.

¹⁸ И.В. Лучицкий опубликовал в Париже и Киеве документы по истории кальвинизма и религиозных войн, извлеченные из французских архивов (*Documents inedités sur l'histoire du Languedoc et de la Rochelle (1572–1574)*. P., 1873. 74 p.; *Documents inedités pour servir à l'histoire de la Reforme et de la Ligue* // Унив. изв. Киев. 1874. № 8. С. 1–40; № 9. С. 41–88; № 10. С. 89–152; № 11. С. 153–216; № 12. С. 217–291).

¹⁹ Ермаков Василий Петрович (1845–1922) – профессор математики Киевского университета (с 1877), член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1884). С 1871 по 1873 гг. был в заграничной командировке с научной целью.

²⁰ Фойницкий Иван Яковлевич (1847–1913) – русский юрист-криминалист. Магистерская диссертация И.Я. Фойницкого называлась “Мошенничество по русскому праву” (1871).

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – Е.А. КИВЛИЦКОМУ

[Дижон, апрель 1894]

Дорогой Евгений Александрович,

Простите, что не сразу ответил Вам на Ваше письмо, которое я получил третьего дня. Но Вы великодушно простите мою невежливость, о том, чтобы заподозрить в чем-либо меня (неразборчиво), не может быть и речи, – если узнаете, что, по обыкновению, я с 5 1/2 утра до 6 1/2 вечера почти безвыходно сижу в архиве, и в эти последние дни нарасхват забрали меня, и я обязательно должен быть вечером у кого-либо из приятелей, в его семье, вечером. Сегодня поспешил пообедать во весь карьер, забрался в кафе и сразу же взялся за перо, чтобы писать Вам, так как бьет 8, а к 8 1/2–1/4 должен быть у своего приятеля – судьи!²¹

До чего я устал от такой жизни, от этой адской, непрерывной вот уже 35 дней, работы, незачем и говорить! А еще почти 3 месяца нужно продолжать то же.

Зато и результаты, надеюсь, будут весьма чувствительны. Что меня поддерживает в работе – это те абсолютно новые данные, которые мне удалось отыскать и о которых никто ничего не знал. Здесь, в архиве, я нашел, увы, неполную, не для всех общин, но весьма многих, опись, подобную румянцевской²². Картина размеров и распределения поземельной крестьянской собственности, размеров состоятельности крестьян и их различных видов – насколько возможно полная. Вопрос, существовала ли эта собственность до революции, была ли она уделом только буржуа-крестьянства или и бедняков, – для департамента Cote d'Or решается вопреки и против и фразам Кареева²³, и еще более – фантазиям

²¹ Речь идет о г-не Шевалье – члене Дижонской судебной палаты, делавшем для И.В. Лучицкого выборку данных по трем дистриктам из семи, на которые был разделен департамент Кот д'Ор на основании закона от 26 февраля 1790 г.

²² “Румянцевская опись” – генеральное описание городов, местечек, коронных, государственных и монастырских поместий, помещичьих и старшинских поместий, казацких владений левобережной Украины, проводившееся под руководством генерал-губернатора Малороссии П.Я. Румянцева-Задунайского по указу Екатерины II в 1765–1769 гг. с целью введения увеличенного налога в пользу государственной казны. Сохранившиеся материалы описи – ценный источник по истории социально-экономических и общественно-политических отношений на Украине во второй половине XVIII в.

²³ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – крупный русский историк буржуазно-либерального направления, профессор Варшавского (1879–1884) и Петербургского (в 1885–1889; с 1907) университетов, с 1910 г. – член-корреспондент Петербургской Академии наук, с 1929 г. – почетный член Академии наук СССР.

Максима Ковалевского²⁴. Разумеется, дело идет об одном департаменте: обобщений делать невозможно. Но мне удалось вскрыть совершенно новое, до того новое, что знатокам архива это ударило в нос.

Завтра утром я кончу последнюю из этих описей, просмотрю еще списки крестьян и в пятницу утром двину в Лион.

Пишите, если будете теперь же писать, все-таки в Дижон: мне перешлют из моей гостиницы по адресу, который здесь, хозяйке, будет известен.

Можете разрешить газете сообщить о вышесказанных результатах. Это будет для нас полезно. Сообщите и о том, о чем я писал Пискорскому²⁵. Я проделывал и все акты продаж имений во время революции, продаж, доказывающих, что в департаменте Cote d'Or крестьянская позем[ельная] собственность бесспорно увеличивает[ся], хотя главным образом не за счет церковных земель, а земель эмигрантов.

Очень и очень было мне приятно узнать о хорошем исходе заседания Нестора!²⁶ Все-таки хорошо, что прогнаны

²⁴ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, этнограф, социолог-позитивист. Профессор Московского университета с 1878 г. В 1887 г. отстранен от преподавания; научно-литературную деятельность продолжал за границей. Был одним из инициаторов создания Международного социологического института и постоянным участником социологических конгрессов, собиравшихся с 1894 г. После возвращения в Россию в 1905 г. преподавал в Петербургском университете, Политехническом и Психоневрологическом институтах. В 1906 г. был избран депутатом I Государственной думы, в 1907 г. – членом Государственного совета. В 1909 г. приобрел журнал “Вестник Европы” и стал членом его редакции. В 1914 г. избран действительным членом Российской Академии наук. Был знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые высоко ценили его труды по истории средневековой общины. Наряду с Н.И. Кареевым и И.В. Лучицким разрабатывал историю аграрных отношений накануне и во время Великой французской революции. Долго и упорно дискутировал с И.В. Лучицким по вопросу о размерах и характере мелкой крестьянской собственности. Итоговую оценку позиций обоих ученых см.: Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве // Сред. века. М., 1942. Вып. 1. С. 185–201; Он же. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции // Европа в новое и новейшее время. М., 1966. С. 97–114.

²⁵ Пискорский Владимир Константинович (1867–1910) – историк-медиевист, ученик И.В. Лучицкого.

²⁶ Историческое общество Нестора-летописца возникло в 1872 г. по инициативе профессоров Киевского университета, с 1874 г. существовало при Киевском университете. Общество преимущественно занималось собиранием сведений из местных украинских архивов и библиотек, изучением памятников старины, организацией и слушанием (с последующей публикацией) докладов и сообщений по древней и средневековой истории Украины. И.В. Лучицкий принимал активное участие в деятельности общества.

“иорданики” академии из “храма”. Особенно “иорданин” Голубев²⁷.

Не ясно мне, что за роль играл Фортинский²⁸ Как чувствует и теперь он себя. Со мной он поступил по-свински, так как не ответил на письмо, которое я написал ему более месяца назад еще из Парижа. Не понимаю, что это значит. Узнайте, написаны ли письма к префектам по-французски, и если написаны, то посланы ли, и куда? Сообщите возможно скорее. Пусть газета сообщит об этом, но так: что, мол, вообще министерство (не министр) нар[одного] просвещ[ения], благодаря искреннему сочувствию Chef de bureau (начальнику канцелярии) M. Pastier, изъявило полное согласие дать унив[ерситетам] coll[lection] des documents inedits (коллекцию неизданных документов) и содействовать присылке инвентарей архивов²⁹. Coll[lection] будет прислана-присылка инвентарей обусловлена обращением к префектам. Другой Chef de bureau (начальник канцелярии), Desjardens, взялся переслать письма к префектам с своими письмами.

Поклоны и поцелуи друзьям.

Поклон и все, все Павлу и Лазаревскому³⁰.

²⁷ Голубев Степан Трофимович (1849–1920) – русский историк церкви консервативного направления, профессор Киевского университета и Духовной академии, действительный член общества Нестора-летописца. В марте 1894 г. И.В. Лучицкий был избран почетным членом общества (действительным был с 1874 г.), а также переизбран в члены Совета общества. С.Т. Голубев, входивший до этого в его состав, переизбран не был. И.В. Лучицкий радуется падению роли деятелей типа Голубева, названных им “иорданиками” (Иордан – река, в которой, согласно евангельской легенде, крестился Христос), обществе Нестора-летописца.

²⁸ Фортинский Федор Яковлевич (1846–1902) – русский историк-медиевист. В 1870-х годах решительно отстаивал прогрессивные традиции русской исторической науки и в целом выступал с буржуазно-либеральных позиций. В 1890-е годы эволюционировал вправо. В период его ректорства в Киевском университете (1890–1902), в январе 1901 г. 183 студента были отданы в солдаты за участие в студенческом движении. Среди студентов распространялся портрет Фортинского в форме жандарма в рамке из нагаек.

²⁹ Еще в отчете о первой заграничной командировке 1871–1874 гг. И.В. Лучицкий писал: “Архивы большинства городов южной Франции совершенно почти не изучены, редко, даже никогда почти, не посещаются учеными. Лишь недавно стали печатать подробные инвентари того материала, который включает в себе и департаментские и городские архивы. (Но ими мало пользуются, хотя часто они могут заменить самые документы.)” (Очерк истории Монтбана: Отчет магистра Лучицкого // Унив. изв. Киев. 1874. № 8. Ч. 2. С. 645).

³⁰ Лазаревский Александр Матвеевич (1834–1902) – видный украинский историк буржуазно-либерального направления.

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – М.В. ЛУЧИЦКОЙ

[Тулуза, 28 мая 1894]

Дорогая, милая моя.

Бесконечно рад, что все со 2-й уладилось. Я был уверен, что свинство в пределах, а свинство оказалось еще большим, чем я ожидал. Очень хорошо ты сделаешь, если станешь посылать переводы прямо в Москву. Мне здесь страшно трудно и тяжело поправлять их вследствие отсутствия времени. Лишать себя всяких удовольствий и развлечений, как это я делаю здесь уже 2 месяца, становится очень и очень чувствительным делом. А на мне еще не вполне окон[чательно] Испания³¹. Географию послал, начало истории тоже.

Вот почему я схватился, как за манну небесную, за предложение архивариуса Бодуэна³². В пятницу он отправляется для обозрения сельских архивов. Я еду с ним или, вернее, иду, ибо часть большую дороги придется идти пешком. Это не значит, что я буду баловаться: в архивах имеются ценнейшие для меня описи, и я буду их списывать, но не более двух в день. Путешествие продлится всего 2 1/2 дня, и, не возвращаясь, я, вероятно, уеду в Тарб дней на 6. Я говорю вероятно, ибо еще не получил ответ от архивариуса Тарба насчет времени, какое отдал он мне для работы. Если не 5 утра до 7 вечера, – отказываюсь от поездки и остаюсь в Тулузе до 15–17 июня, ибо еще адски много работы, несмотря да работу помощников.

Ты видишь, что я до того погружен в работу, что не могу ни о чем другом писать. Едва хватает времени, чтобы пробежать газеты, теперь очень интересные, ибо Франция переживает одну из крупнейших минут своей жизни³³, от исхода которой зависит всецело ее будущее. Это резко начинающаяся борьба двух классов общества, совершенно сходная с той, которая шла до 89-го года. Ты не можешь себе представить, какое изменение совершилось в стране после и нашего совместного и моего путеш[ествия] (82 г.). Ты помнишь крики, раздававшиеся в 1879 г., когда 14 июля мы были в Булонском лесу? То были крики, теперь кричащие – дисциплинированная масса. Это – сила, с которой старому обществу приходится очень и очень считаться.

³¹ Речь идет о статье И.В. Лучицкого “Испания: География, формы правления, народное образование”, опубликованной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Т. 25. С. 397–407).

³² Бодуэн – архивариус департаментского архива Верхней Гаронны в Тулузе.

³³ См. примеч. 36.

Ну, сегодня у меня была история. С субботы до 7 утра сегодня я был в пороховом заводе. Сегодня являюсь к себе, ищу на вешалке ключ от № – нет. Уверенный, что он наверху, иду, нет и там. Где – неизвестно. И вот оказывается, что мой № – где все мои вещи – занят. Хозяин гостиницы, думая, что я не вернусь три дня, изволил отдать мой № другому. Я крыл по-свойски (теперь даже голова болит). Весь персонал гостиницы явился, чтобы добыть мои вещи, перенести их в другой №. Ну, я, по обыкновению, побурчал, побурчал и кончил прекраснейшим миром. Но все-таки свинство. В архиве 2 такое же свинство устроили мне: [неразборчиво] изволившие занять мой стол. Это местные нравы.

Пожури хорошенько Володю за молчание, но деликатней. Пиши все еще в Тулузу. Мне перешлют письма в Тарб!

Целую вас всех крепко, крепко. Отчего Леля и Володя не пишут мне?

Сообщи, когда уедешь в деревню.

Пишу, как всегда писал в Дижоне, под музыку в кафе. Это придает бодрости. Бесконечно рад, что Леле лучше. Поцелуй моего миленького мужика за его дорогое и славное письмо. Спасибо Коле!

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – М.В. ЛУЧИЦКОЙ

Тарб, 6 июня [1894]

Дорогая, милая моя.

Я разбаловался до невозможной степени и разбаловался благодаря приятелям. Бодуэн, как я тебе писал, пригласил меня поехать с ним. Я поехал, рассчитывая пробыть с ним 1 или 2 дня, и вот вместо того просидел целых пять и только сегодня, среду, 6 июня приехал в Тарб. Но вина и лень мои, право, не так уж велики. Попади всякий другой в такую местность, с такими роскошнейшими видами, в какую попал я, – просидел бы и дольше. И не думай, чтобы я шлялся даром: я извлек все нужное и из сельских архивов и еще больше – из отчаянно длинных, бесконечных бесед и с учителями народных школ, с их женами, и со старостами – мэрами общин, и с крестьянами. В 1–2 дня я узнал больше, чем можно узнать из сотни документов. А мне пришлось в первый раз во Франции подойти так близко к крестьянской жизни, узнать ее в деревне. В прошлый понедельник, вместо того чтобы ехать в Luchon, я решил (пользуясь первыми хорошими днями, я их не видел до 1 июня нового стиля) пойти пешком в горы. В 4 утра добрался в глухую деревню, отыскал про-

водника и айда! Восхождение в 1200 метров почти по прямой адски отвесной линии среди ужаснейших камней. Взяли с треском и шиком, хотя весь был как курица, мокрый, ибо пришлось карабкаться 2 часа. Ощущение было архискверное, ибо *par dessus le marche* (в довершение всего) оказалось, что за $\frac{1}{4}$ часа по той же дороге изволил пройти дикий кабан внушительных размеров, оставивший везде следы копыт и другие. Проводник боялся встречи, к счастью, взобрались на *Sommet* без скверных приключений, кроме одного: я свалился с высокого камня, но без ущерба. За то наверху награда была полная: вид на всю западную цепь такой, какого здесь, в Пиренеях, я еще не видел! Никакие описания и слова не передадут этого: *Vu* (вид) *du Midi*, *Maladetta*, *Vu Perdu* и бесконечный ряд грозных и диких вершин вроде тех, которые мы видели с тобой в Энгадинах, окутывал меня со всех сторон, тогда как внизу, слева, справа, чередовались долины с богатейшей культурой, с лепящимися там и сям внизу, в глубине долин, вверх, везде домами, окруженными тополями, южной растительностью и проч., и проч. Проводника (в течение 12 часов) я обработал всласть. Ни на одну минуту я не дал ему покою, и все, что касается хозяйства, землевладения, тяжести налогов, распределения собственности, платы процентов из-за земель и т.д. и т.д. – все я выковырял самым подробным образом. Бюджет зажиточного, среднезажиточн[ого], бедняка в точных цифрах я добыл от проводника, и в конце он сам сознался, что такой порки ему не приходилось вынести. Я обработал его без пощады. Хотел уехать, а Бодуэн пригласил проехаться с ним по архивам в горы, и весь вторник мы изъездили все те горы, которые я видел накануне внизу. Мы облазили 7–8 деревень, везде я списывал описи, пил местное вино, успевал вести беседы, вел себя чертом, и знаешь, сколько вся эта жизнь за 5 суток обошлась? Всего 30 фр.! Это и путешествия, и квартира, и завтрак, и обед! Комизм моего путешествия вчера был ужасный. Часть деревень в горах лишена пахоты, и большая часть жителей вынуждена заниматься торговлей. Это *colporteurs* (разносчики), развозящие то полотна, то кожи и т.д., служащие посредниками торговли. Париж, Лион, Север Франции поставляют им продукты, и они везут их не только во Францию, но даже и в Россию. Приезжаю в общину *Galie*, и вот оказывается, что в общине немало таких, которые были у нас. Мэр, я и Бодуэн идем к одному из таких. Дом – замок аристократа окрестностей Парижа, с восхитительным садом, цветниками и проч., и проч. Мы входим, требуем хозяина; я иду впереди и по-русски требую гостеприимства, на русском языке. Картина! Хозяин в полнейшем изумлении отвечает по-русски, не знает, куда посадить нас, что делать с нами. Около ча-

су мы беседуем по-русски, и я едва в силах спастись! Хозяин, вчерашний крестьянин, держит меня за фалды, не хочет пускать, требует, чтобы я остался у него целый день, и мне едва удается вырваться, после клятвенных обещаний, что в первый приезд во Францию я должен дать ему знать. Его жена, умершая 2 месяца назад, с 6 лет была в России, в Москве, он сам 20 лет прожил в Москве, и Бодуэн рассказал мне, с каким сильнейшим впечатлением он слушал первые мои фразы по-русски. В глуши Пиренеев (неразборчиво) нет мест, где не было русских картин! А между тем настроение крестьян здесь все резче и резче социалистическое! И это у французского крестьянина! Впрочем, я должен добавить, здесь того идеала крестьянина, которого так мерзко изобразил Zola в 1а Тегге³⁴, здесь нет и следа. Налгать так, как налгал Zola, – больше чем свинство. На мой вопрос к крестьянам здесь: “Вы французы?” – я получал ответ: “Нет!” У них язык, который не только мало понятен для меня, но и одинаково для бывшего парижанина Бодуэна, живущего здесь более 30 лет. И все это – народ грамотный, толковый, с которым наслаждение говорить о текущей политике. Все это читает газеты, полно едкой критики существующих порядков. Зайди в сельское кафе – и только по грубым, мозолистым рукам ты узнаешь, что беседуешь с простым сельским рабочим.

А пр[отив] кафе, откуда я пишу, теперь в 8 вечера, пр[отив] окон видна снежная цепь Пиренеев. Просто безобразие! Я должен поскорее убраться. Здесь я пробуду до субботы. Выеду в воскресенье (10-го) утром в Тулузу и 18-го буду в Париже, на дней 8–10 – оттуда в Аррас и – домой, домой! Как хочется, очень хочется поскорей увидеть вас, обнять, крепко, крепко поцеловать!

Твое последнее письмо в отношении похорон гимназиста я получил сегодня в момент приезда. Оно ожидало меня в Тарбе. Поцелуй крепко-крепко моих дорогих, милых, ненаглядных детей (но сразу – поцелуй крепко себя).

Поцелуй мать!

Работы здесь (в Тарбе. – *Л.Т.*) почти=0. Я свободно кончу все к субботе. Расскажу в след[ующий] раз, какую драку я завел с архивариусом. В результате – ключ у меня в кармане.

³⁴ Речь идет о романе Эмиля Золя “Земля”.

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – М.В. ЛУЧИЦКОЙ

[Аррас, 25 июня 1894]

Пиши почаще. Не скупись на письма, хотя бы и короткие. В последнем письме я дал ответ на твои вопросы. Дорогая моя, получила его?

Под страшно тяжелым впечатлением возмутительного убийства Карно³⁵ приехал я сегодня в 11 утра в Аррас, впечатлением тем более еще тяжелым, что я некогда знал его лично, беседовал с ним. Человек не блестящего ума, он был всегда безукоризненно честным человеком, не замаравшим своей репутации ни во время Панамы³⁶, ни в других случаях. Трудно на бумаге выяснить все то страшное зло, какое при нынешнем положении Франции создано будет этим отвратительным актом. Возбуждение и раздражение очень сильно. Нашему брату, иностранцу, несомненно, придется плохо, и я, чувствуя это, на каждом шагу заявляю о своей национальности. Теперь это – все-таки гарантия здесь!

Я начал уже работать в архивах. Материала масса, но я скоро справлюсь с ним. Вероятно, дней а 20–25 кончу все, что необходимо. К 25 июля вернусь в Париж и сейчас же домой, без остановки!

Как Леля, что с ней? Я надеялся застать в Аррасе письмо от тебя, но его нет. Последнее я получил из Тулузы с дурными вестями насчет Лели. Я, как сумасшедший, бегал весь день по Парижу, чтобы заглушить свои чувства, и в результате – не могу ходить: левая нога болит до одури! Я едва в силах передвигаться и то медленно. Благо: от моей гостиницы до архива всего 5 минут ходьбы. Плачу за пансион 8 фр. 75 с. Денег хватит с избытком. Сообщи скорей, поедешь ли на Лиман. Я в последнем случае махну из Парижа прямо в Одессу. Все равно, разницы в стоимости

³⁵ Карно Мари Франсуа Сади (1837–1894) – французский политический деятель, умеренный республиканец, внук известного деятеля Великой французской революции Лазара Карно. В 1878–1887 гг. входил в состав ряда правительств. В 1887 г. после вынужденного ухода с президентского поста Ж. Гриви по предложению Ж. Клемансо избран президентом республики. 24 июня 1894 г. Карно был убит анархистом Казерио Санто в Лионе.

³⁶ “Панама” – одна из крупнейших афер 1880–1890-х годов. Возникший в связи с ней политический скандал закончился наказанием лишь второстепенных участников. С панамским скандалом и общим экономическим кризисом 1890-х годов связаны как активизация деятельности анархистов, так и подъем рабочего и социалистического движения. На это правящие круги ответили принятием в начале 1894 г. закона, фактически ликвидировавшего конституционный режим и предоставившего правительству возможность расправиться с социалистами и демократами. Политическая ситуация во Франции весной-летом 1894 г. находит отражение в письмах И.В. Лучицкого.

через Варшаву и Одессу особенной нет. А как адски хочется видеть Вас всех, поцеловать и обнять мою ненаглядную девочку.

Часть белья взяла Ляскоронская³⁷ и отвезет его в Киев твоей матери.

Адрес: I. L. Arras (Pas de Calais) archives depart[ementales] или Н. l'Univers[ite] (департаментские архивы или университет).

И.В. ЛУЧИЦКИЙ – М.В. ЛУЧИЦКОЙ

[Петербург] 1909

Дорогая моя.

Хотя тебе и не следовало бы писать, п. ч. ты ничего мне не пишешь, но события вчер[ашнего] дня таковы, что не могу о них не написать пару слов, так как можно сказать впервые открыто признано крупное значение моих работ. Вчера, как я писал, я читал реферат о дворянском землевладении во Франции до 1789 г. Говорил около 1 ч. 15 минут при неослабном и полном внимании (неразборчиво) и публики (курсисток гл[авным] образ[ом]). Когда я прочел его, несколько человек заявили о желании сделать замечания. Первым говорил Ону³⁸ (он, кстати, заедет на днях и будет у нас: прими его получше). Он говорил о всех моих работах, о их крупном значении, обо мне как инициаторе нового направления в истории XVIII в., которое из ложного патриотизма с трудом признали французы, но под влиянием которого создалось новое направление. Переходя к реферату, сказал, что мной сделано еще новое открытие, разрушающее сформировавшееся мнение о характере дворянского землевладения, мнение, которое он разделял и которое мешало ему ясно понимать многое в саhiers (наказах третьего сословия депутатам Генеральных штатов), что теперь благодаря моему реферату выясняется. Старик Кауфман³⁹ сделал тоже ряд замечаний хвалебнейшего характера

³⁷ Ляскоронская Екатерина Григорьевна – сестра Василия Григорьевича Ляскоронского (1860–1928) – известного украинского историка и археолога; врач, стажировалась в Париже.

³⁸ Ону Александр Михайлович (р. 1865) – русский историк, один из наиболее талантливых учеников Н.И. Кареева, специалист по истории Великой французской революции.

³⁹ Кауфман Илларион Игнатьевич (1848–1916) – русский экономист. С 1893 по 1916 профессор Петербургского университета. Его труды, посвященные истории денежного обращения, кредита и исторической метрологии, не утратили ценности до сих пор. Автор одной из первых рецензий на “Капитал” К. Маркса. В.И. Ленин писал, что “Маркс в послесловии ко 2-му изданию “Капитала” цитировал рассуждения И. К-на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода” (Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–65. Т. 26. С. 92).

и (что для меня особенно ценно) признал метод моей работы в статистическом отношении вполне правильным и строго научным (в противов [оложность] “умному” Максиму (Ковалевскому), выругавшему меня за этот метод). Кареев резюмировал все прения и заявил, что я был очень скромный, когда в ответах Ону я сказал, что не могу себя назвать инициатором, так как были и раньше меня, указыв[авшие] на важность документов, какими я пользовался. Он, Кареев, утверждает, что инициатива все-таки моя, что никто ничего подобного не делал и не думал делать и сравнил мою деятельность с деятельностью Артура Юнга⁴⁰. Этот последний объездил всю Францию в годы до и во время революции, описал Францию и все характеристики ее, вполне подтверждаемые моими работами. “Луч[ицкий] сделал именно то, что делал А. Юнг, и он уже много раз объехал Францию во всех направлениях, – и так же, как Юнг, создает характеристику земельных отношений, характеристику, вполне научную, научно обоснованную и создающую новый переворот в научных воззрениях на эти отношения”. Когда прения кончились, вся публика наградила меня громкими аплодисментами. В числе публики был (жаль, что явился поздно) и один из академиков, Лаппо-Данилевский⁴¹, наговоривший мне комплиментов. Он проводил меня в члены-корреспонденты. Поклон и все другое от него. Ты знаешь, на что Микола пишет мне и просит напомнить о посылке ему всего необходимого для опрыскивания и составления бордосской жидкости. Если не послала, пошли. – Опять спрашиваю, что сделано с посланным мне извещением в полученной посылке из-за границы и 2) о судьбе высланных 2 ящичков с книгами из Питера. Письмо пересылаю с Гуревичем⁴². Прими его хорошенько: он очень хорош

⁴⁰ Юнг Артур (1741–1820) – английский путешественник, агроном, экономист, оставил блестящие описания отдельных областей Англии, Ирландии и Франции. Они были известны К. Марксу. Исходным моментом для занятий Н.И. Кареева историей французского крестьянства эпохи Великой французской революции и ее кануна был написанный под руководством В.И. Герье семинарский доклад о “Путешествии во Францию Артура Юнга”, которую тот посетил в 1787–1789 гг.

⁴¹ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – русский историк, близкий к кадетам, с 1890 г. – приват-доцент, позднее – профессор Петербургского университета, академик (с 1899). Автор многих работ по социально-экономической и политической истории России в эпоху феодализма. При избрании И.В. Лучицкого в члены-корреспонденты Академии наук в ноябре 1908 г. зачитал доклад о его научных заслугах. См.: Лаппо-Данилевский А.С. Дьяконов М., Янжул И. Записки об ученых трудах И.В. Лучицкого // Изв. имп. Академии наук. 1909. Сер. 6. № 2. С. 114–115.

⁴² Скорее всего, речь идет о Гуревиче Якове Григорьевиче – историке-педагоге, авторе ряда учебных пособий по истории и методике преподавания истории в гимназии.

по отношению ко мне и чрезвычайно мил. Прилагаю ключ от корзины.

Сейчас сообщили, что из-за поляков в Думе нас распустят 12–15 мая. Вот это – превосходно! На днях будет у тебя муж Наталья. Он уезжает в Киев сегодня. Прими получше.

Целую тебя и детей крепко, крепко.

И. Лучицкий

Из переписки В.И. Лучицкого с коллегами

Ценный материал для биографа составили обнаруженные в архивах письма В.И. Лучицкого Б.Л. Личкову и В.И. Вернадскому. Эта находка восполнила в известной мере дефицит биографических материалов. Из писем можно почерпнуть интересные сведения о личности Владимира Ивановича, его научной и организационной работе, взаимоотношениях с коллегами.

Письма В.И. Лучицкого, обнаруженные в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН, охватывают период с 1911 по 1945 гг., их несколько десятков, занимающих 171 лист в личном фонде Б.Л. Личкова. Борис Леонидович Личков (1888–1966) – один из близких друзей и соратников В.И. Лучицкого, вместе с которым Владимир Иванович создавал Геологическую службу Украины. Из множества писем выбраны те, которые охватывают период с 1911 по 1926 гг.: первые из Варшавы, когда В.И. Лучицкий приглашал Б.Л. Личкова ассистентом на свою кафедру, и последние, характеризующие время борьбы за сохранение Украинского Геологического комитета.

В фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН хранятся 24 письма В.И. Лучицкого с 1911 по 1943 гг. Для публикации выбраны те из них, которые охватывают 1926–1943 гг.

В результате, письма Б.Л. Личкову и В.И. Вернадскому как бы дополняют друг друга хронологически.

В примечаниях дается точный адрес каждого письма и приводятся краткие разъяснения по тексту, в том числе расшифровка упоминаемых имен.

ПИСЬМА В.И. ЛУЧИЦКОГО Б.Л. ЛИЧКОВУ

Из Варшавы в Киев, 18 мая 1911 г.

Дорогой Борис!

Очень мне хотелось бы узнать, держите ли Вы теперь государственные экзамены; дело в том, что у меня освободится в ближайшем времени место ассистента (при кафедре минералогии и петрографии). Если бы Вы захотели, то по окончании экзаменов можно было бы устроить это дело. Жалование – 720 р. и на проезд 270 р. Пожалуйста, напишите мне, согласны ли Вы на мое предложение, был бы очень рад. Сердечный привет Леониду Семеновичу и Ляле¹. Всего наилучшего.

Ваш В. Лучицкий

Для научной работы условия великолепные (как в области минералогии и петрографии, так и геологии и палеонтологии)².

Из Варшавы в Киев, 15 октября 1912 г.

Дорогой Борис!

Пожалуйста, пришлите на имя директора института отказ по болезни или домашним обстоятельствам, если окончательно решили не ехать в Варшаву. Сиома³ согласился вести практические занятия. Поггенполя⁴ не могу пригласить, т.к. институт не освобождает от воинской повинности. Очень жаль, что не приедете. Желаю всего наилучшего Вам, Леониду Семеновичу и Ляле.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Лучицкий⁵.

Из Варшавы в Киев, 11 января 1913 г.

¹ Личков Леонид Семенович (1855–1943) – экономист, географ, отец Б.Л. Личкова; Личкова Елена Леонидовна (1891–1968) – геолог, в 1920-е годы сотрудник Украинского Геологического комитета (УГК), сестра Б.Л. Личкова.

² СПб АРАН. ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 1.

³ Сиома И.Ф. – лаборант кафедры минералогии Варшавского политехнического института.

⁴ Поггенполь В.А. – грунтовед, агроном, окончил естественное отделение Киевского университета.

⁵ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 2.



Борис Леонидович Личков

Дорогой Борис!

Снова обращаюсь к Вам с просьбой: пожалуйста, если будет у Вас время, зайдите в канцелярию совета и узнайте (вероятно, лучше у секретаря или у того чиновника, который сидит в левой комнате (от входа) за столом тотчас направо от дверей) – когда будет готов мой докторский диплом, когда будет переслан в Варшаву и нельзя ли как-нибудь это ускорить. Буду Вам очень благодарен. Поздравляю Вас, Леонида Семеновича и Лялю с Новым годом, желаю всего наилучшего.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Лучицкий⁶.

⁶ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 3.

Из Варшавы в Киев, 5 декабря 1913 г.

Дорогой Борис!

Не сразу отвечаю на Ваше письмо, так как завален был корректурами. Выпуску книг по составленному Вами списку я вполне одобряю.

...По поводу объектива для камеры 13 × 18 сейчас ничего не могу сказать. Если бы нужно было купить объектив сейчас, то лучше всего было бы остановиться на объективе Терцас III № 3 (около 80 руб.). Если же не так спешно, то может быть переговорим, когда приеду (11-го декабря буду в Киеве).

...Наконец, относительно конспекта⁷ – если решили его издать, то я с удовольствием пойду навстречу Вашему желанию и просмотрю его. В конспекте (не особенно все же кратком) желательно было бы, по моему, особенное внимание обратить на: 1) эволюцию органического мира, которая обычно в учебниках мало отмечена; 2) на палеогеографию, в связи с тектоническими процессами и вулканическими. Последние, впрочем, менее важны, так как лишь сопровождают первые. Во всяком случае имейте в виду, что я высказываю лишь свои соображения, а о распоряжениях никакой речи быть не может.

Желаю Вам всего наилучшего. Сердечно приветствую Л.С. и Лялю.

Крепко жму Вашу руку.

В. Лучицкий⁸.

Из Варшавы в Киев, 11 февраля 1914 г.

Дорогой Борис!

Очень, очень извиняюсь, что задержался с ответом; причину мою Вы знаете; теперь немного успокоились мы и могу Вам написать. Я Вашу рукопись прочел и могу сказать, что она составлена очень хорошо и со знанием дела. Я только могу указать на один ее, с моей точки зрения, недостаток – именно: она для конспекта слишком подробна и велика, для учебника же слишком мала; но сокращать ее, опять-таки с моей точки зрения, нельзя: получится конспект. Я же лично, быть может и без

⁷ Конспект Б.Л. Личкова, составленный им при подготовке к магистерскому экзамену по геологии.

⁸ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 5–6.

особого основания, крайне отрицательно отношусь к изучению той или другой науки по конспекту; он, быть может, облегчает подготовку к экзамену, но знаний дать не может... Теперь не знаю, когда приеду, т.к. приезд зависит от времени выезда за границу...

Сердечный привет Л.С. и Ляле.

Жму руку В. Лучицкий⁹.

Из Симферополя в Киев, 12 декабря 1920 г.

Дорогой Борис!

Очень прошу Вас сделать все возможное, чтобы меня вызвали телеграфом (или письменно) институт (или как называется теперь университет киевский), если я состою там преподавателем (говорят, что переизбран) – через Комиссариат народного просвещения Крыма, и вызывают меня для работы в Украинском Геологическом комитете – через Горный отдел Крымсовнархоза. Это необходимо. Вызовы нужно было бы прислать и мне лично в Таврический университет или Спасская 10, Симферополь. Сообщение о Олеге, Насте, маме¹⁰ и других телеграфируйте, очень, очень прошу Вас.

Ваш В. Лучицкий¹¹.

31 марта 1922 г.

Дорогой Борис!

В Москве я видел Рябинина, Котульского и Розанова¹². От Розанова я узнал, что наше Положение в том виде, как оно было принято (следовательно, по-видимому, судя по этому, в окончательном виде) было передано в ВСНХ на утверждение. Коллегия ВСНХ сделала надпись – передать на заключение ряда инстанций ВСНХ; в орготделе дали уже заключение – весьма неблагоприятное: судя по положению у нас должно иметься большое количество учреждений (помимо лаборатории, библиотеки, музея – разведочный, петрографический отделы и т.д. – затем ряд самых разнообразных категорий и квалификаций сотрудников; из этого вытекает огромный штат, до 100 слишком человек. Такого учреждения, по мнению орготдела ВСНХ, не может быть при су-

⁹ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 8.

¹⁰ Члены семьи В.И. Лучицкого.

¹¹ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 10.

¹² Представители руководства Геологического комитета в Петрограде.

ществующем Российском ГК. Розанов просил вернуть положение для переработки, а для ускорения Российский ГК должен изменить положение. Поэтому я выехал в Петроград и сегодня возвратился в Москву. В Геологическом комитете наше положение несколько переделали в связи с тем, что указано в ВСНХ, – т.е. сокращено число названий возможных учреждений наших и категорий возможных сотрудников. К сожалению, не смог встретиться с Полонским¹³, который был в Петрограде и 1.IV собирался ехать в Киев. Во всяком случае отношение к нам по-прежнему хорошее. Наше заявление о работах принято Геологическим комитетом полностью (везу бумаги), также план 10-верстных работ, кроме 60-го листа, т.к. на этой территории, как я уже узнал в поезде, работал О. Ланге¹⁴ в 1917 г. и хотел бы наверное, продолжить работу.

Получил издания комитета с 1918 г. для УГК, а когда снова кто-либо поедет – получит для него все имеющиеся издания Комитета. Взял бы их и сейчас, если бы ехал в Киев прямо, но еду сейчас в Москву; буду там сегодня, 31.III, а 1 апреля выеду в Харьков, где буду 21.V и надеюсь пробыть там не более 1 недели, надеюсь, что Алексеев что-либо подготовил к моему приезду – ведь он, вероятно, приехал в четверг, 30.III. в Харьков, я же буду 2.IV. Везу бумаги для Харьковского Укрпрома от Геологического комитета, между прочим об академическом пайке. Съезд геологов¹⁵ будет не ранее 1 июня, но вчера в Петрограде Сумкин мне говорил, что вообще все съезды, в том числе и геологический отложены до осени распоряжением СНК. Зоологам дано для съезда 30 пайков на 1 м (на неделю, следовательно, 120). Геологическому съезду обещана сумма денег, какая – неизвестно; когда приеду в Москву, узнаю об этом подробнее. Участников заявлено около 270 человек, я дописал Крыжановского, Коклика и Красовского¹⁶ – их заявлений не оказалось. Докладов много, но не очень интересные большей частью, по видимому, наши в общем наиболее интересны. Экскурсий не будет никаких.

Геологический комитет свою работу тоже, вероятно, ограничит...

¹³ Полонский Федор Михайлович – геолог. Консерватор геологического кабинета Всеукраинской академии наук (ВУАН).

¹⁴ Ланге Октавий Константинович – гидрогеолог, впоследствии профессор.

¹⁵ Первый всесоюзный съезд геологов состоялся в Петрограде в декабре 1923 г.

¹⁶ Крыжановский Леонид Андреевич – консерватор минералогического кабинета Киевского института народного образования; Коклик Сергей Григорьевич, Красовский Алексей Владимирович – геологи УГК.

Вас ждут в Петрограде (везу письмо Вебера¹⁷ Вам) – как раз в Присутствии при мне говорили о Вашем участии в работах Закаспийской экспедиции. Видел Баярунаса¹⁸, плоховатый вид у него, но говорит, что гораздо лучше ему теперь.

Сметы на исследования по 10-верстным листам пойдут дополнительно по Петрограду. Геологическому комитету; когда же пройдет Положение через ВСНХ, то будет и вся смета (очевидно, на будущий год) проводиться через Москву. Вообще же все невероятно сложно.

Желаю всего наилучшего.

Ваш В. Луцицкий¹⁹.

Из Харького в Киев, 7 сентября 1922 г.

Дорогой Борис!

Веду здесь большую борьбу за Укргеолком, но, несмотря на поддержку Брянцева, далеко не успешно. Приехал как раз во время, т.к. все сметы и организационные операции проходят через Госплан, и там приходится защищать мне сметы УГК и ЮЗПР. Все проходит под лозунгом сокращения всех расходов до минимума, т.к. Москва заявила, что дали меньше денег, чем в прошлом году, и в Харькове все стараются также урезать, где возможно. Так и с УГК и ЮЗПР. В связи с этим УГК сегодня в Президиуме УСНХ переименован в Украинское бюро Росгеолкома, в составе 15 лиц: в Киеве – 10, в Харькове – 1 (представитель) и в Екатеринославе – 4. В Киеве: председатель бюро, три геолога, геолог-секретарь, управделами, зав.библиотекой и музеем, машинистка, чертежник, курьер. Так повернулось колесо истории. Расскажу когда приеду. Все время составляю сметы, пере-краиваю их.

Теперь вот что. Я был у Волкова²⁰ – он прислал нам письмо – вы его читали? Если нет, значит, найдите его в ЮЗПР и непременно прочтите. Он крайне обижен, но мы с ним объяснились и теперь все улажено. Мы сделали ошибку, оставив смету, и он ее не понял, как видно из его письма. Объяснившись, пришли к следующему: он просит начать карты в частном порядке. Может

¹⁷ Вебер Валериан Николаевич (1871–1940) – первый выборный директор Геологического комитета (1917–1918), профессор.

¹⁸ Баярунас Михаил Викентьевич – геолог, воспитанник Киевского университета, в 1920-е годы работал в Геологическом музее РАН.

¹⁹ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 13.

²⁰ Куратор УГК в Украинском Высшем Совете народного хозяйства.

быть, Вы это сделаете и с помощью нашей молодежи начнете готовить их черновики...

Все эти карты в ближайшее время, будут отпечатаны и изданы в виде отдельного атласа Украины. Надо будет составить текст, Волков обещает средства...

Очень прошу хотя бы некоторые карты подготовить к 1 октября...

Устал так, что едва держусь на ногах, а дел масса, и ничего почти не выходит. Расскажу, когда приеду. Привет Ляле и Л.С.

Ваш В. Лучицкий²¹.

Из Москвы в Киев, 8 февраля 1925 г.

Дорогой Борис!

Сегодня получил Ваше письмо и спешу ответить на него, в то же время очень жду получения Вашего второго, более подробного письма. Относительно мер в Харькове я не могу выяснить, что сделано, и боюсь, что сделано очень мало, так как вряд Голдринг много сделает там в этом отношении. По-моему, крайне необходимо было бы, чтобы либо Вы (лучше всего), либо кто-либо из киевских геологов выехал на несколько дней в Харьков и там провел бы дела как с Каолинкомбинатом, так, с ассигнованием сумм (39 000 р.) Из СНК Украины и по ряду других дел, между прочим в связи с поручением тех или иных работ УГК, например, по разведкам. Конечно, выезд Мокринского совершенно исключается. Относительно прикидывающегося дурачком А.П. думаю, что он кое-что забыл, так как он, с одной стороны, сообщил то содержание декрета, согласно которому в составе УОГК должны оставаться в штатах заведующий, геолог, инженер-геолог и представитель в Харькове, декрет этот имеется у Прокупека – спросите его, он Вам его покажет, но вероятно, дирекция думала кого-либо оставить – определенных лиц – они назвали меня, Вас, Мокринского, кого они твердо знали, а относительно второго геолога, очевидно, думали о Чирвинском, но не могли решить сами, а нам забыли написать свои мысли.

Объяснений по поводу записки Васильева²² я не получил и содержания ее не знаю. Но мне все же думалось, как и в отношении другого, что во время своего пребывания в Питере я действовал как представитель УГК и потому, не имея дополнитель-

²¹ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 16–17.

²² Один из руководителей Геологического комитета в Петрограде.

ных отношений из УГК, я должен был действовать так, как считал суд по имеющимся налицо в Питере обстоятельствам, о которых не было известно в Киеве до составления отзыва о записке Васильева, что я могу действовать более или менее самостоятельно. Поэтому я и считал необходимым прежде всего ликвидировать те отношения, которые имелись налицо и вносили смуту в наши отношения с ГК. В первую очередь в отношении прикладной геологии. Поэтому я и считал необходимым принять меры к ликвидации спорных вопросов. Ведь не в спорах дело, а в налаживании работы, а ее можно наладить добрососедскими отношениями, а не спорами Киева с Питером. Этот спор вряд ли принес бы много пользы УГК. Поэтому я и решил ликвидировать дело с Васильевым и получить от него заявление, что все, что было, забывается. Да так и необходимо... Так что отношение УГК относительно письма Васильева будет прочтено, но оно уже будет устаревшим документом и будет принято к сведению...

Может быть я и не прав, но потому, что я видел в Питере, и отстаивая интересы УГК, который во всех отношениях теснейшим образом был связан со времени образования и до настоящего времени с Геологическим комитетом, я считал необходимым действовать так, как действовал.

Поэтому-то я и должен сказать, что именно мои беседы и переговоры с Пригоровским, Васильевым и Гедовиусом²³ привели к определенному модус вивенди, который вне всякого сомнения, если не будет взаимно обостряться – а со стороны этих трех лиц имеется, по-моему, в особенности в отношении Гедовиуса полная гарантия – дело прикладной геологии пойдет в общем гладко; постольку-поскольку это возможно в связи со столкновением в ряде случаев ГК и его отделений вообще, Украинского в частности...

Что касается моего председательствования, то я только временно не успел подать своего заявления по этому поводу; это заявление я прилагаю. Из центра шагов предпринимать не будут, там мне сказано, что будут ждать предложений из Киева... Но в то же время я не хотел бы порывать связи с УГК и, оставаясь быть может хотя бы временно геологом УГК, но временно откомандированным в Москву для обработки материалов, я мог бы вести тут работу между прочим и по получению материалов, поступающих сюда непосредственно, или открывающихся здесь в старых архивах, которые сейчас разбираются; об этом я говорил уже здесь, в Московском отделении..., мог бы помогать во

²³ Руководители отделов Геологического комитета в Петрограде.

всех случаях, когда понадобится моя помощь в деле связи с Москвой или Питером. Думаю, что эта связь будет сугубо необходима в ближайшие месяцы в связи с проектами образования ВУГК.

Что касается возглавления отдела прикладной геологии, то его, по-моему, пусть на далее возглавляет президиум, а формально, конечно, председатель отделения, если это нужно Мокринскому. Думаю, что он против президиума не будет иметь против. Совет, по-моему, должен состоять из штатных и нештатных; геологи избраны были, они не выключены приказами и получают содержание из нештатных сумм. Значит, совет закономерен..., а президиум пока лучше всего пусть будет из председателя и секретаря, так, мне кажется, лучше, иначе начнут разгораться страсти: В.В.-С.Г.²⁴ – Чирвинский или еще какая-нибудь нездоровая комбинация...

Всего наилучшего привет всем. Поторопите Лялю с присылкой мне сведений (я ей писал).

В. Лучицкий²⁵.

Из Москвы в Киев, 18 февраля 1925 г.

Дорогой Борис!

Не дождавшись обещанного Вами письма, которого я тщетно ждал (между прочим, очень хотел узнать, в чем и почему происходили бурные и частые заседания УГК) – сведений о УГК я ни от кого не получаю; каждый, кто пишет, говорит – о делах УГК Вы знаете из других писем. Я очень просил бы Вас написать мне подробнее о делах УГК.

Между прочим, если возможно, я очень бы просил делать так, чтобы то, что Вы предполагаете по УГК провести в Москве, в копии заранее присылали мне; иначе мне трудно проводить дела; один случай уже был – с делением Института сырья на Украине. Для меня неожиданно была бумага из УГК, и я видел Федоровского²⁶ уже после посылки им ответа; правда, сейчас я не смог бы помочь, так как М.В.²⁷ ввел УГК в значительное заблуждение по всем признакам и ответ Федоровского Вы уже получили.

²⁴ Ризниченко Владимир Васильевич, Коклик Сергей Григорьевич – геологи УГК.

²⁵ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 46–47.

²⁶ Федоровский Николай Михайлович (1886–1956) – директор Института прикладной минералогии.

²⁷ Фремд М.В. – геолог УГК.

Дело в том, что отделение Института сырья на Украине возможно только при условии установления вполне определенных заданий производства работы этим отделением. Средств далее Москва на эти отделения не даст, так как у нее средств нет; бюджет государственный института очень мал, а средства получают-ся путем дотаций от заинтересованных хозорганов...

Затем еще одно, о чем Вам писал Федоровский; нужны план работ, программа их, доказательства, что именно работа, кото-рая намечается, есть та, которая нужна и осуществить которую возможно, составить план, смету и т.д. Только после такой пред-варительной организационной работы может быть осуществлена организация отделения Института сырья на Украине...

Если Вы сколько-нибудь можете быть уверены в том, что ка-кой-нибудь хозорган может дать средства на работы, скажем, по каолину, графиту и другим видам минерального сырья Украины, то можно начинать дело организации нового учреждения, неза-висимого от Укргеолкома и связанного с ним персонально; но на-до помнить тоже, что получится новое учреждение с теми же ли-цами; если есть надежда получить средства, то все же стоит на-чать; но ведь можно и начать дело, провести отделение, сообщив достаточно убедительный материал, но денег не будет и тогда от-деление превратится даже не в мираж, а в воспоминание о преде-ланной работе по организации его.

Легче разрешить этот вопрос даже не в Киеве, а лишь после переговоров в Харькове с отдельными хозорганами, хотя мало надежды на благоприятный исход; в Харькове денег вряд ли кто даст; в особенности новому учреждению... Думается мне, что, зная ситуацию хозорганов в Харькове, с одной стороны, в Моск-ве, с другой, думаю, что размах в Москве значительно больший, больше возможностей, именно с Москвы и надо начинать. Если бы оказалось, что к исследовательской работе на украинских ми-неральных веществах с интересом отнесутся промышленные круги в Москве, то можно расширить работу, учреждая работаю-щее отделение на Украине...

Мне кажется, что лучше всего было бы исподволь, не спеша готовиться к организации отделения Института сырья на Украи-не, вырабатывать планы работ, планы осуществимые и такие, в которых действительно промышленные круги смогут быть заин-тересованы, разрабатывать действительные сметы и после хоро-шого продумывания всех вопросов провести жизнь самую орга-низацию...

Исходя из такой организационной схемы, совершенно жизненной, и можно создать отделение Института сырья на Украине...

Письмо Ляли получил, спасибо за него. Я очень прошу ее еще прислать мне сведения, что было послано в Харьков в смысле отчетного материала (карты, записки) до 1923/24 г., так как она прислала мне сведения только за 1923/24 г. ...

Всего наилучшего. Привет всему УГК.

Ваш В. Лучицкий²⁸.

Из Москвы в Киев, 5 марта 1925 г.

Дорогой Борис!

Я чрезвычайно благодарен Укргеолкому за то письмо, которое прислано мне. Конечно, ни в коем случае не порву связи с Укргеолкомом, и всегда буду все делать, чтобы помочь нашему общему делу...

Сейчас удастся налаживать работу по каолину, так как у Института прикладной минералогии (б. Литогоя) в уставе есть указание на право производства не только пробной добычи, но и показательной добычи, устройства показательных заводов, поэтому удастся получить средства тем же путем, как мы получали их в Киеве. С большой разницей: финансовый аппарат, общий для института, независимый от каолиновой секции, и действует совершенно независимо от секции, только по ее указаниям, и та трудная, отчетная часть, которая так трудна была в Киеве, не будет отвлекать от работы. Средства, я думаю, удастся получить более или менее значительные и, конечно, работа будет вестись при непосредственном участии в ней Укргеолкома, которому можно будет передать средства на производство работ, как полевых, так и лабораторных. Думаю, что это наиболее правильное разрешение вопроса, так как иначе получить средства нельзя. Имеется возможность устройства лаборатории по исследованию каолинов в Горной академии при петрографическом кабинете на средства частью треста, частью академии, которая даст также небольшую сумму.

К сожалению, вследствие отсутствия членов дирекции сейчас в Москве не мог поговорить о сокращении сумм на нештатных сотрудников. Оказывается, что и по Московскому отделению произошло то же самое – сократили с 1 апреля отпуск средств на нештатных сотрудников и придется их число сокращать. Произошло это, как говорят московские геологи, вследствие того, что

²⁸ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 49–50.

УГК испугал стремлением к самостоятельности Геолком. Так это или иначе, трудно сказать. Думаю, что это просто вообще борьба за существование и расширение, с устранением соперников. И сейчас происходит возвращение Геологического комитета к прежнему состоянию: сокращая отделения, развивает число своих сотрудников, а всех непокорных отстраняет. Число сотрудников по секции нерудных минералов (Малявкина²⁹) уже сейчас свыше 17 и предполагается расширение за счет, очевидно, урезки отделений; со стороны Геолкома это, по-моему, преступление. Формально они правы, морально нет.

Ведь знаете, что мне сказал Малявкин, когда я ему сказал, что в Москве начнет работать секция каолинов: “Смотрите, если хоть немного будете работать в той области, в которой работаем мы (т.е. секция Геолкома), то Вам не поздоровится; мы и когтями и ногтями на Вас будем нападать”. Это ли не характерно для Геолкома. А чем будет мешать секция – тем, что будет изыскивать на свои работы те средства, которые Геолкому недоступны или Геолком не умеет достать. И ведь довольно трудно знать, что можно делать в области изучения каолинов и чего нельзя – с точки зрения Малявкина; как будто там узка область исследования!...

Напомните Ляле о моей просьбе...

Ваш В. Лучицкий³⁰

Из Москвы в Киев, предположительно лето 1926 г.

Дорогой Борис!

Спасибо за письмо, которое мне передал М.В.³¹ Действительно, теперь я вспомнил, что я ошибался и писал Вам Петр вместо Павла³² и думаю, что эту ошибку я исправлю в этом своем письме, употребляю вместо Павла – Иуда, не знаю только откуда он родом. Надеюсь, что не из Киева. Вы знаете, я ни к кому плохо не отношусь, а тем более нет человека, про которого я мог бы сказать, что я его не люблю. Но когда мне вспоминается физиономия – не физическая, а внутренняя этого Иуды, то я чувствую, что я ненавижу его всеми фибрами души... Мне

²⁹ Малявкин Семен Филиппович (1876–1937) – заведующий отделом нерудного сырья Геологического комитета.

³⁰ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 52–53.

³¹ Фремд М.В.

³² Тутковский Павел Аполлонович (1856–1930) – академик УАН.

кажется, что более подлого человека, большего негодяя в отношении научной мысли я не знаю, не встречал и не слышал. Ненависть и отвращение к нему прямо неопишутемы, в особенности когда я вижу отношение, подписанное мерзким Иудой со стремлением ограбить Геологический кабинет, а теперь протягивающего свои грязные руки гасителя научной мысли к Укргеолкому. Конечно, я не остаюсь спокойным и при каждом удобном случае характеризую геологическую работу Украинской Академии наук как гасительницы геологической научной мысли и думаю, что моя пропаганда находит свой отзвук. Помоему, для Украинской Академии наук прямо позор иметь в своих стенах такого Иуду, и громадной ошибкой Вернадского, и тем более Василенко³³, которому он хорошо отплатил в интервью по поводу дела ЦД³⁴ за все отношение и помощь, которую получал от него этот Иуда, была назначить Иуду академиком...

Что касается Укргеолкома, то вряд ли перемелется и мука будет. Думаю, что если Г.³⁵ останется, то после хороших попок дальнейших с Полонским он доведет УГК до конца, т.е. заселят его такими полнейшими бездарями и хлыщами от науки, какими являются “підбрехачі” Иуды – Василенко, Лысенко, Полонский³⁶ – какой позор... А за ними пойдет всякая мелкая тварь, вша научная, которая погубит наше детище до конца. Придется потом возрождать все дело. Мне очень жаль, что я не в Геолкоме сейчас и приходится жить в Москве, иначе я повел бы снова борьбу против этой мрази. А сейчас приходится довольствоваться только пропагандой...

Ваш В. Лучицкий³⁷.

³³ Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935) – один из организаторов Украинской академии наук, академик УАН, второй президент Украинской академии наук.

³⁴ Антисоветская организация “Киевский центр действия”, за поддержку которой обвинялся Н.П. Василенко. Дело “Киевского центра действия” было сфабриковано органами НКВД.

³⁵ Гогунцов А.В., заведующий Украинским отделением Геологического комитета в 1926 г.

³⁶ Сотрудники П.А. Тутковского в ВУАН.

³⁷ СПб АРАН, ф. 1039, оп. 3, д. 279, л. 116.

ПИСЬМА В.И. ЛУЧИЦКОГО В.И. ВЕРНАДСКОМУ

Из Москвы в Ленинград, 27 ноября 1926 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ваше письмо я получил в день своего выезда в Донбасс и потому не смог Вам ответить тотчас. В Донбасс выехал по делам как раз “питьевых и артезианских вод” – в Артемовске (Бахмуте) пущен в ход новый водопровод, получающий прекрасную воду, чистую, (11° ...), в большом количестве из указанного мной и разведанного мной и Палием (моим учеником) горизонта; теперь бахмутцы чуть не по целым дням купаются у себя в ваннах, думают строить канализацию и т.д. Теперь очередь за другими страдальцами от воды и без воды городами Донбасса – Сталиным и Лисичанском, рудниками Горловки; нами т.о. совершен на основе чисто научной работы (за которую практики-инженеры ругали) крупный переворот в водоснабжении Донбасса; воды найдены там, где их мало ожидали.

Возвращаясь к Вашему письму, я хотел прежде всего сказать, что вне сомнения при существующих условиях можно провести это дело и довести его до конца; я не говорю в данном случае о финансовой стороне¹.

Несомненно, что с рядом затруднений мы встречаемся; эти затруднения заключаются в том, что... очень осторожно разрешают вопросы участия тех или других гидрогеологов, степень их участия в этом крупном коллективном труде. У ряда их имеется неопубликованный материал, собранный воедино – это колоссальная ценность, но собрать его воедино очень трудно; хотя, конечно возможно – надо найти путь к этому; как пример приведу хотя бы данные по питьевым и артезианским водам Украины; для них имеем четыре источника данных: северо-западная часть – киевские геологи; юго-западная – одесские геологи (гл. обр. Токарев и Ю.О.М.О.); Приазовская часть – П.А. Двойченко; Харьковский район – А.С. Федоровский. Возможность объединения их сил – при удачном распределении работы, но далеко не легко. В том же положении находится ряд районов Центральной и Западной России, где работал ряд гидрогеологов на территории одного и того же гидрогеологического района (Мирчинк, Жирмунский и др.), или Поволжья (Мазарович, Саваренский и др.)².

¹ Речь идет о замысле В.И. Вернадского подготовить и издать на основе КЕПС сборник-справочник по гидрогеологии СССР.

² Называются имена известных геологов и гидрогеологов.



Владимир Иванович Вернадский

Конечно, в периоде организации и обсуждения всего этого все можно, б.м. за немногими исключениями, благодаря тому, что именно Вы руководите этой работой, утрясти и ввести в русло.

Я, конечно, с удовольствием взялся бы за это дело, как Вы предлагаете, но меня смущает одно: что Президиум КЕПС согласился с Вашим предложением относительно меня (меня это чрезвычайно радует и трогает), что согласятся москвичи с мнением Вашим и Президиума КЕПС вполне возможно, т.к. я с ними, в особенности теперь, веду общую гидрогеологическую работу; то же могу сказать и про менее крупную группу, как украинские гидрогеологи, но как отнесутся к этому геологи Геолкома, для мно-

гих из которых я “*bife noire*”³ – я не знаю, не будет ли протеста со стороны их.

Было бы желательно, чтобы на совещании приняли участие так же представители от Бюро подземных вод при НГУ ВСНХ СССР, которое теперь сформировалось и приступило к работе; было бы желательно личное приглашение таких лиц, как В.С. Ильин и Г.Ф. Мирчинк, которые особо живо интересуются вопросами гидрогеологии и в то же время тесно связаны с широкими кругами гидрогеологов. В Питер я смогу приехать, когда захотите, только заранее напишите мне о дне; думаю, что сумею устроить свой приезд за счет какого-либо учреждения. Было бы очень хорошо, если бы удалось устроить совещание хотя бы в середине декабря.

Думаю, что уже на этом совещании придется хотя бы в общей форме затронуть вопросы такого рода:

- 1) размеры всего сборника;
- 2) характер деления сборника на статьи по определенным признакам, либо по областям госплановским;
- 3) либо, что, по-моему, правильно, так как естественнее и более устойчиво, по гидрогеологическим районам;
- 4) характер участия лиц, работающих в гидрогеологии.

По возвращении в Москву я сейчас же пришлю Вам то, что обещал, по вопросу о программе сборника.

В минералогическом совещании участие приму с большим интересом; о нем я впервые узнал от Вас.

До выезда из Москвы я не получал Вашей “Биосферы”; жду ее с большим интересом.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Лучицкий⁴.

Из Москвы в Ленинград, 4 января 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Мне очень жаль, что не удалось приехать на Минералогический съезд – оказалось, так был завален как раз в самом конце года отчетными работами, что не в силах был вырваться из Москвы. А между тем так хотелось увидеться и с Вами, и с рядом минералогов на съезде и прослушать доклады.

Я Вам давно писал относительно сборника по артезианским водам, не знаю, получили ли Вы мое письмо (из Бахмута). По-

³ Неизвестен (фр.).

⁴ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 20–22.

сле него никаких сведений от Вас не имел. Меня очень интересует дальнейшая судьба этого сборника. Что сделано в отношении его в Питере? Очень хотелось бы непосредственно с Вами поговорить о нем. Очень надеюсь, что в скором времени мне все же удастся приехать в Питер, тем более, что мне хотелось бы хотя бы как-нибудь способствовать рассеянию той тяжелой атмосферы между геологами Питера и Москвы, о которой Вы, вероятно, знаете. А между тем именно эта атмосфера, несомненно, в значительной степени будет мешать и нормальному ходу научной работы в некоторых отраслях геологических наук.

Я очень жалею, что не виделся так же с Вами, когда Вы были в Москве. На всякий случай, если приедете еще раз в Москву запишите мой телефон домашний 4-50-05, по нему мы могли бы сговориться, где увидиться. Другой мой телефон – Института прикладной минералогии, где я провожу почти ежедневно много времени днем – 64-93. Сейчас я заканчиваю обещанную Вам небольшую статью о водоносных горизонтах Украины. Плохо то, что она разрослась и ее приходится сокращать, и на это много уходит времени.

То, над чем я сейчас начал работать – для того, чтобы опубликовать вероятно в ближайшее время в издании Института прикладной минералогии – это мои материалы по каолинам Украины. Частью мной лично, частью моими сотрудниками произведены были большие разведочные работы по каолинам всей Украины и собран очень большой материал по ним. Я производил также и минералого-химические исследования каолина у себя в лаборатории, и мне хотелось бы закончить эту работу, чтобы не пропал материал, который скопился у меня в сущности в колоссальном количестве. Думаю, что при существующих условиях мне все же удастся опубликовать его листах на 20.

Вообще же относительно каолинов и глин я считал бы, что наиболее правильно было бы провести коллективную работу, так как у многих имеется большой материал по ним, но материал разнохарактерный и разноликий. Обработка его ведется также крайне не разнообразно (правда, и с ненормальными претензиями вплоть до запрещения работать вообще по каолинам). Использование материалов до конца, имеющихся у различных лиц и учреждений было бы лучше всего. Мне думается, что, если бы Вы, дорогой Владимир Иванович, нашли бы эту мысль об объединенной работе по каолинам и глинам правильной, взяли бы на себя инициативу в этом вопросе, можно было бы подготовить для печати через некоторое время большой материал, всесторонне освещающий эти вещества не только с краевой

точки зрения, но и с мировой – общенаучной, лучше сказать. Но тогда необходимо было принять во внимание и каолины различных стран.

С глубоким уважением

Ваш В. Лучицкий⁵.

Из Москвы в Ленинград, 5 января 1927 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ваше письмо, посланное Вами 28.12.26 г. я получил сегодня, 5.1, как раз после посылки Вам своего письма. То, что произошло, весьма характерно, к сожалению, для Геологического комитета данного времени. Ведь я не сомневаюсь, что Д.И. сказал Вам правду, когда Вы с ним говорили, ГК не начинал этой работы. Но когда узнал от Д.И.⁶, что КЕПС намерен начать эту работу, эта работа тотчас была фиктивно начата в ГК. Ведь это не первый раз – отказ ГК от общей работы и захват этой работы, которую он не всегда может выполнить. То же имеет место и по отношению к ИПМ, – институт начал вести работу по изучению строительных ракушечников Крыма – и сейчас перестраивается программа работ ГК С.Ф. Малявкиным с целью закрыть дорогу институту в направлении намеченного им исследования.

Очень мне жаль, что Ваше намерение не удалось осуществить. Очень боюсь, что работа эта, проводимая теперь одним лишь ГК, даст не те результаты, которые могли бы получиться, если бы эту работу вел КЕПС под Вашим руководством с участием ГК. Думаю, что те обостренные отношения, которые существуют сейчас, приведут к тому, что ГК будет лишен многих материалов, которые имеют в руках гидрогеологического центра – московских гидрогеологов. Очень жаль, что и тут ГК не отказался от агрессивности.

Сердечно преданный Вам

В. Лучицкий⁷.

⁵ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 23–24.

⁶ Мушкетов Дмитрий Иванович (1883–1937) – директор Геологического комитета в 1926–1929 гг.

⁷ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 25.

Из Москвы, 19 октября 1928 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Обращаюсь к Вам с просьбой следующего рода: меня выдвинули в число кандидататов в академики. Так как у меня очень мало надежды на то, что моя кандидатура может иметь хотя бы какой-нибудь успех, я очень прошу Вас, если Вы того же мнения, передать в Академию мой отказ от баллотировки в число академиков.

Конечно, участие мое непосредственно в работах Академии для меня имело бы огромное значение, так как я мог бы в таком случае снова в большей мере, чем сейчас, заняться той научной работой, которая сейчас все же в значительной степени затруднена условиями работы в Москве.

Я очень прошу Вас ответить мне по адресу: Москва-54, Горная Академия.

Переслал Вам несколько времени тому назад свою последнюю работу – “Каолины Украины”. Это первая часть, геолого-разведочная по преимуществу, за которой будет следовать минералого-петрографическая часть, над которой в настоящее время работаю.

Сейчас я очень заинтересовался крупными месторождениями алунитов в Заглике и в новом месторождении Мизрик, которые я посетил в этом году. Месторождения чрезвычайно интересные, в особенности последнее, и сейчас мне удалось поставить там разведочные работы, которые будут связаны с минералого-петрографическим и химическим исследованием этих в значительной степени загадочных по способу своего генезиса образований.

Институт прикладной минералогии ставит между прочим в связи с изучением этих месторождений алунитов вопрос о разрешении алюминиевой проблемы, прорабатывая материал в технологических лабораториях.

Очень интересные результаты получены летом этого года при работах по гранитам Украины, где обнаружены чрезвычайно разнообразные типы гранита, новые для Украины, хотя и приуроченные все к докембрию.

Всего наилучшего. Сердечно преданный Вам

В. Лучицкий⁸.

⁸ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 26.

Из Москвы в Ленинград, 8 июня 1935 г.

Дорогой Владимир Иванович!

...Я сговорился с Петрографическим институтом Академии, что по Академии в этом году будет проводиться, в связи с конгрессом, работа по дальнейшему изучению мной нефелиновых, сиенитовых и других щелочных пород Украины и, как основная тема, – стратиграфия украинского докембрия. В этом году, в связи с этим, я усилю свою работу по изучению магматических пород Украины и смогу, возможно, прислать Вам и совершенно новый материал.

Хотел сообщить Вам некоторые ненормальности, которые имеют место в Киеве. Как Вам известно, из Киевского университета Виленская коллекция минералов была изъята и передана в Украинскую Академию наук. В настоящее время, как мне сообщили, Минералогический музей ВУАН заключил договор на составление коллекций минералогических для Педагогического института в Киеве; так как фонды в музее отсутствуют, то, недолго думая, часть минералов взяли из Виленской коллекции и продали их институту. Эти образцы Виленской коллекции с крупными цифрами на этикетках уже видели в Педагогическом институте. Очень боюсь, что разбазаривание этой ценной коллекции пойдет дальше, а это может привести и к крупным неприятностям, так как, что Вам также известно, польское правительство уже подымало один раз вопрос о передаче Польше этой коллекции.

Желаю всего наилучшего.

Ваш В. Лучицкий⁹.

Из Москвы в Ленинград, 19 июля 1937 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Рукопись Л.С. Личкова получил и ее начал читать. В таком виде (расширенном) верно трудно будет ее где-либо напечатать, хотя, может быть, и возможно; переговорю с нашими московскими гидрогеологами.

Очень рад за Бориса Леонидовича и за его семью, если только я правильно понял то, что Вы написали, именно, что он как будто возвращается к прежней жизни своей.

⁹ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 28.

Из Вашей открытки я так понял, что вряд ли возможно успешное проведение моей кандидатуры в ч.-к.¹⁰ Я Вам чрезвычайно благодарен, дорогой Владимир Иванович, за то, что Вы меня представили. Насколько я знаю, меня поддержал бы Федоровский, но сейчас, так как я перехожу в Петрин¹¹ для научной работы и оставляю Институт минерального сырья, этот последний институт, который мог бы меня в лице Федоровского поддерживать, наверное, отпадает. После переговоров Ваших с Францем Юльевичем¹², последний мне сообщил, что он поддерживает Ваше предложение, но прибавил, что сейчас Академия наук хлопочет о получении права на выбор большего числа ч.-к., чем она имеет право выбирать в настоящее время и, может быть, будет некоторая надежда.

Желаю всего наилучшего. Сердечно преданный Вам

Ваш В. Лучицкий¹³.

Из Каменска-Уральского в Боровое, 17 ноября 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Шлю Вам свой сердечный привет из г. Каменска-Уральского, куда я направлен дирекцией Института геологических наук Академии наук для минералого-петрографической работы по бокситам. Живу в условиях очень тяжелых, как и ряд других... Сама Академия наук пока мне мало помогла в смысле бытовом, хотя продолжаю считаться сотрудником Академии. Очень хотел бы получить вести от Вас, дорогой Владимир Иванович, и о Ваших. Зиму буду проводить в Каменске или в одном из окрестных сел, но основной мой адрес будет оставаться: Каменск-Уральский, до востребования.

Мне очень жаль, что перед Вашим отъездом из Москвы не смог повидать Вас. Сам я выехал в Миас 12.08, пробыл там до конца октября и затем переехал по настоянию дирекции института в Каменск.

Желаю Вам всего наилучшего.

Сердечно преданный Вам

Ваш В. Лучицкий¹⁴.

¹⁰ В члены-корреспонденты АН СССР.

¹¹ Петрографический институт АН СССР.

¹² Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) – академик, директор Петрографического института АН СССР.

¹³ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 30.

¹⁴ Там же. Л. 31.

Из Каменска-Уральского в Боровое, 14 мая 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Вчера послал Вам заказное письмо, автобиографию, научную характеристику. Во втором заказном письме – список научных работ. Когда писал, не сообщил Вам сведений о В.Н. Вебере и Г.Ф. Мирчинке. Когда скончался В.Н. – сведений у меня нет. Что касается Г.Ф., он скончался в Саратове в апреле прошлого года скоропостижно, более точных сведений нет о нем... Скончался в Пятигорске Лодочников В.Н.¹⁵, когда, точных сведений нет.

Шлю свой сердечный привет.

Преданный Вам Ваш В. Лучицкий¹⁶.

¹⁵ Лодочников Владимир Никитович (1887–1943) – известный петрограф.

¹⁶ АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1004, л. 32.

Даты жизни и деятельности В.И. Лучицкого

- 1887** 21 апреля родился в Киеве.
- 1887–1895** учился в Третьей Киевской гимназии.
- 1895–1899** учился на естественном отделении физико-математического факультета Киевского университета.
- 1899** награжден золотой медалью за дипломную работу по петрографии. Избран действительным членом Киевского общества естествоиспытателей.
- 1899–1903** стипендиат кафедры минералогии Киевского университета.
- 1901** опубликовал первую научную работу “О микроскопическом строении некоторых третичных песчаников Южной России”.
- 1903–1905** пребывал в научной командировке в Германии.
- 1905–1907** приват-доцент кафедры минералогии Киевского университета. Преподавал на Киевских высших женских курсах.
- 1907** защитил на физико-математическом факультете Киевского университета магистерскую диссертацию “Петрографические исследования кристаллических пород Баварского Леса”. Избран секретарем Киевского общества естествоиспытателей.
- 1908–1914** профессор кафедры минералогии Варшавского политехнического института.
- 1910** выступил на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей в Москве с докладом “Рапакиви и породы, которые его сопровождают”. Издан учебник “Курс петрографии”.
- 1912** защитил на физико-математическом факультете Киевского университета докторскую диссертацию “Рапакиви Киевской губернии и породы, которые его сопровождают”.
- 1913** научная командировка в Швецию. Участвовал в сессии Международного геологического конгресса. Избран неперменным членом Киевского общества естествоиспытателей.
- 1915–1916** работал в Саратове в связи с эвакуацией Киевского университета.
- 1917** по инициативе и под председательством В.И. Лучицкого основан Отдел сырья Киевского комитета военно-технической помощи.
- 1918** начал работать Украинский Геологический комитет. В.И. Лучицкий избран его первым директором.
- 1919** возглавил секцию подземных богатств и гидрогеологическую секцию Комиссии по изучению природных богатств Украины при Украинской академии наук.

- 1919–1921** профессор кафедры минералогии Таврического университета.
- 1921** вернулся в Киев, преподавал в Киевском университете и работал в Украинском Геологическом комитете.
- 1922** опубликовано в Москве второе издание “Курса петрографии”.
- 1923** принял участие в Первом совещании грунтоведов (Киев). На сельскохозяйственной промышленной выставке в Москве экспонировалась составленная В.И. Лучицким гидрогеологическая карта Полтавщины. Опубликована работа “Полезные ископаемые Украины”.
- 1924–1930** профессор, заведующий кафедрой петрографии Московской горной академии.
- 1924–1935** действительный член Института прикладной минералогии (Москва).
- 1924** по заданию Института прикладной минералогии руководил геологической разведкой месторождений графита, каолина и плавикового шпата.
- 1925** руководил Украинским отделением Геологического комитета и принимал участие в его исследованиях. Выступил с серией докладов на Первом съезде исследователей производительных сил и народного хозяйства Украины. Избран на съезде председателем секции “Природа”.
- 1926** участвовал в организации и проведении в Киеве Второго всесоюзного геологического съезда, на котором выступил с рядом докладов.
- 1930–1941** профессор, заведующий кафедрой петрографии Московского геологоразведочного института.
- 1932** опубликовано третье, расширенное (в двух томах) издание учебника “Петрография”.
- 1934** утвержден Высшей аттестационной комиссией СССР в ученой степени доктора наук без защиты диссертации. Опубликована первая часть монографии В.И. Лучицкого и П.И. Лебедева “Петрография Украины”.
- 1937** опубликовано четвертое (трехтомное) издание “Петрографии”.
- 1935–1944** старший научный сотрудник Геологического института АН СССР.
- 1936** опубликована фундаментальная монография В.И. Лучицкого и Е.А. Кузнецова “Петрографические провинции СССР”.
- 1937** участвовал в организации и проведении в Москве XVII сессии Международного геологического конгресса.
- 1938** опубликовано пятое издание учебника “Петрография”.
- 1939** опубликована монография “Петрография Крыма”. Под редакцией и с авторским участием В.И. Лучицкого вышел из печати первый том “Стратиграфии СССР” – “Докембрий СССР”.
- 1941–1944** работал на Урале научным консультантом треста “Союзалюминразведка” Наркомата цветной металлургии.
- 1944** заведующий отделом петрографии Института геологических наук УССР.

- 1945** избран действительным членом АН УССР по специальности “петрография”. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.
- 1945–1949** профессор кафедры минералогии и петрографии Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.
- 1946–1949** директор Института геологических наук АН УССР.
- 1947** под редакцией и с авторским участием В.И. Лучицкого опубликована монография “Український кристалічний масив”. Присвоено звание Заслуженного деятеля науки Украинской ССР.
- 1948** опубликован учебник “Сокращенный курс петрографии”.
- 1949** завершена публикация шестого двухтомного издания учебника “Петрография”.
- 1949** 20 октября скончался в Киеве.

Научные труды В.И. Лучицкого*

1901

О микроскопическом строении некоторых третичных песчаников Южной России // Зап. Киев. о-ва естествоисп. 1901. Т. 17. Вып. 1. С. 205–278.

1904

Несколько слов о песках и песчаниках Киевской губ. // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 18. С. IX–XIV.

О некоторых месторождениях полезных ископаемых на юге Киевской губ. // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 18. С. XXVII–XXIX.

Об органических остатках в послетретичных отложениях Каневского уезда // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 18. С. XXIX–XXXI.

1905

Глинистые сланцы Крыма и один из контактов их с изверженными породами // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 19. С. XIII–XVII.

1906

Изоморфизм и полиморфизм кристаллов йодной, бромной и хлорной ртути // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 20. Вып. 2. С. 191–207.

1907

Петрографическое исследование кристаллических пород Баварского леса // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 20. Вып. 8. С. 427–429.

Кристаллические жидкости // Физ. обозрение. Т. 8. С. 190–197.

Пластичные (“жидкие”) кристаллы // Физ. обозрение. Т. 8. С. 135–140.

1908

О горных породах Тарбагатай и окрестностей озера Марка-Куль. Киев. 16 с.

Петрографическое исследование кристаллических пород Баварского леса // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 20. Вып. 3. С. 427–729.

* Не вошли рецензии, рефераты, некрологи, газетные публикации и издания, выходявшие под редакцией В.И. Лучицкого. Более подробный список см.: Володимир Иванович Лучицкий. Киев, 1968. 52 с.

1909

Кристаллографическое исследование калиево-ванадиевого вольфрамата // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 21. Вып. 1. С. 171–173.

О горных породах Тарбагатай и окрестностей озера Марка-Куль // Протоколы засед. Киев. о-ва естествоисп. за 1907–1908 гг. С. IX–XXIV.

Отчет об экскурсии по р. Тясмину в окрестностях м. Каменка в 1908 г. // Протоколы годовичного собрания Киев. о-ва естествоисп. за 1909 г. С. LXXIV–LXXV.

1910

К вопросу о происхождении гранитов юга России // Протоколы засед. о-ва естествоисп. при Варшав. ун-те. № 1–2. С. 1–5.

Курс петрографии. СПб.; Киев. 265 с.

О гранулитах в Киевской губернии // Протоколы засед. Киев. о-ва естествоисп. за 1910 г. С. 21.

Рапакиви Киевской губернии и породы, его сопровождающие: Краткий текст доклада // Дневник XII съезда рус. естествоиспытат. и врачей в Москве. № 8. С. 325–326.

Сообщение о геологических исследованиях южно-западной части 31-го листа 10-верстной карты Европейской России // Изв. Геол. ком. Т. 29. С. 59–61.

Явления динамометаморфизма на юге Киевской губернии: Краткий текст доклада // Дневник XII съезда рус. естествоиспытат. и врачей в Москве. № 8. С. 326.

1911

Материалы по петрографии юга России: Рапакиви Киевской губернии и породы, его сопровождающие // Изв. Варшав. политехн. ин-та. Вып. 1. С. 1–96.

Предварительный отчет о геологических исследованиях летом 1910 г. в области 31-го листа 10-верстной карты Европейской России // Изв. Геол. ком. Т. 30. С. 39–41.

Сообщение о геологических исследованиях северо-западной части 31-го листа 10-верстной карты Европейской России // Изв. Геол. ком. Т. 30. С. 163–164.

1912

Ломоносов – в области кристаллографии, минералогии и учения о рудных месторождениях // Амалицкий В. Значение трудов Ломоносова по минералогии, геологии, металлургии и горному искусству. Варшава. С. 14–17.

Материалы по петрографии юга России: Рапакиви Киевской губернии и породы, его сопровождающие // Изв. Варшав. политехн. ин-та. Вып. 1. С. 97–332.

Сообщение о геологических исследованиях северо-восточной части 31-го листа 10-верстной карты Европейской России // Изв. Геол. ком. Т. 31. С. 17–18.

1913

Заметки по минералогии юга России // Изв. Варшав. политехн. ин-та. Вып. 1. С. 1–9.

Новый выход изверженной породы в Полтавской губернии // Изв. Варшав. политех. ин-та. Вып. 1. С. 10–17.

Область развития гранулитов на юге Киевской губернии // Изв. Варшав. политех. ин-та. Вып. 1. С. 18–27.

Отчет о геологических исследованиях фосфоритовых отложений Киевской губернии // Отчеты по геологическому исследованию фосфоритовых залежей. М. Т. 5. С. 597–712 (Тр. Комиссии Моск. с.-х. ин-та по исслед. фосфоритов. Сер. 1).

1916

Радиоактивные минералы в России // Физ. обозрение. Т. 16. С. 185–193.

Контакты известняков с изверженными породами в Алайском хребте (Фергана): Короткий текст доклада // Протоколы засед. Киев. о-ва естествоисп. С. 73.

1917

Новые данные по гидрогеологии Полтавской губернии // Зап. Киев. о-ва естествоисп. Т. 25. Вып. 2. С. 71–114.

Современная деятельность Академии наук и Геологического комитета в связи с изучением естественных производительных сил России // Протоколы засед. Киев. о-ва естествоисп. за 1916–1917 гг. С. 39–40.

1919

Завдання геологічної праці на Україні // Вісті Природничої секції Укр. наук. т-ва. Т. 1. Ч. 2. С. 40–47.

Записка про організацію при УАН хіміко-геологічного дослідження кам'яного вугілля Донецького басейну // Протоколи засідань фіз.-мат. відділу УАН у Києві. С. 32–36.

Кристалічні лупаки і вапняки Київщини та їх контакт з гранітами // Вісник Укр. геол. ком. Вип. 1. С. 9–60.

1920

Крымские соленые озера // Эконом. жизнь Крыма. № 1. С. 12–13.

1922

Курс петрографии. 2-е изд., доп. и испр. М. 334 с.

Керченский железорудный район // Тр. Центр. упр. пром. разведок. Вып. 1. С. 3–38.

1923

Полезные ископаемые Украины. М.; Л.; Новосибирск. 159 с.

Фосфориты, их происхождение, распространение, добыча и использование. М. 39 с. (Б-ка горнорабочего. № 10).

Месторождения кила в Крыму // Горн. журн. № 5. С. 249–255; № 6. С. 312–317; № 7. С. 378–383.

Свинцовый блеск из Крыма // Докл. Рос. акад. наук. Сер. А. № 1–6. С. 35–36.

Украинский геологический комитет: Из отчетов Комитета // Горн. журн. № 3–4. С. 169–171.

Умови залягання і походження гірського мила (кил) в Криму // Укр. геол. вісті. Вип. 1. С. 2.

1924

Возраст водоносных горизонтов Киево-Харьковского бассейна // Укр. геол. вісті. Вип. 2. С. 17.

Напорные воды в кристаллических породах Киевской губернии // Вісн. Укр. відділу Геол. ком. Вип. 4. С. 94–99.

Некоторые черты тектоники и рельефа Украинской кристаллической полосы // Укр. геол. вісті. Вип. 1. С. 17.

О результатах исследования марганцевых руд и каолинов Правобережной Украины // Техника, экономика и право. № 4–5. С. 200–206.

Про артезіанські поверхи Києво-Харківської мульди // Укр. геол. вісті. Вип. 1. С. 18.

Строение и геологический состав Украинской кристаллической полосы // Укр. геол. вісті. Вип. 2. С. 17.

Украинское отделение Геологического комитета в 1923 г. // Горн. журн. № 9–10. С. 760–761.

1925

Геолого-петрографические исследования в западном районе Приазовской части Украинской кристаллической полосы в области верховьев рек Конки, Токмака, Юшанлы и Корсака // Изв. Геол. ком. Т. 44. № 2. С. 304–305.

Гідрогеологічна мапа України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 4. С. 2–3. (Співавтори Б.Л. Лічков, Г.С. Буренін, П.А. Двойченко, О.В. Красівський).

Кристалічні породи України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 6. С. 4–5.

Організація геологічних дослідів вивчення продуктивних сил України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 4. С. 5–6.

Пальні гази на Україні: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 5. С. 2.

Про наслідки дослідів манганової руди та каолинів Правобережної України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 3. С. 9–10.

Рудні і нерудні копальні багатства України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 5. С. 2.

Рудні і нерудні копальні багатства України: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 8. С. 6–7.

Стан промисловості по здобичі каолину: Тези доп. // Бюл. Орг. ком. з'їзду в справі дослідження продукційних сил та нар. госп-ва України. № 5. С. 4–5.

1926

II Всесоюзный геологический съезд: 30.IX.–6.X 1926 г. // Науч. работник. № 11. С. 23–32.

Геологічні дослідження в області 31-го аркуша на території Київської губернії // Вісник Укр. відділу Геол. ком. Вип. 7. С. 16–18.

Геологічні дослідження у Маріупольському повіті влітку 1925 р. // Вісн. Укр. від. Геол. ком. С. 27–28.

Гідрогеологічні дослідження м. Сталіно та його округи // Вісн. Укр. від. Геол. ком. С. 40–43.

Данные по гидрогеологии северо-восточной Украинской артезианской мульды в связи с вопросами водоснабжения сел и городов // Вісн. Укр. від. Геол. ком. Вип. 8. С. 67–100.

Запасы первичных и вторичных каолинов Украины (в связи с планированием их использования) // Минерал. сырье и его переработка. № 5. С. 355–362.

Исследования в области известняковых контактов хребта Киргиз-Ага (в Фергане) // Тр. по изучению радия и радиоактивных руд. Т. 2. С. 201–263.

Исследования каолиновых месторождений Украины Югзапромышленной и Укргеолкомом с 1921 по 1924 гг. // Вісн. Укр. від. Геол. ком. Вип. 9. С. 17–20.

Канада. Полевой шпат // Минерал. сырье и его переработка. № 1. С. 90.

Керамическое сырье в пятилетних гипотезах ОСВОК // Минерал. сырье и его переработка. № 7. С. 552–555.

Керамическое сырье СССР и возможности его использования // Минерал. сырье и его переработка. № 1. С. 47–53.

Месторождение серы на Керченском полуострове // Зап. Крым. о-ва естествоисп. и любит. природы. Т. 8. С. 19–30. (Соавтор В.В. Мокринский).

Новое месторождение калийных солей в СССР // Минерал. сырье и его переработка. № 3. С. 257.

Об организации геологических исследований на Украине // Праці Першого з'їзду дослідження продукційних сил та нар. гос-ва України. Т. 1. Геологія. Харків. С. 291–298.

Окись магния как керамическое сырье // Минерал. сырье и его переработка. № 5. С. 423.

Петрографическое исследование кристаллических пород района Курской магнитной аномалии // Тр. Особой комиссии по исследованию КМА при Президиуме ВСНХ СССР. Вып. 7. С. 161–234.

Полевые шпаты САСШ // Минерал. сырье и его переработка. № 5. С. 423.

Происхождение и возраст каолинов Украины // Вісник Укр. відділу Геол. ком. Вип. 9. С. 21–23.

Украина. Каолин. Фосфориты: О разведках в 1925 г. // Минерал. сырье и его переработка. № 1. С. 89.

1927

Бентонит Южной Дакоты // Минерал. сырье и его переработка. № 7. С. 521.

Ближайшие перспективы каолиновой промышленности. СССР // Минерал. сырье и его переработка. № 3. С. 217–225.

Геологические исследования в Мариупольском уезде // Изв. Геол. ком. Т. 45. С. 497–499.

Гидрогеологические изыскания в районе верховьев рек Кривого Торца, Кальмиуса и Волчьей // Изв. Геол. ком. Т. 45. С. 500.

Гидрогеологические изыскания меловой мульды в районе г. Артемовска // Изв. Геол. ком. Т. 45. С. 501.

Гидрогеологические изыскания в восточной части Ялтинского оползневого района летом 1925 года // Изв. Геол. ком. Т. 45. С. 313–315.

Гидрогеологические особенности артезианских горизонтов г. Киева // Вісн. Укр. від. Геол. ком. Вип. 10. С. 135–142.

Депрессия селитровой промышленности в Чили // Минерал. сырье и его переработка. № 7–8. С. 521.

Добыча калия // Минерал. сырье и его переработка. С. 521.

Добыча минерального сырья в Тунисе // Минерал. сырье и его переработка. С. 521.

Исследования для составления 10-верстной геологической карты Европейской части СССР: Область 31-го листа. Киевская губ. // Изв. Геол. ком. Т. 45. С. 217–218.

Калий в Техасе // Минерал. сырье и его переработка. № 7–8. С. 520–521.

Кристаллические известняки, чарнокитовые граниты и кинциты северной части Украины // Зап. Київ. т-ва природознавців. Т. 27. Вип. 2. С. 7–26.

Месторождения калиевых солей в Каталонии (Испания) // Минерал. сырье и его переработка. № 11. С. 759–761.

Новое промышленное месторождение корунда в киргизских степях // Минерал. сырье и его переработка. № 4. С. 313.

Основные результаты разведок месторождений первичного каолина Украины // Минерал. сырье и его переработка. № 1. С. 3–11.

Переработка полевого шпата в Теннесси // Минерал. сырье и его переработка. С. 761–762.

Результаты обследования каолиновых заводов Украины // Керамика и стекло. № 11. С. 407.

Рост добычи минерального сырья в Мексике // Минерал. сырье и его переработка. № 7–8. С. 520.

Увеличение добычи глин в САСШ в 1925 г. // Минерал. сырье и его переработка. С. 521.

Фосфориты Подолии и Киевской губернии // Фосфориты СССР. Л. С. 35–43.

1928

Каолины Украины. М. 244 с.

Динасовое производство и его минеральная база в районе Донецкого бассейна // Минерал. сырье и его переработка. № 9–10. С. 717–738.

Каолиновые месторождения Украины и их современное использование // Минерал. сырье и его переработка. № 2. С. 83–96.

Месторождения пемзы в Армении // Минерал. сырье и его переработка. № 9–10. С. 615–619.

1929

К вопросу о совместной работе Геологического комитета и научно-исследовательских институтов // Минерал. сырье и цветные металлы. № 1. С. 21–29.

Приветствие Укргеолкому в связи с 10-летним юбилеем // Вісн. Укр. від. Геол. ком. Вип. 12. С. 20.

Цементные мергели Амвросиевки // Минерал. сырье и цветные металлы. № 3. С. 244–249.

1930

Ближайшие перспективы научно-исследовательских работ в области изучения графитовых месторождений СССР // Минерал. сырье. № 3. С. 438–440.

Вопросы стратиграфии и тектоники Украинской кристаллической половины // Бюлл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. геол. Т. 8. Вип. 3–4. С. 197–270.

Горные породы // БСЭ. Т. 17. С. 799–803.

Каолины и огнеупорные глины // Минерал. сырье. № 2. С. 160–165, 185

Краткая характеристика сырьевых баз графитовой промышленности СССР на основании исследовательских работ последних лет // Горн. журн. № 4–5. С. 90–97.

Полевые шпаты и пегматиты // Минерал. сырье. № 3. С. 440–442.

Работы Горнотехнического отдела Института прикладной минералогии в 1927–28 и 1928–29 гг. // Минерал. сырье. № 4. С. 559–583.

Ресурсы графита в СССР на 1930 год // Минерал. сырье. № 7–8. С. 1050–1063. (Соавтор Н.С. Лаврович).

1931

Полезные ископаемые западной и южной окраин Донбасса // Минерал. сырье. № 10–11. С. 968–977.

1932

Обзор гидрогеологических исследований и разведочных работ в районе Ливадийского оползня в Крыму. М.; Л. 63 с. (Соавтор А.С. Моисеев).

Петрография. 3-е изд., переработ. М.; Л. Т. 1. 256 с.; Т. 2. 220 с.

Распространение глин в СССР и в других странах // Райе Г. Глины, их залежание, свойства и применение. Л.. С. 415–515. (Соавтор П.И. Юдинсон).

1933

Полезные ископаемые Украины. М.; Л.: Новосибирск: 160 с.

Каолин // Создание и развитие промышленности неметаллических ископаемых: 10 лет работы ИПМ. М.; Л.: Новосибирск. С. 125–154 (Соавтор А.Ф. Черин).

Соляные купола, газы и нефть (в Ромнах) // Минерал. сырье. № 7. С. 1–2.

1934

Петрография. 4-е изд., доп. и испр. М.; Л.: Новосибирск: Гос. науч.-техн. горногеол. изд-во. Т. 1. 259 с.; Т. 2. 221 с.

Петрография Украины. Ч. 1 // Лучицкий В.И., Лебедев П.И. Петрография Украины. Л. С. 13–162.

Минеральные образования в пласте угля “Средний” Карагандинского каменноугольного бассейна // Минерал. сырье. № 2. С. 48–50. (Соавторы Н.А. Волков, С.Д. Четвериков).

Северные месторождения Среднего Поволжья // Минерал. сырье. № 9. С. 4–7.

Сырьевая база каолинового завода на Урале // Минерал. сырье. № 8. С. 36–38.

1935

Возраст щелочных пород УССР // Геол. журн. Т. 2. Вып. 2. С. 151–152.

Матеріали до вивчення типів зсувів на території УРСР // Вісник метеорології та гідрології. № 9–10. С. 19–23. (Соавтор М.В. Фремд).

Сырьевые базы динасового производства на Украине // Минерал. сырье. № 1. С. 28–34.

1936

Петрографические провинции СССР. Л. 710 с. (Соавтор Е.А. Кузнецов).

Полевые шпаты, кварцы и графиты Приазовья: Тез. докл. // Конференция по изучению производительных сил Приазовья Днепропетровской области (июнь 1936 г.). Днепропетровск. С. 7–8.

Послекембрийские магматические породы Приазовья // Академику В.И. Вернадскому к 50-летию научной и педагогической деятельности. М. Т. 2. С. 159–165.

Ультраосновные и щелочные основные породы северо-восточного Приазовья // Тр. Моск. геологоразвед. ин-та. Т. 2. С. 3–73.

1937

Петрография. М.; Л. Т. 3. 344 с.

Железорудные месторождения Керченского полуострова // Тр. конф. по генезису руд железа, марганца, алюминия. М.; Л. С. 109–117.

Плавиковошпатовые районы СССР // Плавиковый шпат СССР. М.; Л. С. 5–6.

Плавиковый шпат в УССР // Плавиковый шпат СССР. М.; Л. С. 191–192.

1938

Каолиновая промышленность СССР и стандартизация ее продукции. М.; Л. 156 с. (Соавторы В.П. Александров, А.Е. Войцеховский).

Петрография. 5-е изд., перераб. М.; Л. Т. 1. 302 с.; Т. 2. 304 с.

Габбро-норитовые магмы УССР // Тр. Петрограф. ин-та. Вып. 12. С. 45–69.

Геология окрестностей плавиковошпатового месторождения Солонечно-го // Сулоев А.И., Лучицкий И.В. Материалы по геологии Восточного Забайкалья. М.; Л. С. 55–65.

Структурные особенности щелочных пород восточного Приазовья // Тр. Петрограф. ин-та. Вып. 13. С. 5–19.

1939

Петрография Крыма / Под ред. П.И. Лебедева. М.; Л. 96 с. (Акад. наук СССР. Ин-т геол. наук. Петрография СССР. Сер. 1. Региональная петрография. Вып. 8).

Воронежский кристаллический массив и район Курской магнитной аномалии // Стратиграфия СССР. Т. 1. Докембрий СССР. М.; Л. С. 163–171.

Вулканические пещлы Воронежской обл. // Тр. Воронеж. ун-та. Т. 11. Геол. отд. Вып. 6. С. 37–50.

Общий обзор докембрия Европейской части СССР // Стратиграфия СССР. Т. 1. Докембрий СССР. М.; Л. С. 191–219.

Оловоносность северо-западной части Украинской кристаллической гряды // Сов. геология. Т. 9. № 4–5. С. 142–143. (Соавтор М.А. Минаков).

Стратиграфия докембрия Украинского кристаллического массива // Стратиграфия СССР. Т. 1. Докембрий СССР. М.; Л. С. 81–161.

Щелочный комплекс Мариуполя // Тр. XVII сессии Междунар. геол. конгр. Т. 2. М. С. 119–122.

1940

О петрографическом составе и возрасте кристаллических пород Боенской скважины (в Москве) // Сов. геология. № 10. С. 11–12.

Сравнительная характеристика основных и ультраосновных пород Украины и их металлогения // Тр. Моск. геологоразв. ин-та. Т. 20. С. 151–176.

1941

Генетические взаимоотношения глубинных и интрузивно-эффузивных пород северо-запада Украинского кристаллического массива // Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып. 57. Петрограф. Сер. № 18. С. 1–23. (Соавтор М.И. Ожегова).

К вопросу о диагностике кордиерита в метаморфических и магматических породах // Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып. 40. Петрограф. Сер. № 13. С. 21–23.

Месторождения каолина за границей // Неметаллические ископаемые СССР. Т. 4. Глины и каолины – глины отбеливающие. М.; Л. С. 348–355.

Месторождения каолина СССР. Украинская ССР // Неметаллические ископаемые СССР. Т. 4. С. 355–373.

1945

Петрологія Українського кристалічного масиву: Резюме // Інформ. бюл. АН УРСР. № 4–7. (Співавтори М.П. Семененко, Л.Г. Ткачук, І.С. Усенко).

1946

Основні проблеми геологічної науки на Україні в новому п'ятиріччі // Вісті АН УРСР. № 9–10. С. 99–103.

Типы гиббситовых бокситов и их генетические взаимоотношения // Вопр. минералогии, геохимии и петрографии. М.; Л. С. 351–361.

Щелочные вмещающие породы Криворожского железорудного бассейна // Академику Д.С. Белянкину: К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности. М. С. 415–423.

1947

Петрография. 6-е изд., перераб. М.; Л. Ч. 1. 332 с.

Бердичівський магматичний комплекс // Український кристалічний масив. Киев. С. 199–202.

Гранітні інтрузії Коростишевського та Житомирського типу, не досить ясного віку // Український кристалічний масив. Киев. С. 202–209.

Історія дослідження петрології Українського кристалічного масиву // Український кристалічний масив. Киев. С. 7–22.

Корисні копалини Українського кристалічного масиву // Український кристалічний масив. Киев. С. 297–300.

Кременчуцько-Звенигородський плагіогранітний комплекс // Український кристалічний масив. Киев. С. 34–37.

Магматичний габрогранітний комплекс північної та середньої частини Українського кристалічного масиву // Український кристалічний масив. Киев. С. 222–235.

Магматичні породи кристалічних масивів та нові шляхи визначення їх відносного віку // Ювіл. зб., присвяч. тридцятиліттю Великої Жовтневої соціалістичної революції. Киев. С. 111–117.

Мігматити та апліт-гранітна серія // Український кристалічний масив. Киев. С. 37–39.

Натровий метасоматоз в межах Російської платформи // IV наук. сесія Київ. держ. ун-ту: Тези доп. Геол. і географ. С. 3.

О соотношениях юры и карбона на р. Онон (Восточное Забайкалье) // ДАН СССР. Нов. сер. Т. 58. № 3. С. 451–454.

Овруцький метаморфічний комплекс // Український кристалічний масив. Киев. С. 172–173.

Положення Українського кристалічного масиву і відношення його до Руської платформи // Український кристалічний масив. Київ. С. 32–33.

Призовський інтрузивний луговий комплекс // Український кристалічний масив. Київ. С. 259–268.

Стратиграфія Українського кристалічного масиву // Український кристалічний масив. Київ. С. 23–31.

Тетерево-бузька метаморфічна серія // Український кристалічний масив. Київ. С. 64–78.

Ультрабазити, базити і метабазити Призов'я: Загальна характеристика // Український кристалічний масив. Київ. С. 137–158.

1948

Сокращенный курс петрографии. М.; Л. 327 с.

До тридцятиріччя радянської геологічної науки на Україні // Геол. журн. Т. 9. Вип. 3. С. 5–9.

Осадочные отложения и магматические породы в жизни Земли // VI наук. сесія Київ. Держ. ун-ту: Тези доп. Геологія. С. 3.

Рапакиви и щелочные породы Украины // ДАН СССР. Нов. сер. Т. 60. № 2. С. 273–275.

1949

Петрография. 6-е изд., перераб. М.; Л. Т. 2. 438 с.

1950

Ассимиляция и гибридизация на территории Украинского кристаллического массива // Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып 107. Петрограф. сер. № 31. С. 3–13.

Основная литература о И.В. Лучицком*

1907

Иван Васильевич Лучицкий // Киевский курьер. 14 октября. С. 2–3.

1909

Лаппо-Данилевский А., Дьяконов М., Янжул И. Записка об ученых трудах И.В. Лучицкого // Изв. Император. АН. Сер. 6. № 2. С. 114–115.

1913

Кареев Н.И. Беглые заметки по экономической истории Франции в эпоху революции // Изв. с.-петерб. ун-та. С. 130–137, 150.

1914

Кареев Н.И. Пятьдесят лет научной работы И.В. Лучицкого // Науч.-ист. журн. № 4. С. 1–5.

Мякотин В.А. Труды И.В. Лучицкого по малорусской истории // Там же. С. 17–21.

Петров Е. Исследования И.В. Лучицкого по социальной истории Франции в эпоху религиозных войн // Там же. С. 9–17.

Сэ А. Чем экономическая и социальная история Франции XVIII века обязана трудам Лучицкого // Там же. С. 22–29.

Тарле Е.В. И.В. Лучицкий как университетский преподаватель // Там же. С. 5–9.

Тарле Е.В. И.В. Лучицкий: к пятидесятилетию научно-литературной деятельности, 1863–1913 // Голос минувшего. № 1. С. 42–61.

1918

Кареев Н.И. Иван Васильевич Лучицкий: Некролог // Изв. РАН. Сер. 6. Т. 12. С. 2029–2038.

1922

Кареев Н.И. Памяти историков (В.Е. Герье и И.В. Лучицкий) // Анналы. № 1. С. 155–174.

Бутенко В. Наука новой истории в России // Там же. № 2. С. 129–167.

* Список сост. С.И. Лучицкой с дополнениями В.И. Оноприенко.

Глаголева-Данини С. Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху Великой революции // Там же. № 1. С. 72–82.

1925

Кареев Н.И. Историки французской революции. Т. 3. Л. С. 169–181.

1927

Луппол И. Их черновых тетрадей К. Маркса // Летопись марксизма. Кн. 4. С. 56–58.

1929

Бузескул В.И. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Л. Ч. 1. С. 187–200.

1938

Лучицкий Иван Васильевич // БСЭ. 1-е изд. Т. 37. Стб. 505–506.

1940

Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л. С. 314–315.

1942

Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензуре // Сред. века. М.; Л. Вып. 1. С. 185–201.

1949

Шустерман Х.Б. Иван Васильевич Лучицкий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М. – 13 с.

1954

Лучицкий Иван Васильевич // БСЭ. 2-е изд. Т. 25. С. 489.

1958

Шустерман Х.Б. Проблемы религиозных войн во Франции в XVI веке в освещении И.В. Лучицкого // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Т. 3. С. 195–215.

1959

Вебер Б.Г. Происхождение религиозных войн в освещении И.В. Лучицкого // Французский ежегодник, 1958. М. С. 514–559.

1961

Лазоренко Т.Г. И.В. Лучицкий як історик аграрних відносин у Франції напередодні і в час революції XVIII ст. // Вісник Київ. ун-ту. Сер. Історія та філологія. № 4, 1. С. 78–88.

1963

Могильницкий Б.Г. Лучицкий о роли народных масс в религиозных войнах во Франции XVI в. // Методологические и историографические вопросы науки: Сб. ст. Томск. С. 85–106.

[И.В. Лучицкий] // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М. С. 463–474.

Лаптин П.Ф. Проблемы общины в трудах И.В. Лучицкого // Сред. века. М.; Л. Вып. 23. С. 216–226.

1965

Лучицкий Иван Васильевич // Сов. ист. энцикл. Т. 8. Стб. 822–823.

1966

Сказкин С.Д. Спорные вопросы аграрной истории Франции накануне революции // Европа в новое и новейшее время. М. С. 97–114.

1968

Луначарский А.В. Воспоминания, впечатления. М. С. 32.

1969

Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья (работы русских дореволюционных и советских историков) // Проблемы английского феодализма. М. С. 89–90.

1970

Далин В.М. Мануфактурная стадия капитализма во Франции в XVIII в. в освещении “русской школы” // Люди и идеи. М. С. 294–300.

1971

[И.В. Лучицкий] // Радянська енциклопедія історії України. Т. 3. Київ. С. 39.

1973

Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М. С. 316–340.

1974

Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX – 1917 г.). М. С. 272–276.

Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М. С. 145–201, 312–330.

Сказкин С.Д. Лучицкий Иван Васильевич // БСЭ. 3-е изд. Т. 15. С. 80–81.

1976

Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М. Т. 1. Ч. 2. С. 122.

1977

Алиев Л.В. Проблемы сельской общины в классовых обществах // Вопр. истории. № 2. С. 98–110.

Историография новой и новейшей истории. М. С. 219–220.

1981

Далин В.М. История Франции. М. С. 68–71.

Лучицкий Иван Васильевич // Укр. сов. энцикл. Киев. Т. 6. С. 174.

Из литературного наследия академика Е.В. Тарле / Сост. В.А. Дунаевский. – М. – 392 с. [14 писем И.В. Лучицкому, рецензия на его работу, комментарии].

Литература о В.И. Лучицком

- Армашевский П.Я.* [Рец.] Лучицкий В. Микроскопическое исследование кремнистых песчаников губерний Киевского учебного округа // Унив. изв. 1899. № 3. Офиц. часть. С. 57–58.
- Армашевский П.Я.* [Рец.] В.И. Лучицкий. Рапакиви Киевской губернии и породы, его сопровождающие // Там же. 1913. № 2. Офиц. часть. С. 25–32.
- Армашевский П., Андрусов Н.* [Рец.] В.И. Лучицкий. Петрографическое исследование кристаллических пород Баварского Леса // Там же. 1909. № 7. Офиц. часть. С. 7–11.
- В.И. Лучицкий: Некролог // Радянська Україна. 1949. 22 жовтня.
- Володимир Іванович Лучицький. Київ, 1968. 52 с. (Бібліобл. вчених Української РСР).
- Відчит про стан та діяльність Українського відділу Геологічного комітету від 1 жовтня 1924 р. до 1 жовтня 1925 р. // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1926. Вип. 7. С. 5–28, 40–53.
- Десять років праці Українського геологічного комітету // Вісн. Укр. від. Геол. ком. 1928. Вип. 11. С. 6–19.
- История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979. С. 601.
- Історія Академії наук Української РСР. Київ, 1967. Кн. 1. С. 54, 147, 559, 589, 590, 598, 618; Кн. 2. С. 79, 335.
- Клепов И.Л.* Геологический комитет: 1882–1929 гг. История геологии в России. М., 1964. С. 97–100.
- Кузнецов Е.А.* Владимир Иванович Лучицкий // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1950. № 6. С. 129–130.
- Лазаренко Е.К.* Памяти В.И. Лучицкого: 1877–1949 // Минералог. сб. 1950. № 4. С. 329–330.
- Лічков Б.Л.* Історія утворення Українського геологічного комітету // Вісн. Укр. геол. ком. 1919. Вип. 1. С. 3–6.
- Личак И.Л., Усенко И.С.* Значение трудов В.И. Лучицкого для познания докембрия Украины и развития петрографической науки: В связи с 100-летием со дня рождения ученого // Геол. журн. 1979. № 1. С. 79–84.
- Лучицкий Владимир Иванович // БСЭ. Т. 37. С. 505.
- Лучицкий Владимир Иванович // БСЭ. 2-е изд. Т. 25. С. 489.
- Лучицкий Владимир Иванович // БСЭ. 3-е изд. Т. 15. С. 80.
- Лучицький Володимир Іванович // Укр. сов. енцикл. 2-е изд. Т. 6. С. 174.
- Лучицький Володимир Іванович // УРЕ. Т. 8. С. 299.
- Лучицький Володимир Іванович // УРЕ. 2-е вид. Т. 7. С. 246.
- Обручев В.* [Рец.] Лучицкий В.И. Курс петрографии // Вестн. Моск. горн. акад. 1922. Т. 1. Вып. 2. С. 305–306.
- Огляд діяльності Київського товариства природознавців за період з 1917 до 1926 р. // Зап. Київ. т-ва природознавців. 1926. Т. 27. Вип. 1. С. 6–11.

- Оноприенко В.И.* Павел Аполлонович Тутковский. М., 1987. С. 19–23, 31, 37, 67–74, 83, 93–95.
- Оноприенко В.И.* Геология в Украинском научном обществе // Очерки истории естествознания и техники. Вып. 34. Киев, 1988. С. 71–73, 75–76.
- Оноприенко В.И.* Володимир Іванович Лучицький. Київ, 1991. 192 с.
- Оноприенко В., Реент О., Щербань Т.* Українське наукове товариство. 1907–1921. Київ, 1998. 242 с.
- Оноприенко В.И.* Історія української науки. Київ, 1998. С. 114, 120, 159, 281.
- Отчет о деятельности Общества ревнителей технических и физико-математических знаний при Варшавского политехнического института за 1911 г. // Изв. Варшав. политехн. ин-та. 1913. Вып. 3. С. 46–47.
- Отчет о состоянии Варшавского политехнического института за 1909–1910 учебный год // Там же. 1911. Вып. 2. С. 4, 24–32, 72–99.
- Отчет о состоянии Варшавского политехнического института за 1910–1911 гг. // Там же. 1912. Вып. 3. С. 4, 26–37, 59–72.
- Отчет о состоянии Варшавского политехнического института за 1912–1913 гг. // Там же. 1914. Вып. 2. С. 1–4, 33–51.
- Отчет о состоянии и деятельности Киевского общества естествоиспытателей в 1901 г. // Зап. Киев. о-ва естествоисп. 1904. Т. 18. С. XXXIV–XV, LIII.
- Отчет о состоянии и деятельности Киевского общества естествоиспытателей в 1902 г. // Там же. 1905. Т. 19. С. LXXXII–LXXXVIII.
- Работа кафедры петрографии Московского геологоразведочного института // Тр. Моск. геологоразвед. ин-та. 1940. Т. 20. С. 25–29.
- Родионов С.П., Слензак І.Є.* Лучицький Володимир Іванович: До 70-річного ювілею // Геол. журн. 1948. Т. 9. Вип. 1–2. С. 5–10.
- Список наукових робіт дійсного члена Академії наук УРСР професора доктора геолого-мінерал. наук В.І. Лучицького // Геол. журн. 1948. Т. 9. Вип. 1–2. С. 11–18.
- Сябряй В.Т.* Володимир Іванович Лучицький: Некролог // Вісн. АН УРСР. 1949. № 11. С. 60.
- Шарлемань М.* Коротке звітання Комісії краєзнавства // Бюл. Комісії краєзнавства. 1924. № 2. С. 13–15.
- Ювілей найстарішого вченого-геолога України // Київ. правда. 1947. 14 травня.

Указатель имен

- Агафонов В.К. 85
Айзенберг Д.Е. 144
Айнберг Л.Ф. 82
Александров В.П. 265
Алексеев 238
Алексеев А.К. 112
Алешо А.Г. 73
Алиев Л.В. 270
Альбер А. 15
Амалицкая А.П. 53
Амалицкий В.П. 52, 53, 55, 259
Андреев Леонид 30
Андрусов Н.И. 41, 48, 82, 272
Армашевский П.Я. 38–40, 44, 46, 48, 49, 60–62, 64, 65, 69–71, 272
Артоболовский В.М. 74
Архангельская М.М. 91, 93
Архангельский А.Д. 108, 122, 134, 136
Аршинов В.В. 122
Асташенко К.И. 117
Афанасьев Л.М. 116
- Бабий И.А. 7
Бабинец А.Е. 145
Баженов С.И. 97, 99
Байков А.А. 82, 85
Баклунд О.О. 133
Балуховский Н.Ф. 139, 144
Барсанов Г.П. 136
Барсуков В.А. 189
Баярунас М.В. 239
Безбородько Н.И. 73, 76–78, 82, 111, 112, 139, 153, 155
Бейтель А.А. 33
Белевцев Я.Н. 145
- Бельштерли М.К. 135
Белянкин Д.С. 134, 135, 141, 266
Берг Л.С. 161
Бетехтин А.Г. 136
Биленко Д.К. 139
Блан Л. 15
Блохин А.А. 136
Богачев В.В. 112
Бодуэн 214, 222
Болховитинова М.А. 114
Бондарчук В.Г. 139, 141, 144
Бонч-Бруевич В.Д. 105
Бордиловский Е.И. 74
Боржевич И.В. 135
Борисяк А.А. 134
Боуэн Н. Л. 5, 117, 149. 152
Бражникова Н.Е. 144
Брицке Э.В. 122
Брусиловская Ф.А. 13, 19
Брянцев 239
Будников П.П. 139
Бузескул В.И. 269
Букреев Б.Я.
Бунге Н.Н. 85
Буренин Г.С. 80–82, 91, 96, 97, 100
Бурксер Е.С. 112
Бутенко В. 268
Бьёрнсон Б. 25
Бюфф Л. 217
Бюхнер 11
- Вайнштейн О.Л. 269
Василенко Н.П. 28, 33, 246
Василенко П.И. 97, 246
Васильев 240, 241
Вахромеев В.А. 137

- Ващенко-Захарченко М.Е. 218
 Вебер Б.Г. 269, 270
 Вебер В.Н. 239, 255
 Вейншенк Э. 5, 50, 117, 149
 Вейринен Х. 133
 Венюков П.Н. 41–42
 Вернадская Н.Е. 138
 Вернадский В.И. 4, 7, 41, 65, 66,
 70, 72, 76–78, 80, 81, 86–88, 91,
 96, 97, 100, 104, 109, 112, 134,
 137, 147, 148, 164, 233, 247–255
 Вернадский Г.В. 83
 Веселовский А.Н. 219
 Веселовский Г. 77
 Виноградов П.Г. 20, 28
 Висконт К.С. 122
 Вишняков Н. 107
 Власов К.А. 183, 184
 Влодавец В.И. 135
 Войцеховский А.Е. 265
 Волярович М.П. 122, 135
 Волков 239, 240
 Волков Н.А. 264
 Воронеж П.В. 71
 Воскобойников М.М. 71
 Врангель П.Н. 84
 Вульф Е.В. 83, 85
 Выржиковский Р.Р. 65, 80, 94,
 96, 97, 99, 100, 102, 112
 Вырубов Г.Н. 19, 217
 Высоцкий Г.Н. 83

 Гагарин Г.Г. 107
 Ганицкий И.М. 91
 Гапеев А.А. 108
 Гарборг А. 25
 Гедовиус 241
 Гельвиг Р.И. 83
 Гембицкий С.С. 95
 Генрих III 13
 Герман Р. 107
 Герцен А.И. 11
 Герье В.И. 231
 Гизо Ф.П.Г. 10, 218
 Гинзбург И.И. 81, 94
 Глаголева-Данини С. 268

 Глинка С.Ф. 40
 Гогунцов А.В. 246
 Голдринг Н.А. 96, 240
 Головцын В.Н. 144
 Голубев И.И. 80
 Голубев С.Т. 224
 Горький Максим 30
 Готман Я.Д. 116
 Граве Д.А. 71
 Гриви Ж. 229
 Грегуар Л. 19
 Греков Б.Д. 82
 Григорьев И.Ф. 122, 134, 136
 Грицинский П.И. 40, 49
 Губкин И.М. 106, 133
 Гуревич Я.Г. 231
 Гурвич С.Н. 214
 Гуров А.В. 39
 Гутнова Е.В. 270
 Гюг Э. 217

 Далин В.М. 216, 271
 Двойченко П.А. 85, 247
 Девяткин Е.В. 177
 Де-Метц Г.Г. 46
 Денисов-Уральский 107
 Де-Роберти Е.В. 217
 Дерягин В.В. 122
 Динник А.Н. 46, 48
 Доброхотова Е.С. 116, 117
 Докучаев В.В. 38
 Доломанова Е.С. 178
 Домбровский Б.А. 70
 Драгоманов М.П. 17, 221
 Дройзен И.Г. 220, 221
 Дубянский А.А. 139
 Дубянский В.В. 39, 40, 49, 54, 56,
 58, 73, 76, 80, 82, 91, 96
 Дунаевский В.А. 271
 Дылевская А.Н. 66
 Дьяконов М.А. 231, 268

 Екатерина II 222
 Елисеев Н.А. 133
 Еременко Л.И. 7, 8
 Ермаков В.П. 221

- Жири А.** 15, 32
Жирмунский А.М. 108, 247
Жорес Ж. 215, 270
Жуков М.М. 108
- Заборовский А.И.** 114
Заварицкий А.Н. 134, 144–146
Заленский В.Р. 71
Залесский К. 76
Заморий П.К. 139
Зеленко А.Е. 94, 96, 99, 100
Зильберминц В.А. 122
Зихман С. 77
- Ибсен Г.** 25
Иванов В.В. 135
Иванов Л.Л. 91, 95, 111
Иванов С. 77
Иконников В.С. 212, 213, 215
Иловайский Д.И. 122
Ильин В.С. 112, 249
Иностранцев А.А. 160, 191
Иоффе А.Ф. 83
Ищенко А.М. 144
- Калинович Ф.** 82
Каменский Г.Н. 108
Каптаренко-Черноусова О.К. 139
Капустинский А.Ф. 122
Кареев Н.И. 27, 28, 30, 215, 216, 222, 231, 268, 269
Карл V 13
Карно Л. 229
Карно М.Ф.С. 229
Карпинский А.П. 67, 69
Карпов Н.А. 114
Кауфман И.И. 230
Келлер А. 107
Кивлицкий Е.А. 213, 222
Кистяковский А.Ф. 220
Кишера 15
Клемансо Ж. 15, 229
Клеопов И.Л. 95, 272
Клопотов Б.М. 81
Ковалевская С.В. 25
- Ковалевский М.М.** 18, 20, 215, 223, 231
Коваленко В.И. 177
Козловская А.Н. 97
Коклик С.Г. 81, 96, 97, 99, 238, 242
Кокшаров Н.И. 40
Колубакин В.С. 81
Конт О. 11, 12, 15
Коптев-Дворников В.С. 116–118, 135, 166
Корали З.С. 218
Кордыш Л.И. 71
Коржинский Д.С. 135
Корниенко С. 77
Короленко В.Г. 30
Корона 65
Короневич П.М. 53, 56
Корриез П. 32
Корчак-Чепурковский А.В. 82
Корчемкин Л.И. 135
Косинский В.А. 73
Косминский Е.А. 270
Костомаров Н.И. 11, 12
Котельников А.П. 71
Котульский В.К. 237
Кравцов А.И. 136
Кравчук М.Ф. 82
Красовский А.В. 72, 80, 82, 91, 94, 96, 97, 261
Крейтер В.М. 114
Кречун Б. 76
Криштафович Н.И. 112
Крокос В.И. 111, 139
Кропоткин П.Н. 178
Крыжановский Л.А. 39, 40, 43, 49, 66, 100, 107, 238
Крым С.С. 83, 84
Крымский А.Е. 82
Кузнецов Е.А. 108, 116–118, 120, 123, 133, 135, 149, 156–158, 166, 257, 264, 272
Кузнецов И.Г. 133
Кузнецов Н.И. 83, 85
Кун Б. 85
Курнаков Н.С. 147

- Куцыба А.М. 139
Кушакевич А.П. 70, 73
- Лавров П.Л. 13, 19, 214, 219, 220
Лаврович Н.С. 264
Лагорио А.Е. 51, 52, 55
Лазаревский А.М. 224
Лазаренко Е.К. 272
Лазоренко Т.Г. 269
Лакомб 32
Ланге О.К. 238
Лану Ш. 15
Лапин В.В. 135
Лаппо-Данилевский А.С. 231, 268
Лаптин П.Ф. 21, 270
Лапчик Ф.Е. 139
Ласкарев В.Д. 41, 58, 91, 158
Лебедев Н.И. 91, 95
Лебедев П.И. 58, 133–136, 153–155
Левинсон-Лессинг Ф.Б. 41, 134, 135, 160, 254
Левитский В.С. 96, 99
Левицкий О.Д. 174
Левшин А.М. 71
Леже Л. 15
Ленин В.И. 104, 105, 221, 223, 230
Леонтьев Л.Н. 178
Леонтьева А.А. 135
Лепикаш И.А. 139
Лесгафт П.Ф. 29
Лесков Н.С. 30
Лефевр А.К. 25
Литтре Э. 217
Личак И.А. 139, 151, 156, 158, 272
Личков Б.Л. 4, 7, 41, 65, 66, 70, 72, 76–78, 80, 81, 86, 87, 88, 91, 96, 97, 100, 104, 109, 111, 112, 233–246, 253, 272
Личков Л.С. 234, 253
Личкова Е.Л. 81, 82, 97, 234
Лодочников В.Н. 255
Ломанов Л.А. 183
- Ломоносов М.В. 259
Лопатин Г.А. 218
Лопиталь М. 12
Лоташевский Н.Н. 112
Луговский А.Г. 7
Луначарский А.В. 270
Луппол И. К. 269
Лучицкая (Каменцева) Маргарита Артемьевна 45, 176
Лучицкая (Лубнина) Капитолина Павловна 169, 183
Лучицкая (Чолганская) Ольга Ивановна 19, 32, 33
Лучицкая Александра Игоревна 4, 8, 183, 184
Лучицкая Ирина Олеговна 182–183
Лучицкая Маргарита Игоревна 186
Лучицкая Марина Валентиновна 185–187
Лучицкая Мария Викторовна 5, 9, 16–19, 24, 25, 27, 30, 32–34, 213, 225–232
Лучицкая Мария Игоревна 185
Лучицкая Нора Олеговна 7, 181, 182
Лучицкая Светлана Игоревна 7, 18, 213, 268
Лучицкий Александр Игоревич 7, 186
Лучицкий Василий Иванович 9, 16
Лучицкий Иван Васильевич 5, 9–34, 189, 212–232, 268–271
Лучицкий Игорь Владимирович 124, 167, 169–175, 180, 183, 185
Лучицкий Николай Иванович 32, 33
Лучицкий Олег Владимирович 169, 170, 181, 183
Лысенко А.В. 30
Лысенко Н.В. 24, 30
Лысенко Ф.О. 139, 246
Лысин Б.С. 97

- Львов П.А. 70
 Любович Н.Н. 28
 Ляскоронская Е.Г. 230
 Ляскоронский В.Г. 230
- Мазарович А.Н.** 108, 111, 247
 Мазепа И.С. 22
 Маков К.И. 139
 Малевский К.И. 41
 Малик Е. 77
 Мальякин С.Ф. 245, 251
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 30
 Маркс К. 19, 223, 230, 231
 Матвеев А.К. 123
 Медичи Екатерина 13
 Меняйлов А.А. 135
 Милановский Е.Е. 185
 Минаков М. А. 158, 265
 Мирабо О. 15
 Мирчинк Г.Ф. 39, 108, 111, 114,
 123, 247, 249, 255
 Михальский А.О. 43
 Могильницкий Б.Г. 269
 Модестов В.И. 218
 Моисеев А.С. 264
 Мокринский В.В. 66, 78, 80, 91,
 96, 97, 99, 100, 240
 Молинье О. 15
 Молчановский Н.В. 28
 Молякко Г.И. 139
 Монк 12
 Моно Г. 15, 32
 Мори А. 217
 Морли Д. 220
 Морозевич И.А. 52
 Моторин А.А. 82
 Мочалов И.И. 7, 8
 Мушкетов Д.И. 132, 251
 Мушкетов И.В. 160
 Мякотин В.А. 28, 268
- Набоко С.И.** 135
 Нагибина М.П. 183
 Нагибина М.С. 7, 124, 166, 168,
 173, 174, 176–180, 183
 Наследов Е.Н. 108
- Науман К. 40
 Науменко С. 82
 Недашковский 65
 Непот К. 16
 Неустроев Ю.С. 133
 Николаев В. 76, 77
 Новик Е.О. 139. 144
- Оболенская С.В.** 214
 Обручев В.А. 82, 85, 107, 108,
 133, 134, 136, 161, 163, 174,
 177, 272
 Ожегова М.И. 97, 99, 100
 Олар А. 32, 215
 Оллинг 149
 Оноприенко В.И. 268, 273
 Оноприенко М.В. 8
 Ону А.М. 230
 Оппоков Е.В. 73, 80, 112
 Орлов-Давыдов 106
 Островский И.А. 135
 Осьмак К. 77
- Павлов А.П.** 114, 161
 Павловский Е.В. 109, 135
 Палий Р.Н. 89, 94, 96, 99,
 100–102
 Палладин В.И. 82
 Пейве А.В. 137
 Петров В.П. 135, 136
 Петров Е. 268
 Петровский В.Т. 114
 Петрушевский Б.А. 137
 Петрушевский Д.М. 28, 30
 Пилипенко П.П. 123
 Пименова Н.В. 139
 Пирогов Н.И. 9, 10, 48
 Пискорский В.К. 17, 28, 30, 223
 Поггенполь В.А. 234
 Покровский М. 105
 Полканов А.А. 133, 156
 Половинкина Ю.И. 133
 Полонский Ф.М. 246
 Попов Б.А. 58, 60, 152
 Попов В.С. 144
 Попов И.П. 123

Попов С.П. 83, 84, 91
Портенко Л. 76
Преображенский И.А. 135
Пригоровский М.М. 123, 241
Прокупек 240
Пузанов И.И. 85
Пустовалов Л.В. 112
Путилов К.А. 123
Пушкин А.С. 30
Пфейффер Г.А. 71
Пятницкий П.П. 111, 133, 139,
151

Радкевич Е.А. 174
Райе Г. 264
Рамм Д.Ф. 112
Ребиндер П.А. 123
Резников А.П. 51–53
Реформатский С.Н. 40, 71
Ризниченко В.В. 72, 73, 77, 78,
80–82, 91, 94, 96, 97, 111, 242
Ришер 218
Родионов С.П. 44, 139, 273
Родыгин Н.А. 112
Рожков Б.Н. 109
Розанов А.Н. 237, 238
Розенбуш К.Г.Ф. 161
Романова М.М. 152
Рудая С.П. 4
Рудик Ф.Г. 135
Руженцев В.Е. 109
Румянцев-Задунайский П.Я. 24,
222
Рыжков В.Л. 83
Рыков А.И. 105
Рябинин А.Н. 237
Рябов В. 120

Саваренский Ф.П. 114, 123, 134,
247
Самойлов Я.В. 147
Санто К. 229
Саньяк Ф. 32, 215
Сауков А.А. 136
Свитальский Н.И. 111, 139
Селезнева В.В. 7

Сельский В.А. 139, 201
Сельский Л.А. 53, 54, 56
Семененко Н.П. 133, 141, 266
Семенов М. 100
Семенченко В.К. 123
Силин-Бекчурин А.И. 109
Симаков К.В. 4, 8
Симинский К.К. 93
Сиома И.Ф. 58, 234
Сказкин С.Д. 223, 269, 270
Слензак И.Е. 273
Смирнов Н.Н. 116
Смирнов С.С. 136, 174
Смит Х. 5, 117
Смольянинов Н.А. 114
Снобков И.А. 114
Соболев Д.Н. 53, 56, 67, 68, 91,
102
Соболевский П.К. 114
Совинский В.К. 70, 71
Соколов Н.А. 39
Соколов С.Д. 185
Соколовский А.Н. 82, 139
Солдатенков К.Т.
Сологуб Федор 30
Сосунов Н.Ф. 135
Спасская Е.А. 181, 182
Спасский Д.Б. 181
Спенсер Г. 11, 16, 31
Сперанский А.В. 71
Спунский Б.А. 66
Станюкович К.М. 30, 32
Старицкий М.П. 24
Степанов Б.Л. 114
Страхов М.Н. 186
Стрелкин М.Ф. 136
Судовиков М.Г. 133
Сулоев А.И. 265
Сулькевич 84
Сушицкий Ф.Ф. 82
Сушкин П.П. 82
Сэ А. 215, 268
Сябряй В.Т. 273

Талиев В.И. 74, 76, 77
Тамм И.Е. 83

- Танатар И.И. 95, 100, 111, 133
 Танфильев Г.И. 74
 Таран Л.В. 212
 Тарасенко В.Е. 42–44, 58, 88,
 Тарле Е.В. 10, 17, 26, 28, 30, 33,
 34, 213, 218, 220
 Тер-Оганезов В.Т. 114
 Терпигоров А.Н. 106
 Тимофеев К.И. 40, 43, 91, 93
 Тихомиров В.В. 7
 Ткачук Л.Г. 139, 146, 266
 Токарев Н.А. 100, 101, 247
 Трейчке Г. 220, 221
 Троц Е.В. 185, 186
 Тургенев И.С. 13, 19
 Тутковский П.А. 33, 72–74,
 76–78, 80, 91, 96, 111, 112, 164,
 165, 246
 Тьер Л.А. 13, 14

 Украинка Леся 29
 Усенко И.С. 146, 151, 156, 158,
 159, 266, 272
 Усов М.А. 134
 Успенский Глеб 15

Фаас А.Ф. 43
Фавр Ж. 15
Файф 25
Федоров Е.С. 160
Федорович Б.А. 112
Федоровский Н.М. 104, 119, 121,
 132, 242, 254, 247
Фейербах Л. 11
Феофилактов К.М. 35–37, 40,
 41, 58, 88, 190,
Фергюсон А. 12
Ферруччи Ф. 17
Ферсман А.Е. 134, 147
Филипп II 13
Флинт Е.Е. 123
Фогт И.Л. 152
Фойницкий И.Я. 221
Фомин А.В. 75, 77
Форгинский Ф.Я. 224
Фрейвальд Ю.И. 97, 99, 100

Фремд Г.М. 184
Фремд М.В. 89, 96, 97, 99, 242,
 245, 264
Френкель Я.И. 83
Фридман Р.С. 135
Фридрих II 23
Фриман 19

Хаккер А.Л. 133
Хандриков М.Ф. 71
Херасков Н.П.

Цветаев И.В. 30, 32
Цветаева Марина 30
Цезарь К.Ю. 16
Цитович А.А. 100

Чарьгин М.М. 109
Чекановский А.Л. 41
Червяков Н.И. 123
Черногорова М.В. 99
Чернышев Б.И. 95, 139, 146
Чернышев Ф.Н. 38
Четвериков С.Д. 114, 116, 118,
 120, 166, 264
Чирвинский В.Н. 39, 40, 43, 49,
 65–68, 71, 81, 89, 91, 93, 94,
 96–98, 100, 102, 112, 139,
 240
Чирвинский П.Н. 38–40, 43, 49,
 111
Чичерин А.Ф. 264
Чолганская В.Л. 33

Шамека И.Т. 139
Шарлемань Н.В. 73, 77, 273
Шатский Н.С. 114, 123, 136
Шашко-Гедройц В.А. 116
Шварц 18
Швец Ф.П. 91
Швецов М.С. 108, 114, 116, 118,
 123
Шевалье 214, 222
Шиклер Ф. 216
Шлоссер Ф.Х. 10

Штильмарк В.В. 109
Шубников А.В. 134
Шульга П.А. 144
Шульгин В.Л. 10
Шульгина-Ищук Н. 82
Шустерман Х.Б. 269

Щеголев И. 77
Щербаков Д.И. 83, 136
Щербань Т.А. 7

Эйхгорн 75
Эндрюс 19

Юдинсон П.И. 264
Юнг А. 231
Юрк Ю.Ю. 139

Яковлев С. 100
Яната А.А. 73, 76–78, 82
Янжул И. 231, 268
Яншин А.Л. 137, 175

Содержание

От автора	5
Семья. Отец Иван Васильевич Лучицкий	9
Киевская школа геологов. Первые шаги в науке	35
Варшава. Политехнический институт	51
В годы Первой мировой войны и революции	64
Детище В.И. Лучицкого – Украинский Геологический комитет ...	88
Москва. В новых вузах	104
Изыскатель месторождений минерального сырья	119
На закате жизни в Киеве	139
Научное наследие	147
Личность ученого	164
Дети	169
Потомки В.И. Лучицкого – наши современники	181
Дети старшего сына Олега Владимировича	181
Дети младшего сына Игоря Владимировича от первого брака	183
Дети младшего сына Игоря Владимировича от второго брака	186
Документы и публикации	189
В.И. Лучицкий. История исследования петрологии Украинского кристаллического массива	189
Из писем И.В. Лучицкого	212
Из переписки В.И. Лучицкого с коллегами	233
Письма В.И. Лучицкого Б.Л. Личкову	234
Письма В.И. Лучицкого В.И. Вернадскому	247
Даты жизни и деятельности В.И. Лучицкого	256
Научные труды В.И. Лучицкого	259
Основная литература о И.В. Лучицком	269
Литература о В.И. Лучицком	273
Указатель имен	275

Научное издание

Опоприенко
Валентин Иванович
Владимир Иванович
Лучицкий
1877–1949

Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *О.Ю. Василиади*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексева,*
Г.В. Дубовицкая, М.Д. Шерстенникова

Подписано к печати 29.09.2004. Формат 60 × 90^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,0. Усл. кр.-отг. 18,5. Уч.-изд. л. 18,4
Тираж 320 экз. Тип. зак. 3624

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины “Академкнига” с указанием “Книга-почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIKA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”);
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g23.relcom.ru
akadkniga@voxnet.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА



В. И. Оноприенко

**Владимир
Иванович
ЛУЧИЦКИЙ**

В. И. Оноприенко **Владимир Иванович ЛУЧИЦКИЙ**



НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга рассказывает о жизни, педагогической и научно-организационной деятельности крупного отечественного геолога-петрографа академика АН Украины Владимира Ивановича Лучицкого (1877–1949). В.Н. Лучицкий принял активное участие в организации геологических учреждений на Украине, стал инициатором исследований природных богатств УССР, много сделал для расширения минерально-сырьевой базы страны. В.И. Лучицкий – автор первого отечественного учебника петрографии, многократно переиздававшегося.

ISBN 5-02-033214-3



9 785020 332140

